

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси  
«Международный университет «МИТСО»

В. П. Шиенок

**ОЧЕРКИ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ  
МЕТОДОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ  
ЮРИСПРУДЕНЦИИ**

Монография

2-е издание, исправленное и дополненное

Минск • МИТСО • 2017

УДК 34  
ББК 67  
Ш 56

**Автор:**

*В. П. Шиенок*, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник центра современных технологий НИИ ТиСО Международного университета «МИТСО»

**Рецензенты:**

*А. Ф. Вишневский*, доктор исторических наук, профессор по специальности «Право», заслуженный работник образования Республики Беларусь, профессор кафедры теории и истории права УО «Академия МВД Республики Беларусь»;

*И. О. Грунтов*, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета Белорусского государственного университета;

*С. Н. Князев*, доктор юридических наук, профессор, ректор Международного университета «МИТСО»

**Шиенок, В. П.**

Ш 56 Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции : моногр. / В. П. Шиенок. — 2-е изд, испр. и доп. — Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. — 238 с.

ISBN 978-985-6421-46-7.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, в первую очередь на научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, студентов, юристов-практиков, а также людей иных специальностей, интересующихся фундаментальными вопросами индивидуального и общественного мировоззрения, их ролью и значением в функционировании права и государства.

УДК 34  
ББК 67

ISBN 978-985-6421-46-7 © Шиенок В. П., 2016

© Международный университет «МИТСО», 2017

*З любоўю і падзякай  
прывячаю гэтую кнігу майму Майстру раджа ёгі  
Ш. П. Раджагапалачары,  
які пакінуў гэты свет 20 снежня 2014 г.*

## **АД АЎТАРА**

Ідэя падрыхтоўкі манаграфічнай працы, прысвечанай актуальным пытанням метадалогіі юрыдычнай тэорыі і практыкі, паўстала ў мяне на мяжы ХХ–ХХІ стагоддзяў. Да гэтага часу стала відавочна, што глыбіня і маштабнасць геапалітычных і сацыяльна-эканамічных працэсаў, якія адбываюцца на планеце і ў Рэспубліцы Беларусь, з усёй непазбежнасцю дыктуюць неабходнасць глабальнага пераасэнсавання светапоглядных асноў нацыянальнай юрыдычнай навукі, якія грунтаваліся і працягваюць грунтавацца да цяперашняга часу галоўным чынам на савецкім светапоглядзе, ідэалагічных пастулатах марксізму-ленінізму, КПСС і адпаведнай ім прававой дактрыне.

Такім чынам, ёсць усе падставы, каб зрабіць высновы аб тым, што развіццю нацыянальнай юрыспрудэнцыі перашкаджае сістэмная супярэчнасць, прычына якой ў неадпаведнасці паміж кардынальна змененымі аб’ектыўнымі ўмовамi жыццядзейнасці чалавека (эканоміка, соцыум, палітыка) і маральна састарэлай сукупнасцю ідэй, якія складаюць светапоглядны базіс беларускай юрыдычнай навукі, а таксама навукоўцаў-юрыстаў і практыкаў. Гэта супярэчнасць ўзнікла ў перыяд позняга існавання СССР і канчаткова сфарміравалася ў перыяд распаду савецкай дзяржавы, а таксама сусветнай сацыялістычнай сістэмы і ўсё больш паглыбляецца сёння.

Юрыдычная навука і практыка знаходзяцца ў вельмі цяжкім становішчы. Перад людзьмі, грамадствам, дзяржавай аб’ектыўна стаяць новыя эканамічныя, палітычныя, культурна-этнічныя, іншыя жыццёва важныя задачы як унутры краіны, так і за яе межамі, адным з асноўных срод-

каў вырашэння якіх з'яўляецца права. Аднак права і дзяржава функцыянуюць ўсё менш эфектыўна, што асабліва прыкметна ў перыяды эканамічных цяжкасцяў. Фундаментальная прычына іх нізкай прадуктыўнасці бачыцца ў тым, што эфектыўна рэгуляваць паводзіны людзей, грамадскія адносіны (асабліва новага тыпу) на старым светапоглядным і метадалагічным узроўні немагчыма. Вобразна кажучы, гэта падобна спробе пабудаваць прынцыпова новы будынак на старым падмурку, які для гэтага не прыстасаваны, не разлічаны на новую архітэктурную форму. Вынікі такой дзейнасці прадказаць няцяжка. З гэтай прычыны навуковыя даследаванні ў нацыянальнай юрыспрудэнцыі ўсё больш канцэнтруюцца на прыватных, лакальных задачах, звязаных з карэкцыяй асобных норм дзеючага заканадаўства, ўнясенне змяненняў і дапаўненняў, што ператварылася ў перманентны працэс, які выйшаў за межы разумнага. Я маю на ўвазе неапраўдана высокую ступень дынамічнасці нацыянальнага заканадаўства, яго ўнутраную і знешнюю супярэчлівасць і непрадказальнасць. Па ўказаных і іншых прычынах дзеючае заканадаўства ў многіх галінах не толькі не спрыяе, але часам перашкаджае прагрэсіўнаму развіццю грамадскіх адносін і ініцыятывы людзей, грамадскаму прагрэсу. Здараецца, што законы, кодэксы, іншыя нарматыўныя прававыя акты ўжо ў першыя гады пасля прыняцця налічваюць дзясяткі змяненняў і дапаўненняў. У існуючых умовах нявырашанасці прынцыповых светапоглядных пытанняў юрыдычнай навукі займацца прыватнымі пытаннямі (удасканаленнем асобных норм, інстытутаў і нават галін права і заканадаўства) бесперспектыўна, а часам шкодна з-за адсутнасці базісу для такой працы.

Для сучаснай юрыдычнай навукі на постсавецкай прасторы характэрны метадалагічны і паняццёва-змястоўны разрывы паміж палажэннямі тэорыі дзяржавы і права, галіновымі і прыкладнымі юрыдычнымі дысцыплінамі. Часта палажэнні агульнай тэорыі дзяржавы і права не карэлююць з аналагічнымі нормамаі на галіновым і прыкладным узроўні. Так, згодна з агульнапрынятым у тэорыі права пунктам гледжання да ліку маральна-прававых прынцыпаў ад-

носяцца свабода (дазволена ўсё, што не забаронена законам), юрыдычная роўнасць усіх перад законам, галаснасць і г. д. У той жа час у асобных галінах права і заканадаўства мы знаходзім шматлікія абмежаванні і выключэнні з гэтых асноўных прынцыпаў, напрыклад прыярытэт дзяржаўных інтарэсаў над інтарэсамі чалавека (адабранне зямельнага ўчастка, жылля для дзяржаўных патрэб), рэальная няроўнасць форм уласнасці і іншыя падобныя рэчы. Аксіёмай з’яўляецца той факт, што немагчыма прадуктыўна вырашаць прыватныя пытанні без вырашэння агульных. Такім агульным пытаннем любой навукі, а тым больш навукі гуманітарнай, з’яўляюцца яе светапоглядныя (метадалагічныя) асновы, якія складаюць падмурак тэарэтычных ведаў любога тыпу. Аднак усякая, нават самая нязначная карэкцыя метадалогіі, а тым больш стварэнне яе новых асноў – гэта звышзадача, рашэнне якой не пад сілу аднаму альбо групе даследчыкаў у абмежаваны перыяд. Патрабуецца час і планамёрная праца пакаленняў навукоўцаў і практыкаў. Тым не менш даўно надыйшоў момант не проста ставіць пытанне, а пачынаць працу па фарміраванні светапогляднай базы нацыянальнай юрыспрудэнцыі, працаваць на стратэгію яе развіцця, на будучыню краіны. У рамках вырашэння гэтай задачы на працягу апошніх гадоў аўтарам быў падрыхтаваны і апублікаваны ў розных навуковых выданнях шэраг прац па праблеме стварэння новай метадалогіі беларускай юрыспрудэнцыі, якія тычацца як фундаментальных светапоглядных, так і метадалагічных праблем агульнаюрыдычных, галіновых і прыкладных юрыдычных дысцыплін. Гэтыя артыкулы, апублікаваныя ў розны час у розных выданнях, склалі аснову дадзенай працы. Некаторыя з іх перапрацаваныя аўтарам, асобныя артыкулы публікуюцца без зменаў. Спробы філасофскага, метадалагічнага асэнсавання з’яў права і дзяржавы налічваюць шмат стагоддзяў. Можна прыводзіць прыклады канкрэтных помнікаў права, выказванні вялікіх філосафаў, правазнаўцаў, іншых вучоных у розныя гістарычныя перыяды, можна спрабаваць знайсці кропку апоры пры распрацоўцы новай метадалогіі ў рэлігійных і іншых крыніцах. Гэта нармальна, умоўна

кажучы, стандартная тэхналогія і логіка навуковага даследавання. Аднак маштабнасць праблемы (метадалогія) і стан яе прадмета (юрыспрудэнцыя) робяць мала прымальнай традыцыйную юрыдычную тэхналогію даследавання. Па-першае, існуючы светапоглядны ўзровень беларускай юрыдычнай навукі можна ахарактарызаваць як шматслаёвую эклектычную сумесь ідэй і поглядаў, падмурак якой складаюць касметычна перайначаныя палажэнні дыялектычнага і гістарычнага матэрыялізму позняга савецкага перыяду. Такім чынам, дадзены падмурак проста непрымальны для пабудовы новага будынка юрыдычнай навукі. Па-другое, яе сістэма, міжпрадметныя сувязі паміж рознымі юрыдычнымі дысцыплінамі вельмі забытаныя, ўнутрана і вонкава супярэчлівыя. Па-трэцяе, назапашаная гіганцкая маса катэгорый, іншых тэарэтычных канструкцый, значная частка якіх знаходзіцца ў сістэмнай супярэчнасці. Па-чацвёртае, юрыдычная тэорыя і практыка рухаюцца паралельна, амаль не датыкаючыся адзін да аднаго, што сведчыць пра крытычнае становішча абодвух напрамкаў сацыяльнай практыкі. У сувязі з гэтым я вырашыў пры даследаванні праблемы стварэння новай метадалогіі юрыспрудэнцыі максімальна абстрагавацца ад усяго, што было зроблена вялікімі папярэднікамі, калегамі-навукоўцамі мінулага і сучаснасці і пачаць, як кажучь, з чыстага ліста, звяртаючыся да апублікаваных матэрыялаў толькі ў выпадку крайняй неабходнасці. Дадзенае становішча можна разглядаць у якасці аднаго з прынцыпаў гэтых навуковых пошукаў.

Другім прынцыповым момантам правядзення гэтага тэарэтычнага даследавання з'яўляецца максімальна даступнае, простае выкладанне даследчага матэрыялу з мінімальным выкарыстаннем складаных, дыскусійных паняццяў і іншых тэарэтычных канструкцый. Метадалогія навукі складаная сама па сабе як аб'ект даследавання. У выпадку ж спробы стварыць новую метадалогію ступень складанасці праблемы павялічваецца ў разы. Гэта не дзіўна, бо любыя новыя ідэі і погляды складаныя для ўспрымання любым чалавекам з прычыны сваёй непадобнасці на традыцыйныя, якія пануюць у навуцы. Такім чынам, прастата і даступнасць

мовы, катэгорый і стылю дадзенага даследавання – гэта неабходная ўмова яго правядзення.

І нарэшце, вышэйпералічаныя і іншыя праблемы, характэрныя для сучаснай нацыянальнай юрыспрудэнцыі, аўтаматычна транслююцца ў праграмы па тэорыі дзяржавы і права і іншых вучэбных дысцыплін для юрыдычных ВНУ, у адпаведную вучэбную і навукова-практычную літаратуру. Напрыклад, першая тэма курса тэорыі дзяржавы і права традыцыйна прысвечана сістэме дадзенай навукі і яе метадалогіі. Наколькі рэальна засвоіць метадалогію базавай юрыдычнай навукі, фактычна ўсёй юрыспрудэнцыі студэнтам-першакурснікам, калі нават паважныя навукоўцы кардынальна разыходзяцца ў меркаванні па гэтаму пытанню. І такіх прыкладаў мноства. Следствам сістэмнай няяснасці, забытанасці і супярэчлівасці навучальнага матэрыялу з’яўляецца яго механічнае завучванне або ігнараванне студэнтамі-юрыстамі, рост «адукацыйнага нігілізму» сярод іх. У сваю чаргу, прабелы ў адукацыі – адна з галоўных прычын сённяшніх і перспектывных праблем у юрыдычнай (і не толькі) тэорыі і практыцы. Учорашнія студэнты з гадамі прыходзяць на змену сваім выкладчыкам, становяцца юрыстамі-практыкамі, працуюць ва ўсіх сферах дзяржаўнага і грамадскага жыцця. Незасвоеная або невывучаная студэнтам вучэбная інфармацыя раўназначная памылцы ў камп’ютарнай праграме. Прабелы ў светапоглядзе, метадалогіі для чалавека як сістэмная памылка у працы камп’ютара, наступствы якой могуць быць прыкметныя не адразу, але вельмі драматычныя і відавочныя праз некаторы час. Асноўная ідэя, якая ляжыць у аснове нарысаў, якая аб’ядноўвае іх у адзінае цэлае, – чалавек як біясацыяльная істота, існаванне якога выклікае да жыцця, праяўляе, робіць неабходным права і дзяржаву. Прыняцце факта, што чалавек (грамадства) з’яўляецца першапрычынай існавання права і дзяржавы, з усёй відавочнасцю прыводзіць да думкі аб неабходнасці вывучаць іх толькі праз прызму стратэгіі жыццядзейнасці людзей. У сваю чаргу, такі падыход патрабуе новага філасофска-прававога асэнсавання чалавека як з’явы, як пануючага віда на планеце. У гэтым ракурсе ча-

лавек бачыцца не толькі як біямеханічнае стварэнне з плоці і крыві, надзеленае свядомасцю цела, гэта выключна матэрыялістычны, механістычны падыход. Новы метадалагічны падыход да разумення чалавека ў юрыспрудэнцыі павінен прызнаваць адзінства яе душы і цела, у глабальным плане – духоўнага і матэрыяльнага бакоў існавання ўсяго зямнога. Прынцыпова важны момант – вяртанне ў сферу навуковага цікавасці да катэгорыі «душа чалавека» ў якасці аб'екта даследавання. Больш за стагоддзе таму еўрапейская свецкая навука адыйшла ад вывучэння феномена чалавечай душы, выключнае права на яе даследаванне атрымалі рэлігія і багаслоўскія навукі. Аднак такое аднабаковае бачанне чалавека свецкай навукай у цэлым і яе сацыяльным блокам не можа працягвацца вечна, такая канцэпцыя па вызначэнні аднабокая і дыялектычна супярэчлівая. Вынікам такога становішча можна лічыць татальнае дамінаванне матэрыяльных аспектаў чалавечага жыцця, яго законаў пры адначасовым ігнараванні духоўнага жыцця на індывідуальным і сацыяльным узроўнях практычна ва ўсіх краінах свету. Чалавек і грамадства нацэленыя ў асноўным на рашэнне матэрыяльных задач, дасягненне камфортнага, бяспеднага існавання, базавыя маральныя каштоўнасці пры гэтым ігнаруюцца бакамі альбо проста не бяруцца ў разлік. Міждзяржаўныя адносіны ўсё больш палярызуюцца, вайна зноў стала звычайным сродкам іх высятлення, законнасць і правапарадак саступаюць месца праву моцнага. Думаецца, менавіта цяпер, ва ўмовах татальнага крызісу, які развіваецца на планеце, ўсё больш відавочная неабходнасць змены старых падыходаў да права і дзяржавы, фарміравання новай метадалогіі нацыянальнай юрыспрудэнцыі, заснаванай на разуменні чалавека як адзінства душы і цела. Кожны з гэтых бакоў існавання жыве па сваіх законах, мае ўласныя задачы і мэты, але тым не менш яны ўтвараюць чалавека, працяляюцца ва ўсіх сферах індывідуальнага і грамадскага жыцця.

Другое выданне гэтай кнігі дапоўнена пяццю новымі нарысамі, прысвечанымі больш дэталёваму разгляду сутнасці чалавека ў прыкладанні да дзяржавы і права ў цэлым



і да асобных задач і галін юрыспрудэнцыі. Упершыню ў юрыдычнай навучы зроблена спроба канцэптуальнага аналізу ўнутранай, духоўнай арганізацыі чалавека, яго асноўных элементаў з пункту гледжання задач, якія стаяць перад юрыспрудэнцыяй. Для лепшага ўспрымання прынцыпова новага для большасці чытачоў матэрыялу артыкулы, прысвечаныя сутнасным падыходам да разумення чалавека з выкарыстаннем такіх катэгорый, як «душа», «інфармацыйнае поле душы», «лёс», напісаныя ў прыкладанні да задач крыміналогіі як базавай навуковай дысцыпліны. Крыміналогія ў будучыні бачыцца як агульнаюрыдычная, надгаліновая навука, якая распрацоўвае агульныя механізмы і меры папярэджання супрацьпраўных паводзін чалавека, гарманізацыі яго асобы, усяго соцыуму. Трэці артыкул – аб дыялектыцы прававой і індывідуальнай рэальнасці – працягвае даследаванне сутнасці чалавека і ўключае ў прадмет разгляду прававых з’яў інфармацыю, механізмы ўзаемаўплыву чалавека і права, яго абумоўленасць дзейнасцю людзей. У якасці базавай ідэі даследавання ў гэтым нарысе выкарыстоўваецца палажэнне аб вібрацыйна-энергетычнай прыродзе матэрыі, а таксама іншая адпаведная інфармацыя філасофскага, прыродазнаўчанавуковага і прыкладнога значэння. Неабходнасць асобнай працы, прысвечанай крытычнаму аналізу класавай сутнасці права, выклікана глыбока ўкаранёнымі поглядамі савецкай юрыдычнай школы па гэтым пытанні. Дадзены нарыс дэталізуе і развівае палажэнні раней апублікаванага артыкула пра сутнасць права. У пятым нарысе даследуюцца пытанні рэгуляцыйнай функцыі права ў прыкладанні да прынцыповага механізму рэгулявання паводзін чалавека.

Новыя нарысы дазваляць, з аднаго боку, канкрэтызаваць і дэталізаваць змест першага выдання манаграфіі, з другога – яны ўтрымліваюць блок прынцыпова новых ведаў, якія маюць патрэбу ў асэнсаванні, ацэнцы і абмеркаванні ў навуковай супольнасці, а таксама з юрыстамі-практыкамі, ішымі зацікаўленымі асобамі.

На заканчэнне дазвольце выказаць шчырую ўдзячнасць паважаным вучоным, аднадумцам доктару юрыдычных на-

вук, прафесару Станіславу Нікіфаравічу Князеву, заслужанаму работніку адукацыі Рэспублікі Беларусь, доктару гістарычных навук, прафесару Аляксею Фёдаравічу Вішнеўскаму, доктару юрыдычных навук, дацэнту Ігару Алегавічу Грунтову за дапамогу ў падрыхтоўцы і выданні дадзенай кнігі, адкрытасць і добразычлівасць. Я дзякую ўсім супрацоўнікам кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь, праца ў складзе якой дазволіла мне панаваму ўбачыць і ўсвядоміць значнасць, глыбіню і вастрыню метадалагічных праблем, якія стаяць перад нацыянальнай юрыспрудэнцыяй.

Выказваю асобную падзяку супрацоўнікам выдавецкага цэнтра Міжнароднага ўніверсітэта «МІТСО» за высокі прафесіяналізм і добразычлівасць у працы па падрыхтоўцы да друку і апублікаванню рукапіса манаграфіі.

Шчыра дзякую ўсім чытачам першага выдання манаграфіі, якія выказалі сваё меркаванне аб ідэях гуманістычнай метадалогіі на старонках друкаваных выданняў, у дыскусіях і іншым шляхам.

## ОТ АВТОРА

*С любовью и благодарностью  
посвящаю эту книгу моему Мастеру раджа йоги  
Ш. П. Раджагопалачари, покинувшему этот мир  
20 декабря 2014 г.*

Идея подготовки монографической работы, посвященной актуальным вопросам методологии юридической теории и практики, возникла у меня на рубеже XX–XXI веков. К этому времени стало очевидно, что глубина и масштабность геополитических и социально-экономических процессов, происходящих на планете и в Республике Беларусь, со всей неизбежностью диктуют необходимость глобального переосмысления мировоззренческих основ национальной юридической науки, которые базировались и продолжают базироваться в настоящий момент главным образом на мировоззрении советского времени, идеологических постулатах марксизма-ленинизма, КПСС и соответствующей им правовой доктрине.

Таким образом, имеются все основания для вывода о том, что развитие национальной юриспруденции, а также в целом отечественной науки, тормозится системным противоречием, причина которого состоит в несоответствии между кардинально изменившимися объективными условиями (экономика, социум, политика) жизнедеятельности человека и морально устаревшей совокупностью идей, составляющих мировоззренческий базис белорусской науки, а также ученых-юристов и практиков. Это противоречие возникло в период позднего существования СССР и окончательно сформировалось к моменту распада советского государства, а также мировой социалистической системы и все более углубляется в настоящее время.

Юридическая наука и практика находятся в весьма затруднительном положении. Перед людьми, обществом, государством объективно стоят новые экономические, политические, культурно-этнические, иные жизненно важные

задачи как внутри страны, так и за ее пределами, одним из основных средств решения которых является право. Однако право и государство функционируют все менее и менее эффективно, что особенно заметно в периоды экономических трудностей. Фундаментальная причина их низкой продуктивности видится в том, что эффективно регулировать поведение людей, общественные отношения (особенно нового типа) на старом мировоззренческо-методологическом уровне невозможно. Образно говоря, это подобно попытке построить принципиально новое здание на старом фундаменте, который для этого не приспособлен, не рассчитан на новую архитектурную форму. Последствия такой деятельности нетрудно предположить. В результате научные исследования в национальной юриспруденции все больше концентрируются на частных, локальных задачах, связанных с коррекцией отдельных норм действующего законодательства, внесение изменений и дополнений в которое превратилось в перманентный процесс, вышедший за пределы разумного. Я имею в виду неоправданно высокую степень динамичности национального законодательства, его внутреннюю и внешнюю противоречивость и непредсказуемость. По указанным и иным причинам действующее законодательство во многих областях не только не способствует, но иногда препятствует прогрессивному развитию общественных отношений, развитию инициативы людей, общественному прогрессу. Случается, что законы, кодексы, иные нормативные правовые акты уже в первые годы после принятия насчитывают десятки изменений и дополнений.

В сложившихся условиях нерешенности принципиальных мировоззренческих вопросов юридической науки заниматься частными вопросами, т. е. совершенствованием отдельных норм, институтов и даже отраслей права и законодательства, бесперспективно, а подчас вредно в силу отсутствия исходного базиса для такой работы.

Для современной юридической науки на постсоветском пространстве характерен методологический и понятийно-содержательный разрыв между положениями теории государства и права, отраслевыми и прикладными юридически-

ми дисциплинами. Часто положения общей теории государства и права не коррелируют с аналогичными нормами на отраслевом и прикладном уровне. Так, согласно общепринятой в теории права точке зрения к числу нравственно-правовых принципов относятся свобода (разрешено все, что не запрещено законом), юридическое равенство всех перед законом, гласность и т. д. В то же время применительно к отдельным отраслям права и законодательства мы находим многочисленные ограничения и изъятия из этих основных начал, например приоритет государственных интересов над интересами человека (изъятие земельного участка, жилья для государственных нужд), реальное неравенство форм собственности и другие подобные вещи.

Аксиомой является тот факт, что невозможно продуктивно решать частные вопросы без решения общих. Таким общим вопросом любой науки, а тем более науки гуманитарной, являются ее мировоззренческие (методологические) основы, которые составляют фундамент теоретического знания любого типа. Однако всякая, даже самая незначительная коррекция методологии, а тем более создание ее новых основ – это сверхзадача, решение которой не под силу одному или группе исследователей в ограниченный временной интервал. Требуется время и планомерная работа поколений ученых и практиков. Тем не менее давно настал момент не просто ставить вопрос, а начинать работу по формированию мировоззренческой базы национальной юриспруденции, работать на стратегию ее развития, на будущее страны.

В рамках решения данной задачи на протяжении последних лет автором был подготовлен и опубликован в различных научных изданиях ряд работ по проблеме создания новой методологии белорусской юриспруденции, касающихся как фундаментальных мировоззренческих, так и методологических проблем общеюридических, отраслевых и прикладных юридических дисциплин. Эти статьи, опубликованные в разное время в различных изданиях, составили основу данной работы. Некоторые из них подверглись в последующем авторской правке, отдельные статьи публикуются без изменений.

Попытки философского, методологического осмысления явлений права и государства насчитывают много веков. Можно приводить примеры конкретных памятников права, высказывания великих философов, правоведов, иных ученых в различные исторические периоды, можно пытаться найти точку опоры при разработке новой методологии в религиозных и иных источниках. Это нормальная, условно говоря, стандартная технология и логика научного исследования. Однако масштабность проблемы (методология) и состояние ее предмета (юриспруденция) делают мало приемлемой традиционную юридическую технологию исследования. Во-первых, существующий мировоззренческий уровень белорусской юридической науки можно охарактеризовать как многослойную эклектическую смесь идей и взглядов, фундамент которой составляют косметически видоизмененные положения диалектического и исторического материализма позднего советского периода. Таким образом, данный фундамент просто неприемлем для построения нового здания юридической науки. Во-вторых, ее система, межпредметные связи между различными юридическими дисциплинами крайне запутанны, внутренне и внешне противоречивы. В-третьих, накоплена гигантская масса категорий, иных теоретических конструкций, значительная часть которых находится в системном противоречии друг с другом. В-четвертых, юридическая теория и практика движутся как бы параллельно друг другу, лишь иногда слегка соприкасаясь, что свидетельствует о критическом положении обоих направлений социальной практики. В связи с этим мною было принято решение при исследовании проблемы создания новой методологии юриспруденции максимально абстрагироваться от всего, что было сделано великими предшественниками, коллегами-учеными прошлого и настоящего и начать, как говорится, с чистого листа, обращаясь к опубликованным материалам только в случае крайней необходимости. Данное положение можно рассматривать в качестве одного из принципов этих научных изысканий.

Вторым принципиальным моментом проведения настоящего теоретического исследования является максимально

доступное, простое изложение исследовательского материала с минимальным использованием сложных, дискуссионных понятий и иных теоретических конструкций. Методология науки сложна сама по себе как объект исследования. В случае же попытки создания новой методологии степень сложности проблемы увеличивается в разы. Это не удивительно, так как любые новые идеи и взгляды сложны для восприятия любым человеком в силу своей непохожести на традиционные, господствующие в науке. Таким образом, простота и доступность языка, категорий и стиля данного исследования – это необходимое условие его проведения.

И наконец, вышеперечисленные и иные проблемы, характерные для современной национальной юриспруденции, автоматически транслируются в программы по теории государства и права и иным учебным дисциплинам для юридических вузов, соответствующую учебную и научно-практическую литературу. Например, первая тема курса теории государства и права традиционно посвящена системе данной науки и ее методологии. Насколько реально усвоение методологии базовой юридической науки, фактически всей юриспруденции, студентом-первокурсником, когда даже маститые ученые кардинально расходятся во мнении по данному вопросу? И таких примеров множество. Следствием системной неясности, запутанности и противоречивости учебного материала является его механическое заучивание или игнорирование студентами-юристами, а также растущий «образовательный нигилизм» среди них. В свою очередь, пробелы в образовании являются одной из главных причин текущих и перспективных проблем в юридической (и не только) теории и практике. Вчерашние студенты с годами приходят на смену своим преподавателям, становятся юристами-практиками, работают во всех сферах государственной и общественной жизни. Неусвоенная или невыученная студентом учебная информация равносильна ошибке в компьютерной программе. Пробелы в мировоззрении, методологии для человека равносильны системным ошибкам в работе компьютера, последствия которых могут быть не сразу заметны, но весьма драматичны и очевидны по прошествии времени.

Основная идея, лежащая в основе очерков, объединяющая их в единое целое, – человек как биосоциальная сущность, существование которого вызывает к жизни, проявляет, делает необходимым право и государство. Принятие факта, что человек (общество) является первопричиной существования права и государства, со всей очевидностью приводит к мысли о необходимости их изучения только через призму стратегии жизнедеятельности людей. В свою очередь, такой подход требует нового философски-правового осмысления человека как такового, как господствующего вида на планете, как явления. В этом плане человек видится мне не как сугубо биомеханическая сущность, состоящее из плоти и крови, наделенное сознанием тело. Это сугубо материалистический, механистический подход. Новый методологический подход к пониманию человека в юриспруденции должен признавать единство его души и тела, в глобальном плане – духовной и материальной сторон существования всего земного. Принципиально важным моментом в этом плане является возвращение в сферу научного интереса категории «душа человека» в качестве объекта исследования. Уже более ста лет в Европе светская наука ушла от изучения феномена человеческой души, по причине чего исключительное право на ее исследование получили религии и богословские науки. Однако такое одностороннее видение человека светской наукой в целом и ее социальным блоком не может продолжаться вечно, такая концепция по определению односторонняя и диалектически противоречива. Следствием такого положения можно считать тотальное доминирование материальных аспектов человеческой жизни, ее законов при одновременном игнорировании духовной жизни на индивидуальном и социальном уровнях практически во всех странах мира. Человек и общество нацелены в основном на решение материальных задач, достижение комфортного, безбедного существования, базовые моральные ценности при этом игнорируются сторонами либо просто не берутся в расчет. Межгосударственные отношения все больше поляризуются, война опять является заурядным средством их выяснения, законность и правопорядок уступают место праву сильного.



Думается, именно сейчас, в условиях тотального кризиса, развивающегося на планете, становится все более очевидной необходимость изменения старых подходов к праву и государству, формирования новой методологии национальной юриспруденции, основанной на понимании человека как единства души и тела. Каждая из этих сторон существования живет по своим законам, имеет собственные задачи и цели, но тем не менее они образуют человека, проявляются во всех сферах индивидуальной и общественной жизни.

Второе издание этой книги дополнено пятью новыми очерками, посвященными более детальному рассмотрению сущности человека в преломлении к государству и праву в целом, а также к их отдельным задачам и отраслям юриспруденции. Впервые в юридической науке предпринята попытка концептуального анализа внутренней, духовной организации человека, основных ее элементов с позиций актуальных теоретико-прикладных задач. Для удобства восприятия принципиально нового для большинства читателей материала статьи, посвященные сущностным подходам к пониманию человека с использованием таких категорий, как «душа», «информационное поле души», «судьба», написаны в преломлении к задачам криминологии как базовой научной дисциплины. Роль криминологии в будущем видится в качестве общеправовой, надотраслевой науки, разрабатывающей общие механизмы и меры предупреждения противоправного поведения человека, гармонизации его личности, а также всего социума. Третья статья – о диалектике правовой и индивидуальной реальности – продолжает исследование сущности человека, включая в предмет рассмотрения правовых явлений информацию, механизмы взаимовлияния человека и права, обусловленность последнего деятельностью людей. В качестве базовой идеи исследования в этом очерке использовалось положение о вибрационно-энергетической природе материи, а также иная соответствующая информация философского, естественно-научного и прикладного значения. Необходимость отдельной работы, посвященной критическому анализу классовой сущности

права, вызвана глубоко укоренившимися воззрениями советской юридической школы по этому вопросу. Данный очерк детализирует и развивает положения ранее опубликованной статьи о сущности права. В пятом очерке исследуются вопросы регулятивной функции права в преломлении к принципиальному механизму регулирования поведения человека.

Новые очерки позволят, с одной стороны, конкретизировать и детализировать содержание первого издания монографии, с другой – они содержат большой блок принципиально новых знаний, нуждающихся в осмыслении, оценке и обсуждении в научном сообществе, а также со стороны юристов-практиков, всех иных заинтересованных лиц.

В завершение позвольте выразить искреннюю признательность уважаемым ученым, единомышленникам доктору юридических наук, профессору Станиславу Никифоровичу Князеву, заслуженному работнику образования Республики Беларусь, доктору исторических наук, профессору Алексею Федоровичу Вишневному, доктору юридических наук, доценту Игорю Олеговичу Грунтову за помощь, оказанную в подготовке и издании данной книги, открытость и благожелательность.

Я благодарю всех сотрудников кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, работа в составе которой позволила мне по-новому увидеть и осознать значимость, глубину и остроту методологических проблем, стоящих перед национальной юриспруденцией.

Выражаю отдельную благодарность сотрудникам издательского центра Международного университета «МИТСО», за высокий профессионализм и благожелательность в работе по подготовке к печати и опубликованию рукописи монографии.

Большое спасибо всем читателям первого издания монографии, высказавшим свое мнение об идеях гуманистической методологии на страницах печатных изданий, в устных дискуссиях либо иным путем.

## **О НЕОБХОДИМОСТИ И ПУТЯХ ИЗМЕНЕНИЯ МЕТОДОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Возникновение права и государства, исторические этапы их развития, назначение, сущность и содержание, иные вопросы этих базовых социальных явлений и категорий юриспруденции изучаются уже не одно тысячелетие. В зависимости от мировоззренческих позиций исследователей, методик исследования в теории государства и права существует ряд классификаций, принято выделять ряд общеправовых школ, теорий (теологическая, естественно-правовая, нормативистская, социологическая и т. д.). Проведенный с этих позиций даже беглый обзор учебной и научной литературы по общей теории права, изданной на постсоветском пространстве, позволяет констатировать, что как в белорусской, так и в юридической науке иных стран СНГ господствует так называемая нормативистско-позитивистская концепция права. И хотя некоторые авторы и научные коллективы заявляют, что рассматривают право и государство с иных, например либеральных, естественно-правовых или теологических позиций, это скорее заявление о намерениях, чем реальное состояние дел. Содержание юридических категорий и система юридической науки на постсоветском пространстве остается нормативистской. Право рассматривалось и рассматривается в качестве системы норм (правил, предписаний), установленных либо санкционированных государством. Основное назначение государства сторонники нормативизма видят в регулировании общественных отношений с помощью права. Соответственно главная задача юриспруденции заключается в изучении и совершенствовании различных юридических конструкций, средств и их комбинаций (норм, институтов, отраслей, правоотношений и т. д.). Человек изучается юридической наукой в качестве субъекта права «физическое лицо», т. е. как правовая абстракция, наряду с юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и т. д. Такой методоло-

гический подход в конечном счете приводит к тому, что реальный человек с его состоянием, нуждами, потребностями, желаниями выпадает из предмета юриспруденции, право не видит его. В то же время посредством права мы пытаемся регулировать поведение людей, общественные отношения.

Не вызывает сомнений, что мировоззренческие позиции ученого-юриста определяют методологию проводимых им исследований и соответственно влияют на конечные результаты его работы. Мировоззрение для любого человека, осознает он это или нет, подобно программе для компьютера, которая определяет его потенциальные операционные возможности. И здесь мы можем увидеть еще одну интересную методологическую характеристику современной национальной юриспруденции. Формально юридическая наука отказалась от диалектического материализма как всеобщего универсального метода познания, объявив о своей приверженности всеобщему диалектическому методу. Однако, как и в предыдущем случае, это не более чем декларация о намерениях, но не реальное состояние дел. Данная декларация почти никак не сказывается на состоянии научных исследований, категориальном аппарате и системе национальной юриспруденции, которая не претерпела сколько-нибудь существенных изменений с недавнего советского прошлого. Так называемый всеобщий диалектический метод господствует только на бумаге, формально.

И это неудивительно. Во-первых, новая методология не может прийти в науку директивно, так сказать, «по приказу совнаркома». Изменение парадигмы науки возможно только через изменение мировоззрения ученых, которое представляет собой основу методологии, базовую программу текущих и перспективных научных исследований. Во-вторых, в национальной юридической науке (и не только юридической) отсутствует ясное понимание, фундаментальные исследования сущности всеобщего диалектического метода и конкретные направления его реализации. В-третьих, в стране не ведется широкая научная дискуссия по данной проблеме, что отчасти обусловлено отсутствием необходимых условий для этого.

Любой исследователь методологии сталкивается с вопросом выбора исходной точки, отправного пункта осмысления права и государства в качестве краеугольных, исходных юридических категорий. Я также столкнулся с этим вопросом. Вывод, к которому я пришел, оказался весьма очевиден и на первый взгляд прост. Эта простота и очевидность составляли для меня, как, видимо, и для других ученых-юристов, основную проблему в силу прежней приверженности к сложным, семантически строго не определенным, теоретическим абстракциям. Как бы мы ни понимали, как бы ни относились к праву и государству, какой бы концепции на их сущность и закономерности возникновения ни придерживались, существует один момент, который невозможно игнорировать, на каких бы мировоззренческих позициях не стоял исследователь. Этим моментом, аспектом, а также основной идеей, делающей возможной существование государства и права как таковых, является человек, общество как совокупность людей. Если нет людей, общества, в макро- или микроразличии данного слова, не может быть реального существования государства и права в их теперешнем понимании, так как отсутствует объективная необходимость в этих явлениях. Это очевидный факт, который тем не менее нуждается в определенных комментариях, несмотря на кажущуюся внешнюю простоту.

Разработка новой системы взглядов о человеке должна предшествовать новым подходам к исследованию сущности права и государства, иных принципиально важных вопросов юриспруденции либо идти параллельно с ними, но всегда с определенным опережением. Это обусловлено производным характером права и государства по отношению к человеку в принципе. Человек в контексте юриспруденции есть одновременно главный объект воздействия права и государства и субъект этого процесса. В тот же момент он всегда является «вещью в себе», значительная его часть находится за пределами прямого государственно-правового воздействия. По большому счету право и государство не регулируют поведение человека. Методологически правильнее говорить о том, что человек, общество регулируют свое по-

ведение посредством права и государства, но не наоборот. Человек и общество – саморегулирующиеся системы, использующие для этого различные средства и методы, в том числе государственно-правовые. Отсюда очевидно, что без новых подходов к пониманию сущности человека, системы стратегических целей и задач его жизни невозможны реальные изменения в методологии юридической науки.

Разработка новой общенаучной концепции человека является необходимым условием создания новой методологии в любой отрасли научного знания, а не только в юриспруденции, ибо существование человека и общества предопределяет существование науки как теоретического знания в ее нынешнем виде. От того, как и в какой степени каждый член общества, особенно его интеллектуальная элита, понимает законы природы, место и роль человека на планете, систему стратегических целей и задач и тому подобные вопросы, зависит будущее не только конкретного человека, общества, народа, но и человечества в целом. По этой причине новая концепция человека – это междисциплинарная, комплексная проблема, требующая участия специалистов различных отраслей научного знания. Роль государства в этом вопросе очевидна – это создание благоприятных организационно-правовых условий для данного фундаментального стратегического исследования, включая финансирование соответствующих разработок. Это исследование необходимо для эффективной и гармоничной организации функционирования общества, что является главной задачей социального государства.

Человек в качестве объекта подлежит непосредственному изучению юридической наукой в силу ряда причин по соответствующим направлениям. Во-первых, каждый человек строго индивидуален, что предопределено законами природы, каждый обладает собственной судьбой. Однако все люди подчинены общим законам существования, имеют общую стратегическую цель и задачи жизни. Эти знания (о системе общих целей и задач людей) жизненно необходимы юридической науке и практике для эффективного функционирования государства и права как таковых. Речь идет

об изучении влияния права и государства на достижение человеком стратегической цели своей жизни и системы соответствующих задач (как материальных, так и духовных), государственно-правового обеспечения создания условий для их реализации. Это магистральное направление развития юриспруденции. Собственно, формально-юридические конструкции (категории, нормы, институты, отрасли права и т. д., т. е. то, что изучает юридическая наука в ее современном виде) представляются в качестве, не менее важном, чем первое, но производным, обеспечивающим направлением. Во-вторых, посредством государственно-правового воздействия решается задача формирования определенных моделей поведения у членов общества. Например, уважительно-го отношения к чужой собственности. Эти модели поведения будут внедряться более эффективно, если юриспруденция будет учитывать систему духовных, изначально заложенных в каждом человеке целей и задач. В-третьих, и регулятивная, и охранительная, и воспитательная, и все иные функции права и государства просто не могут эффективно выполняться, основываясь на рекомендациях, рассчитанных на субъект права, а не на человека.

Диалектический материализм как основа мировоззрения и базировавшаяся на нем советская юриспруденция, ее методология также не отрицали существование человека, общества, их активную роль в государственно-правовых явлениях. Однако диалектический материализм отрицал и отрицает наличие реальной духовной составляющей человека, абсолютизируя его материальную часть. Духовность рассматривалась в контексте искусства, традиций, нравственности и тому подобных явлений. Феномен души в принципе отрицался и отрицается либо игнорируется в настоящее время в светских науках. Несмотря на формальные заявления, грубый материализм господствует и сейчас.

Индикатором ухода исследователя с позиций диалектического материализма, изменения парадигмы его мышления, а также принципиальным вопросом для понимания человека с позиций гуманистической методологии является факт признания ученым существования феномена челове-

ческой души как нематериальной субстанции, предшествующей возникновению физического тела, выступающей организующим началом всей человеческой жизни, и включения ее в качестве составной части методологии любого исследования. Тем более что косвенно вопросы души присутствуют, учитываются и включаются в той или иной мере в методологию юридических и иных наук. Это происходит автоматически, опосредованно, как правило, через религиозное, бытовое сознание ученого. Ни для кого не секрет, что подавляющее большинство людей, ученых на уровне бытового, а тем более религиозного сознания в ходе общения используют слово «душа» и признают факт ее существования. Одновременно с этим данный термин практически отсутствует в научных публикациях, в том числе в юридической сфере. Этот факт говорит о том, что введение в научный оборот соответствующей проблематики не будет чем-то абсолютно новым, необычным для ученых. Речь идет о гармонизации сознания исследователей за счет «выхода из тени», высвобождения из глубин сознания и включения в сферу научного интереса условно новых фактов о структуре человека.

Почему необходимо включить духовную составляющую человека в предмет юриспруденции, что дает это ученым, науке в целом? Первый момент заключается в том, что сущностью и основным назначением права является регулирование поведения человека. Его понимание учеными-юристами как сугубо материального существа, транслирование этой позиции в правовую доктрину, действующее законодательство и различные виды юридической практики делают правовое регулирование однобоким. Образно говоря, такое правовое регулирование похоже на автомобиль, в котором рулевое колесо вращается только в одну сторону. Понятно, что он сможет ездить в лучшем случае по кругу. В определенной мере современная ситуация с правовым регулированием в стране и мире напоминает такой автомобиль. Главная причина такого положения состоит в игнорировании духовной составляющей человека и ее определяющей роли в его жизни. Таким образом, право объективно не может эффек-



тивно выполнять свою регулятивную и иные функции в данных условиях. Второй момент обусловлен необходимостью практической реализации правовых предписаний, созданием эффективного механизма правового регулирования поведения людей. Знание объекта регулирования – объективно необходимое условие. Третья группа причин, обуславливающих необходимость изучения юриспруденцией духовной составляющей человека, лежит в плоскости объективных закономерностей развития индивида и общества. Ни один социум не может устойчиво и гармонично развиваться, опираясь только на материальную сторону бытия. Нынешняя мировая цивилизационная ситуация этому пример. Цивилизация, основанная на тотальном росте потребления ресурсов планеты, безмерном удовлетворении искусственно создаваемых потребностей человека, игнорировании морально-нравственных ценностей, духовных законов бытия вошла в системный кризис существования. Самые современные технологии не в состоянии решить актуальные проблемы человека и общества (войны, терроризм, преступность, болезни, стихийные бедствия и т. д.), обеспечить гармонию и счастье жизни. Мы можем наблюдать обратный эффект, когда жизнь в технологически развитых странах становится все более и более небезопасной для ее жителей. Бездумное развитие технологий и потребления не упрощает, а усложняет жизнь людей, требует все большего количества нормативных предписаний для обеспечения безопасности высокотехнологичной среды. Но эти нормативные предписания не гарантируют безопасности населения. Характерным примером является череда аварий на японских АЭС. Баланс потребления и соответственно гармония в обществе могут быть достигнуты только с учетом духовных закономерностей развития человека. Дисбаланс между постоянно растущими потребностями (желаниями) и реальными условиями (возможностями) их удовлетворения является основной причиной человеческих страданий, войн, конфликтов, преступности и иных разрушительных проявлений деятельности человека.

Нынешний мировой финансово-экономический кризис (2015–2016 гг.), фактически не является таковым. Это все тот же перманентный кризис начала XXI в., к которому привели, с которым безрезультатно боролись и продолжают бороться мировые экономически развитые и иные державы. Я писал об этом неоднократно ранее. Отмечу, что стратегия преодоления нынешнего многолетнего кризиса по сути продолжала стратегию, которая к этому кризису привела. Роль государства и права в нынешнем мировом комплексном кризисе и возможностях его преодоления очевидна, поэтому необходимость и экстренность принятия методологических решений и мер по их реализации хотя бы в масштабах отдельно взятого белорусского государства налицо.

## **МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ И ИНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ НОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ БЕЛОРУССКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ**

Важнейшим общественно-политическим событием планетарного масштаба второй половины XX в., безусловно, является распад Советского Союза и мировой системы его стран-сателлитов. Главное значение факта крушения СССР для существовавшей системы науки в целом и советской юриспруденции в частности является не разрушение ее материально-технической, финансовой, организационной базы (хотя и это крайне важно), а утрата ею идеологического фундамента и соответственно единой методологической основы. Распад советского государства, с одной стороны, стал прямым следствием девальвации официальной идеологии (системы ценностей, идей и принципов) в общественном и индивидуальном сознании. С другой стороны, кардинальное изменение экономико-правовой ситуации ознаменовало собой финальную стадию разрушения старой мировоззренческой модели на уровне общества и индивида. Для советских общественных наук крах СССР в первую очередь означал открытую фазу системного методологического кризиса, обусловленного несоответствием базовых мировоззренческих ценностей, идей и принципов реальному ходу общественной жизни и объективным законам мироздания.

Кризис методологии советской науки конца XX в. – это в первую очередь кризис индивидуального человеческого мировоззрения как результат противоречий, накопившихся в общественном и индивидуальном сознании. Иными словами, идеологические постулаты, законы бытия, принципы жизнедеятельности и тому подобные категории, на которых были воспитаны и выросли поколения советских юристов, отчетливо показали свою несостоятельность и стали быстро обесцениваться. Например, казавшиеся некогда объективными фундаментальные принципы советской науки, такие как классовость, руководящая и направляющая

роль КПСС, демократический централизм, канули в небытие. Актуализирующим мировоззренческий кризис фактором являлось расхождение между декларируемыми КПСС и государством принципами и идеалами и фактическими условиями их реализации, жизнью и деятельностью людей. Например, нормы морального кодекса строителя коммунизма, правильного и полезного для общества документа, не соблюдались в большинстве своем руководящими функционерами КПСС, однако активно пропагандировались среди населения СССР.

Влияние распада СССР на юридическую науку постсоветских государств происходило в двух основных направлениях: условно говоря, внешнем и внутреннем. Во-первых, появление почти двух десятков новых суверенных государств и национальных законодательств коренным образом изменило эмпирическую базу юриспруденции, наполнило новым содержанием объект исследования. Во-вторых, кардинальные внешние изменения в экономике, политике, государственно-правовых явлениях со всей неизбежностью породили кризис в сознании ученых-юристов. Подавляющее большинство из них не предвидели и не могли предвидеть такого хода истории, так как методология советской юриспруденции, марксистско-ленинская доктрина, мировоззрение исследователей изначально исключали возможность краха советской модели социалистического государства и права.

Однако, несмотря на произошедшие в 1990-х гг. кардинальные внешние изменения в содержании объекта исследования (закономерности существования государства и права), в настоящее время методология белорусской юриспруденции в целом сохраняет свое «советское» содержание. Главной причиной такого положения является сохранение в сознании ученых-юристов основ старой мировоззренческой модели, отсутствие новой парадигмы науки.

Термин «методология» используется в двух основных значениях. Во-первых, чаще всего его применяют для обозначения системы знаний о способах, методах, принципах процесса научного познания в целом, а также применительно

к частнонаучным методам и приемам познания в конкретных отраслях науки. Во-вторых, значительно реже о методологии науки говорят как о концептуальном подходе к изучению действительности и практике реагирования на теоретико-прикладные задачи, отражающем мировоззренческую основу, видение стратегической ситуации конкретным ученым, научным коллективом, иными субъектами жизнедеятельности [1, с. 13–22].

Понимание методологии науки как основы мировоззрения ученого, системы его базовых жизненных идей и взглядов отражает главное, исходное значение данного термина. Именно идеальные явления (идеи, взгляды, принципы) обуславливают содержание и методику применения конкретных методов, приемов, средств, используемых исследователями. Трудно оспорить тот факт, что именно мировоззрение исследователя формирует направленность его мышления, а следовательно, генеральное и конкретные направления научного поиска, методы, принципы, приемы, средства познания, условно говоря, индивидуальную методологию науки. Человек как субъект познания в принципе не создает новых знаний, а лишь расширяет свое сознание, т. е. происходит осознание субъектом объективного мира. Иными словами, нельзя открыть, познать что-либо, чего не существует на данный момент. Любое научное открытие – это получение новой информации об объекте познания и включение ее в соответствующую понятийную систему (систему науки). Однако и сам объект, и сведения о нем объективно существовали ранее, т. е. до их обнаружения. Познавательная активность субъекта лишь проявляет эти новые объекты, преобразует информацию о них, делает ее доступной для других людей. Свежие идеи, принципы, взгляды, их система ведут к новым направлениям научного поиска, эксперимента. Экспериментальные исследования уточняют и конкретизируют гипотетические знания, в ходе чего мировоззрение ученого может трансформироваться. Яркие примеры истории – свидетельство этому. Достаточно вспомнить революционные для XVI в. идеи Н. Коперника и Дж. Бруно о новой астрономической системе, устройстве Вселен-

ной, бесконечности миров. Эти знания не просто не соответствовали, а противоречили господствовавшему в то время в обществе и науке воинствующему клерикализму как официальному мировоззрению, представляли прямую угрозу для него. Внедрение в науку и жизнь нового методологического подхода, научных идей, экспериментов и принципов стоило жизни одному из великих ученых Средневековья Дж. Бруно.

Анализ современного состояния теоретических разработок белорусской юридической правовой науки, национального законодательства и правоприменительной практики позволяет констатировать наличие главным образом поверхностных, косметических изменений методологической основы юриспруденции в сравнении с 1980–1990 гг. Это в равной степени касается как общетеоретических (история, теория государства и права), так и отраслевых и прикладных юридических дисциплин. Наиболее рельефно справедливость сказанного прослеживается на примере такой фундаментальной юридической дисциплины, как теория государства и права (теория права), методологические проблемы которой автоматически транслируются на иные отрасли.

Первый и наиболее важный момент заключается в том, что универсальным методом научного познания в белорусской юриспруденции де-факто остается марксистско-ленинский диалектический материализм. Изменилось лишь его название при сохранении старого содержания. Сейчас говорят и пишут о всеобщем диалектическом методе как основе методологии (главном универсальном методе) юриспруденции. На самом деле материализм был и остается основой мировоззрения большинства ученых-правоведов, с диалектикой же дела обстоят несколько иначе, ее законы принимаются в расчет скорее избирательно. Именно этим можно объяснить наличие существующих десятки лет методологических противоречий в содержании юридических и иных наук.

Если встать на последовательно диалектические позиции, т. е. безоговорочно признать единство в многообразии,

всеобщую взаимосвязь и взаимозависимость всего сущего, проявленного и непроявленного, необходимо признать равноценность материальной и идеальной сторон бытия. Точнее, следует априори признать равнозначность материального и духовного, внешнего и внутреннего во всем и везде. Однако такой мировоззренческий подход не характерен для отечественной юридической науки. Например, краеугольным камнем теории юридической ответственности является понятие вины и мотива как элементов субъективной стороны правонарушения. Под виной принято понимать психическое, внутреннее отношение правонарушителя к содеянному и его последствиям. Соответственно мотив трактуется как внутренняя побудительная сила совершения субъектом того или иного противоправного деяния. Нетрудно заметить, что центральное место в содержании указанных категорий занимают психические, т. е. внутренне присущие человеку явления. Со студенческой скамьи всем юристам известно, что ψυχή (psychi) в переводе с древнегреческого означает «душа». Таким образом, семантически в основе двух ключевых юридических терминов должно лежать духовное содержание, так как они суть проявления души. Значит ли это, что юриспруденция, а также современная белорусская наука в целом признает наличие внутреннего мира человека, центром которого является душа? Ответ отрицательный. Это обусловлено тем, что сам по себе факт признания феномена души в корне противоречит диалектическому материализму как мировоззренческому метапринципу. Однако просто игнорировать феномен психических явлений в принципе невозможно, слишком явно они проявляют себя в жизни людей, влияют на возникновение и динамику правоотношений. Именно поэтому в современной юриспруденции о психическом, внутреннем говорится вскользь, как бы невзначай. Психическое в юриспруденции сводится в основном к двум аспектам, которые весьма условно можно считать духовными, – это воля и интеллект субъекта правонарушения. Причем если в отношении содержания категории «интеллект» присутствует определенная ясность, то содержание термина «воля», по сути, не раскрывается

в юридической литературе. Хотя данное понятие является фундаментальным для ряда специальных юридических терминов, например: индивидуальная воля, воля народа, государственная воля, политическая воля, волеизъявление и т. д. Данный методологический изъян свидетельствует в первую очередь об ограниченности материалистического мировоззрения, предпочитающего не замечать духовную сторону жизни, отдавать ее на откуп религии. Думается, причины исключения вопросов духовности из предмета науки в широком смысле этого слова следует искать в историческом прошлом. Речь идет об исследовании проблемы диалектики науки и религии, их роли и значения в организации жизни общества. Можно предположить, что на рубеже XIX–XX вв. естественнонаучные открытия, реализованные в соответствующих промышленных технологиях, завершили мировоззренческий раздел между религией и наукой, противопоставив духовность и научные знания. Показательно в этом плане высказывание одного из исследователей того времени Р. Штайнера, который писал: «Естественнонаучное мышление оказало глубокое влияние на современные представления. Все менее становится возможным говорить о духовных потребностях, о „жизни души“, не впадая в противоречие с образом мыслей и выводами естествознания» [2, с. 10].

Будучи не решенной на уровне общеправовой доктрины, проблема вины и юридической ответственности усугубляется на уровне отраслевых юридических дисциплин. В качестве примера можно назвать положения административного законодательства Беларуси об ответственности юридических лиц. Данные новации современного отечественного административного законодательства наиболее противоречивы в методологическом плане. Институт административной ответственности юридического лица нашел правовое закрепление в КоАП 2003 г. (введен в действие с 1 марта 2007 г.). Уже с момента принятия в нем присутствует принципиальное методологическое противоречие между закрепленным в КоАП принципом виновной ответственности (ст. 1.4, 2.1, 4.1 и др.) и нормами, посвященными вине юридического лица как субъекта административного правонарушения и



его административной ответственности. Так, согласно ст. 3.5 «Вина юридического лица» юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что им не соблюдены нормы (правила), за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, и данным лицом не были приняты все меры по их соблюдению. Очевидно, что здесь вина юридического лица как правовая категория понимается законодателем принципиально иначе, чем вина физического лица (ст. 3.1 КоАП), а также ее доктринальная трактовка. Если под виной физического лица в КоАП понимается психическое отношение физического лица к совершенному им противоправному деянию (т. е. общедоктринальный подход), то вина юридического лица обуславливается соблюдением (принятием всех мер по соблюдению) им комплекса охраняемых административным законом норм и правил. Таким образом, если в первом случае вина трактуется законодателем как субъективное явление, то во втором соответственно как объективное. Складывается впечатление, что законодатель, принявший ныне действующую редакцию ст. 3.5 КоАП и иных соответствующих норм, равно как и авторы научных публикаций, поддерживающие данную правовую конструкцию, в принципе игнорируют методологию юридической науки. В связи с введением института административной ответственности юридического лица в административном праве возникли новые откровенно противоречивые моменты. Например, подлежит ли административной ответственности юридическое лицо, если противоправное деяние было совершено его должностным лицом в неменяемом состоянии, каким требованиям должно отвечать юридическое лицо как субъект правонарушения и т. д.? И наконец, встает вопрос: а возможно ли в принципе соблюсти все нормы и правила, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, и принять все меры по их соблюдению (ст. 3.5 КоАП)? С учетом десятков тысяч нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность субъектов хозяйствования, думается, что нет. Это означает, что действующая правовая конструкция админист-

ративной ответственности юридического лица изначально предполагает виновность как устойчивую характеристику хозяйствующего субъекта.

С существующих методологических позиций категория «вина юридического лица» в административном праве – это нонсенс, который порождает целый ряд общеправовых проблем. Нужно четко понять и представить, что если юридическая наука признает существование такого явления, как вина юридического лица, значит, ученые и практики должны также признать существование таких явлений, как психика, воля и интеллект юридического лица, т. е. коллективная психика, коллективная воля, коллективный интеллект, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Этот вывод логически вытекает из действующей методологии юриспруденции. Следуя логике законодателя, признав существование вины юридического лица, мы должны быть готовы признать вину административно-территориальных образований, отдельных государств, государственных образований, социальных групп и т. д. Все это следует из нормы ст. 3.5 КоАП, если экстраполировать ее содержание на национальную правовую доктрину и законодательство в целом. Если принять во внимание, что главным отличием административного деликта от преступления является более низкая степень общественной опасности (вредности), то возникает вопрос о межотраслевой согласованности норм административного и уголовного законодательства, а также соответствующих научных дисциплин.

Это только один наиболее характерный пример, иллюстрирующий проблему кризиса методологии в современной теории и практике юриспруденции. Таких примеров множество. Что такое воля? Что такое воля народа как источник права, равна ли она совокупности волей индивидов? Что такое воля государства, ее соотношение с волей народа и индивидуальной волей? Теория государства и права оперирует понятиями индивидуального и коллективного правосознания, под которыми понимается господствующая в обществе (характерная для индивида) система взглядов, представлений, принципов, идей, чувств о государственно-

правовых явлениях. Но в таком случае следует говорить и о правосознании государства, так как если есть государственная воля, значит, ей должно соответствовать государственное сознание. Это следует из всеобщего диалектического метода и внутренней логики системы юриспруденции. Тогда что такое государственное правосознание? Это сознание государственных служащих или что-то иное? Подобные вопросы можно продолжить. Все они логически, семантически, структурно следуют из существующего категориального аппарата юридической науки, однако вступают в системное противоречие с ее господствующей методологической основой, а также индивидуальным мировоззрением исследователей. Вместе с тем, допуская коллективные психические явления, такие как общественное правосознание, общественная воля, коллективная вина, юриспруденция с советских времен выходит за рамки материалистической картины мира, господствующей мировоззренческой модели. Данные методологические противоречия являются предпосылками для зарождения и развития новых метапринципов, мировоззренческих моделей, концепций в науке и соответственно создания ее новой методологии.

Корень существующих проблем методологии юриспруденции видится в способе осмысления (системе мышления, ее приоритетах) ученым государственно-правовых явлений, который определяется мировоззренческими основами личности. Основным вопросом марксистско-ленинской философии принято считать вопрос о соотношении материального и идеального (материи и сознания, бытия и мышления), который традиционно решается в пользу материального по схеме «бытие определяет сознание». Эта сугубо теоретическая на первый взгляд конструкция, преломляясь в сознании ученых-юристов, оказывает порой определяющее влияние на их мировоззрение и соответственно методологию юриспруденции, методики конкретных исследований. В этом смысле она является метапринципом мировоззрения ученых, соответствующих отраслей наук. Известно, что метапринцип работает (влияет на деятельность) опосредованно, определяя содержание, участвуя в формировании конкрет-

ных принципов той или иной деятельности людей. Тезис «бытие определяет сознание», или «внешнее определяет внутреннее», предопределяет вторичность человека, его потребностей, интересов, целей по сравнению с потребностями, интересами, целями государства и права в юридической науке, законодательстве, правоприменении. Человек в контексте материалистического видения представляет собой обладающий сознанием (способностью мыслить) биомеханизм, вполне осязаемый материальный объект, целиком и полностью подчиняющийся материальным законам бытия. Именно поэтому юриспруденция сейчас нацелена на изучение оторванных от реальной жизни догматических конструкций, человек с его нуждами, потребностями, интересами вторичен по сравнению с исследованием правовой материи, правового поля, норм права, субъекта права, правоотношений, государственных институтов.

Если проанализировать в историческом контексте основные вызовы и угрозы человечеству в XXI в., можно прийти к выводу, что современный человек и общество имеют такие же по сути проблемы, как и тысячи лет тому назад. Основные вызовы и угрозы современности – это голод, болезни, войны и вооруженные конфликты, различные формы противоправного насилия, рабство, природные и техногенные катастрофы. Единственное существенное отличие современной ситуации в мире от исторического прошлого – появление новой угрозы – быстрого самоуничтожения человеческого общества в планетарном масштабе в силу безответственного развития технологий, а также общемировой поведенческой стратегии наращивания глобального потребления. Во-первых, имеется в виду растущая вероятность возникновения локальных и глобального вооруженных конфликтов с применением оружия массового уничтожения. Во-вторых, под предлогом повышения жизненных стандартов происходит неразумное наращивание потребления людьми ресурсов планеты, особенно в промышленно развитых странах мира. Повышается риск глобальных техногенных и природных катастроф, в том числе вызванных изменениями в экологии планеты. Так, по данным ООН, 2010 г. стал

рекордным по числу, масштабам и жертвам природных катастроф в мире [3]. Таким образом, человек существенно изменил внешнюю сторону своей жизни (среда обитания, образ жизни, орудия труда, технологии, одежда, технические средства и т. п.), но от этого проблемы его выживания, жизнеобеспечения только обострились. Этот факт трудно оспаривать, потому что все наблюдаемые на Земле глобальные изменения (к сожалению, в большинстве своем негативные) так или иначе связаны с деятельностью человека. В своей деятельности на микро- или макроуровне человек реализует, проявляет свой внутренний мир, свои мечты, цели, эмоции, интересы и т. д. Наблюдаемые негативные процессы и изменения есть не что иное, как проекция части внутреннего мира людей вовне, поэтому ключ к изменению условий жизни, гармонизации среды обитания лежит внутри каждого индивида.

В связи с этим можно с уверенностью заключить, что будущее юридической науки лежит в смещении акцента с изучения государства и права как таковых на их изучение в контексте состояния человеческого общества и его членов. Иными словами, объектом будущей юриспруденции должны стать закономерности воздействия государственно-правовых явлений на человеческое общество, его макро- и микрогруппы, индивидов, а также обратное влияние социума на государство и право. Речь идет о закономерностях, возникающих при управлении обществом с помощью государства и права, как комплексных способах организации жизни людей.

Аксиома, что эффективность любой организации, управления зависит от качества постановки целей, которых организация желает достичь, поэтому государство и право как способы организации человеческого общества, наука, их изучающая, должны располагать системой соответствующих целей и задач. Выявить, раскрыть эти цели посредством исследования государственно-правовых явлений как таковых невозможно. Человек здесь выступает одновременно как субъект и объект управления. Таким образом, первоначальной задачей юридической науки, исследователей в содру-

жестве с иными отраслями научного знания является комплексное теоретическое осмысление сути человека как субъекта и объекта государственно-правового воздействия. Результаты такого осмысления, научных дискуссий по данной проблеме создадут мировоззренческую основу новой, гуманистической юриспруденции, юридической науки будущего.

В качестве возможных базовых положений для научного осмысления могут использоваться следующие:

существует феномен человеческой души как самостоятельной субстанции, лежащей в основе индивидуального бытия человека;

всеобщий диалектический метод представляет собой базовую мировоззренческую идею о единстве всего сущего, духовной и материальной сторон существования;

индивидуальная воля – это врожденная психофизическая способность человека к концентрации психической (душевной) энергии на достижении поставленных целей, являющаяся одной из динамических характеристик его личности;

индивидуальное сознание – это врожденная психофизическая способность человека воспринимать и воспроизводить картину мира, индивидуализировать себя в нем, являющаяся одной из динамических характеристик его личности;

совесть – это особое врожденное психическое свойство, характеристика человека, выражающая связь души и тела, проявляющаяся в индивидуальной нравственной оценке различных аспектов жизнедеятельности индивида и общества;

интеллект – это динамическая характеристика человеческой личности, отражающая потенциально возможный и реально усвоенный индивидом объем информации, а также уровень способности к ее анализу, интерпретации и использованию в процессе жизнедеятельности;

существует единая стратегическая цель (смысл жизни), присущая каждому человеческому существу как биологической единице, поиску, осознанию и реализации которой

должно способствовать государство и право, а также наука, их изучающая;

государство и право есть комплексные способы организации сосуществования человеческих существ на определенной территории, они производны от общества и определяются им, соотносятся как форма и содержание;

духовный (относящийся к душе) и телесный (материальный) аспекты жизнедеятельности человека и общества равнозначны с позиций юриспруденции;

реальным участником (субъектом, стороной) правоотношения является только человек (микро-, макрогруппа), представляющий собой единство души и тела.

### **Список использованных источников**

1. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права : курс лекций / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбаток, В. А. Кучинский. – Минск : Тесей, 1998.
2. Штайнер, Р. Христианство как мистический факт и мистерии древности / Р. Штайнер. – Ереван : Ной, 1991.
3. 2010 год бьет рекорд по масштабам природных катастроф [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://podrobnosti.ua/accidents/2010/12/27/742929.html>. – Дата доступа: 26.01.2011.

*Впервые материал опубликован:* Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2011. – № 1. – С. 159–164.

## ЧЕЛОВЕК КАК ИСХОДНЫЙ ПУНКТ НОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ БЕЛОРУССКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Потребность в создании новой методологии юридической науки на постсоветском пространстве обусловлена всем ходом исторического развития, произошедшими и текущими изменениями геополитической и глобальной ситуации в мире. В первую очередь речь идет о распаде СССР как мировой сверхдержавы и мировой социалистической системы в целом. Как бы это ни выглядело странным для сторонников диалектического материализма, но глубинные причины распада СССР следует искать не столько в противоречиях способа производства, производственных отношений и других экономических категориях, сколько в противоречиях в сознании людей, обусловивших произошедшие исторические изменения. Наглядно иллюстрирует справедливость данного тезиса то обстоятельство, что по сей день, т. е. спустя более 20 лет с момента распада СССР, основу экономики стран СНГ составляют соответствующие активы советского времени (заводы, фабрики, объекты энергетики, месторождения полезных ископаемых, научные разработки и т. д.). Значительная часть людей, живших и работавших в советское время, в той или иной степени ностальгируют по прежним экономическим отношениям. Белорусская экономика по сей день использует основные элементы советской экономической модели. Иначе говоря, экономическая основа СССР позволяла существовать данному государству еще долгое время. Однако произошедшие глубинные изменения в мировоззрении людей, а именно осознание несоответствия (противоречия) между декларируемой государством и реально существующей системой ценностей, принципов и приоритетов, обусловили нежизнеспособность этой мировой супердержавы. Так называемая гласность, одна из составляющих перестройки (политического курса М. С. Горбачева), актуализировала эти противоречия в сознании людей, ускорила разрушение основ государственной идеологии.



Главное значение факта крушения СССР для существовавшей системы науки в целом и советской юриспруденции в частности является разрушение ее идеологического фундамента и соответствующей методологической основы. Данное утверждение особенно актуально для юриспруденции и иных общественных наук, методология которых более чувствительна к изменениям в официальной философской и политико-правовой доктринах, нежели методология естественных наук. Методология советской юриспруденции была жестко детерминирована программными установками КПСС, главной в иерархии которых являлось построение коммунизма – бесклассового общества всеобщего благоденствия, основанного на всеобщем равенстве. Ученые в своих исследованиях обязательно должны были использовать труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, действующих генеральных секретарей ЦК КПСС, материалы партийных съездов, конференций и т. д. Данные источники составляли основу методологии любого исследования независимо от отрасли научного знания. По сути, стратегической задачей советской юридической науки являлось теоретическое обоснование возможности построения принципиально нового государства коммунистического типа, апологетика существующей государственно-правовой модели, а также теоретическое обоснование текущих идеологических и политических установок КПСС. Исходя из сказанного становится очевидным, что «жесткая сцепка» методологии советской юриспруденции с политическим режимом (обусловленность методологии коммунистической идеологией) предопределила ее несостоятельность после крушения СССР и возникновения на его основе принципиально новых государственных образований.

Анализ современного состояния фундаментальных теоретических разработок, национального законодательства и правоприменительной практики позволяет заключить, что по прошествии более 20 лет с момента образования современного белорусского государства проблема формирования новой методологии юридической науки еще более актуальна, чем в первые годы после обретения независимости. Так,

за прошедшее время возникло и сформировалось независимое белорусское государство, изменилась экономическая модель, политическая система, государственная идеология и другие институты государства и общества. Однако произошедшие за это же время в теории юриспруденции методологические изменения носят главным образом косметический характер и базируются на старых материалистических воззрениях советского времени. Характерным примером является изменение названия главного способа научного осмысления мира с метода материалистической диалектики на всеобщий диалектический метод при сохранении старого содержания. Данное обстоятельство является основной причиной существующих принципиальных противоречий в современной юридической теории и практике.

Аксиоматично, что новая методология юриспруденции может возникнуть только на базе нового мировоззрения исследователей, т. е. системы фундаментальных идей, иначе, чем сейчас, объясняющих, интерпретирующих объективный мир и государственно-правовые явления в нем. Возникает принципиальный вопрос: с чего начать, что избрать в качестве исходного пункта переосмысления государственно-правовых явлений? Думается, что отправной точкой формирования системы таких идей следует избрать человека (человеческое существо) и общество (совокупность человеческих существ).

Выбор человека как первоначального объекта (отправной точки) нового осмысления государственно-правовой действительности неслучаен. Именно человек, общество являются как основной причиной существования государства и права, так и движущей силой данных образований. Излишнее теоретизирование здесь, мягко говоря, неуместно. Отметим лишь, что такие кажущиеся на первый взгляд фундаментальными, незыблемыми явления, как государство и право со всей своей территорией, органами и институтами, правилами и регламентами в отсутствие человека просто теряют смысл. Чисто умозрительно можно смоделировать ситуацию внезапного исчезновения всего населения планеты Земля. Какое значение имело бы тогда государство и право? Ответ очевиден...

Думается, что ни у кого не вызывает сомнений, что именно человек (общество) является главным элементом в системе государства и права, вызывает к жизни данные явления и обеспечивает их существование. Методологическая значимость человека, его прав и свобод непосредственно следует из норм Конституции Республики Беларусь. Так, в ст. 2 Конституции говорится, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Редакция данной нормы выглядит не лучшим образом. Во-первых, ее содержание чересчур лаконично в ущерб смыслу, что делает норму сложной для восприятия. Во-вторых, отсутствует четкая логическая связь между словом «цель» и предыдущим содержанием нормы. В связи с этим следует кратко остановиться на толковании этого важнейшего положения Основного Закона страны. С одной стороны, человек, его права, свободы, гарантии их реализации провозглашаются высшей ценностью общества и государства. Это значит, что все общественные и государственные институты должны быть организованы и осуществлять свою деятельность таким образом, чтобы максимально полно оберегать, сохранять, ценить законные права и интересы каждого человека. Это высшая ценность, т. е. главный критерий оценки любых ситуаций, требующих принятия решений в деятельности государственных органов, негосударственных организаций и в жизни людей. С другой стороны, в конструкции данной нормы законодатель использует слово «цель», которое означает идеальное предвосхищение ожидаемого результата в сознании субъекта, принимающего решение. Возникает вопрос, что означает человек, его права, свободы и гарантии их реализации как цель общества и государства? Логично предположить, что законодатель имел в виду в качестве высшей цели деятельности государственных органов и общества в целом обеспечение прав, свобод и гарантий их реализации для каждого человека, находящегося под юрисдикцией белорусского государства. Иначе говоря, общество и его политическая организация (государство) должны привести себя в состояние, при котором законные права и свободы человека будут

соблюдаться. Это и есть закреплённая в Основном Законе высшая цель белорусского общества и государства.

Анализируемая норма Конституции Республики Беларусь имеет важный методологический смысл. Как минимум три основных вывода следуют из ее содержания. Во-первых, человек законодательно признан центральным элементом в системе «общество – государство – право». Во-вторых, соблюдение прав и свобод человека является высшим критерием принятия решений и оценки деятельности государственных органов, общественных организаций и индивидов. В-третьих, главной целью функционирования общества и государства является приведение себя в состояние, когда права и свободы человека будут реально гарантироваться и соблюдаться всеми государственными органами, общественными организациями и просто людьми.

Думается, что на момент принятия Конституции Республики Беларусь ст. 2 имела поистине революционное значение, однако с позиций сегодняшнего момента существующая редакция данной нормы лишь добавляет вопросов к числу стоящих перед методологией юридической науки. Первый из них, лежащий на поверхности: кто и как сформулирует и оценит объективно необходимый объем прав, свобод человека и гарантий их соблюдения? Это глобальный вопрос, который служит яблоком раздора в отношениях между странами и политическими партиями, который постоянно поднимается на повестке дня ООН и других международных организаций. Ни для кого не секрет, что последние 50 лет именно эта проблема широко используется многими государствами мира как элемент давления на оппонента в международных и внутренних делах, причем государства с принципиально отличными политико-правовыми системами – от либеральных западных демократий до откровенно тоталитарных режимов – с успехом обвиняют друг друга в нарушении прав и свобод человека. Однако с позиций методологии этот вопрос вторичен, несмотря на его распространенность и остроту проявления в международных и внутренних делах различных государств.

Принципиальным моментом в создании новой методологии юридической (и не только) науки является выработка нового подхода к пониманию человека как биосоциального существа. Пока в умах исследователей господствует материалистическое понимание человека как своеобразной биомашины, функционирующей по принципу «бытие определяет сознание», наука обречена барахтаться в плену устаревших стереотипов. При осмыслении сути человека архиважным является неуклонное следование положениям всеобщего диалектического метода о единстве в многообразии и многообразии в единстве всего сущего. Именно с этих позиций и должен рассматриваться человек и общество, а также государство и право как соответствующие системы организации жизни людей.

Соответствует ли базовым идеям всеобщего диалектического метода современная белорусская юриспруденция? Ответ скорее отрицательный, так как в основе методологии национальной юридической науки лежит устаревшее материалистическое понимание человека. Нет ничего удивительного, что при таком подходе стратегические цели государства видятся учеными и политиками в первую очередь в экономической плоскости, а также сфере обеспечения внешней и внутренней безопасности власти. В неэкономический (социальный) блок функций государства включают образование, культуру, искусство, здравоохранение и другие направления деятельности. Культуру, искусство, образование иногда относят к духовной сфере деятельности людей. Однако с этим можно согласиться лишь с большой долей условности.

В юриспруденции проблема одностороннего материалистического понимания сути человека наиболее ярко проявляется в ее категориальном аппарате. Речь идет о таких терминах, как «субъект» и «лицо». Под субъектами права традиционно принято понимать индивидов, организации, общественные образования, которые в силу правовых предписаний могут являться носителями субъективных юридических прав и обязанностей. Как видим, это собирательный абстрактный термин, включающий в себя как объективно

существующие (физически обособленные) объекты реальной действительности (люди), так и правовые абстракции (организации, общественные образования). С позиций общепринятой правовой доктрины нет разницы, кто является участником, стороной правоотношения (человек или организация, физическое или юридическое лицо). Главным здесь является наличие соответствующих правовых норм и способность человека или организации ими пользоваться, т. е. правоспособность и дееспособность субъекта. На первый взгляд, все правильно. Именно здесь кроется один из основных методологических изъянов теории современной юриспруденции. Первый и наиболее важный момент заключается в том, что при таком формально-юридическом подходе реальный человек (люди), его нужды, потребности, интересы выпадают из содержания предмета юридической науки. Человек обезличен, это такая же правовая абстракция с позиций юриспруденции, как и юридическое лицо. Другими словами, *homo sapiens* не существует с позиций теории и практики юриспруденции. Юристы говорят и пишут о субъектах права, субъектах правоотношений, физических лицах, правонарушителях, преступниках, криминогенных элементах, гражданах, но не о людях. Нетрудно заметить, что указанные термины являются либо сугубо абстрактными, например «субъект права», либо отражают особенность правового положения индивида, например «правонарушитель». Однако следует помнить, что все названные и иные подобные термины – производные от понятия «человек» («человеческое существо»), которое является базовым для них. Автор не выступает против использования в юриспруденции специальных терминов, отражающих правовое положение людей. Другое дело, что их содержание может и должно быть изменено в процессе разработки и принятия новой мировоззренческой модели человека и мира. Например, признание равноценности духовной и материальной сторон жизни человека позволит по-новому сформулировать стратегические цели и задачи развития общества и государства, определить объем и содержание основных прав и обязанностей людей и их организаций (включая государство), исследовать вопросы правосознания, юридической ответственности

сти, механизма правового регулирования и многие другие вопросы теории и практики юриспруденции. Речь не идет о подмене юриспруденцией иных общественных и естественных наук. Речь идет об осмыслении феномена человека с позиций комплексного механизма организации его жизни, каким является государство и право, в формировании и динамике которых он играет, безусловно, определяющую роль. В отечественной юридической литературе предпринимаются единичные попытки по-новому осмыслить диалектику человека и субъекта права, которые заслуживают одобрения и поддержки [2].

Центральным постановочным вопросом создания нового знания о человеке, нуждающимся в осмыслении и введении в научный оборот, является вопрос о душе. Речь идет о признании существования души как одной из сторон человеческого бытия. По сути, следует лишь встать на последовательно диалектические позиции о единстве и многообразии всего сущего. С этих позиций человек представляет собой единство духовного и материального, непроявленного и проявленного души и тела. Сам по себе факт признания научным сообществом существования феномена человеческой души будет представлять громадный методологический шаг вперед. И время для этого уже наступило. Приведу лишь один аргумент в пользу сказанного. В течение последних двух десятилетий на территории постсоветских республик наблюдается резкий рост активности различных религиозных организаций, соответственно растет религиозное сознание постсоветского общества. В Республике Беларусь бесспорным лидером среди религиозных организаций является Русская православная церковь, догматы которой признают существование индивидуальной человеческой души [1]. Можно предположить, что значительная часть белорусских ученых считает себя верующими православной конфессии. Таким образом, они должны принимать факт существования человеческой души априори, т. е. бездоказательно. Если это так, то почему ученые игнорируют этот феномен в профессиональной деятельности, исключают душу из сферы научного познания? Налицо состояние глубокого когнитивного диссонанса, когда различные части сознания субъек-

та не стыкуются, противоречат друг другу. Такое положение вряд ли можно признать нормальным как с позиций индивидуума, так и с позиций методологии науки.

Говоря о формировании новой методологии юриспруденции, нельзя не остановиться на оценке существующих попыток ее формирования с мировоззренческих позиций той или иной религиозной конфессии. Характерным примером в этом плане является российская школа синергичной антропологии. Вот что пишет об этом один из последователей данной научной школы: смысл ее исследований «заключается в разработке модели неклассической антропологии на базе опыта реконструкции и научного освоения (на вырабатываемом под эти цели специальном языке) восточнохристианской (православной) практики исихазма как способа действительного конструирования человека с привлечением дискурса современной западной философии» [2, с. 295]. Несколько сложно для восприятия, но суть понятна. Речь идет о создании научного мировоззрения на базе одного из направлений православной религиозной практики, адаптированного к современным реалиям.

Мировоззрение любой религиозной конфессии, каким бы истинным оно ни казалось верующему, не есть мировоззрение всего общества, поэтому, естественно, оно будет восприниматься настороженно либо враждебно атеистами, а также верующими других конфессий. В этом плане религиозное мировоззрение является мощнейшим фактором, разделяющим людей по признаку вероисповедания. Именно поэтому нельзя признать обоснованными прямые и завуалированные попытки внедрения присущих конкретной религии норм и правил в качестве основы методологии юриспруденции, поскольку это неизбежно будет создавать предпосылки для дестабилизации и дезинтеграции общества на межконфессиональной основе.

В методологическом плане основные мировые религии, их догмы и нормы следует рассматривать как один из источников знаний о природе человека, о мире, но не как истину в конечной инстанции. Это подход исследователя, научный подход. В этом плане религиозные источники со-



держат массу архиценной информации, нуждающейся в научном осмыслении и оценке. Необходимым практическим шагом в этом направлении является исследование морально-нравственных ценностей различных религий, религиозных критериев оценки должного поведения человека с целью выработки свода норм и правил поведения человека – общих, характерных для всех или большинства основных религий. Перечень таких норм, проанализированный, уточненный и дополненный с позиций светского общества, будет представлять собой важнейший мировоззренческий ориентир развития общества и государства.

На основании изложенного представляется возможным сделать следующие выводы:

потребность в создании новой методологии юридической науки на постсоветском пространстве обусловлена всем ходом исторического развития, произошедшими и текущими изменениями геополитической и глобальной ситуации в мире;

жесткая структурная обусловленность методологии советской юриспруденции с политическим режимом, ее подчиненное положение коммунистической идеологии предопределила несостоятельность последней после крушения СССР и возникновения на его основе принципиально новых государственных образований;

анализ современного состояния фундаментальных теоретических разработок, национального законодательства и правоприменительной практики позволяет заключить, что по прошествии более 20 лет с момента образования современного белорусского государства проблема формирования новой методологии юридической науки еще более актуальна, чем в первые годы после обретения независимости;

принципиальным моментом в создании современной методологии юридической (и не только) науки является выработка нового подхода к пониманию человека как биосоциального существа с позиций всеобщего диалектического метода о единстве в многообразии и многообразии в единстве всего сущего;

в юриспруденции проблема одностороннего материалистического понимания сути человека наиболее ярко проявля-

ется в ее категориальном аппарате. Речь идет о таких терминах, как «субъект», «лицо» и т. д.;

центральным постановочным вопросом создания нового знания о человеке, нуждающимся в осмыслении и введении в научный оборот, является вопрос о душе. Речь идет о признании существования души как одной из сторон человеческого бытия. Сам по себе факт признания научным сообществом существования феномена человеческой души будет представлять собой громадный методологический шаг вперед;

нельзя признать обоснованными попытки внедрения норм и правил, присущих одной конфессии, в качестве основы методологии юриспруденции, поскольку это неизбежно будет создавать предпосылки для дестабилизации и дезинтеграции общества на межконфессиональной основе;

исследование морально-нравственных ценностей различных религий, религиозных критериев оценки должного поведения – важное направление создания новой методологии юриспруденции. Его целью является выработка общего свода норм и правил поведения человека, характерных для всех или большинства основных религий. Перечень таких норм, проанализированный, уточненный и дополненный с позиций светского общества, будет представлять собой важнейший мировоззренческий ориентир для общества и государства.

### **Список использованных источников**

1. Игумен Илларион (Алфеев). Душа и тело [Электронный ресурс] // Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. – Режим доступа: [http://azbyka.ru/hristianstvo/dogmaty/alfeev\\_tainstvo\\_veru\\_26g-all.shtml](http://azbyka.ru/hristianstvo/dogmaty/alfeev_tainstvo_veru_26g-all.shtml). – Дата доступа: 12.03.2012.
2. Павлов, В. И. От классического к неклассическому юридическому дискурсу. Очерки общей теории и философии права / В. И. Павлов. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2011.

*Впервые материал опубликован: Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2012. – № 1. – С. 163–168.*

## **СУЩНОСТНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ЧЕЛОВЕКА НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ: ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ДУША И ЕЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ**

Прошло более 10 лет с момента опубликования первой установочной статьи автора о проблемах современной белорусской криминологии, главным выводом которой явилось определение важнейшей задачи ее становления. В качестве такой комплексной задачи была названа разработка новой базовой методологии и общей концепции исследования преступности, а также разработка долговременных мер по ее предупреждению. Констатировалось, что существующая в отечественной науке исследовательская парадигма фактически дублирует основные положения методологии советской школы правоведения, что не соответствует изменившимся условиям жизни общества и стратегическим задачам его развития [1].

За прошедший с момента выхода первой статьи период времени ситуация с созданием методологических основ национальной криминологической школы не претерпела существенных изменений. Указанный вывод сделан по результатам анализа научных публикаций, состояния подготовки научно-педагогических кадров, развития законодательства, экспертных оценок, включенного наблюдения в деятельность заинтересованных субъектов, а также иных источников. Усилия ученых продолжают концентрироваться на исследовании в большей или меньшей степени локальных криминологических проблем, как правило, в соответствии с конкретными государственными программами, проводимыми кампаниями, целевыми заданиями. Например, в последние годы наиболее активно разрабатываются меры по предупреждению торговли людьми, антикоррупционные и некоторые иные направления профилактики преступлений. Не отрицая важности исследования этих и других подобных вопросов, отмечу, что все они носят частный характер по отношению к методологическому уровню

криминологии как отрасли научного знания. По этой причине принципиальным условием повышения качества прикладных криминологических исследований, особенно на долгосрочный период, является разработка методологических основ науки о предупреждении преступности, а также юриспруденции в целом.

Стратегической задачей криминологии как надотраслевой юридической науки является разработка долговременных комплексных мер по оздоровлению общества посредством профилактики (предупреждения) противоправного, в первую очередь преступного поведения его членов. Именно ради достижения этой цели криминология изучает преступность в целом, ее различные проявления, а также конкретные противоправные деяния и лиц, их совершивших. Можно по-разному формулировать объект этой науки, ее предмет, систему, применяемые методы и методики, но это существенно не влияет на наличие вышеуказанной главной цели данной отрасли научного знания. С этих позиций значение криминологии выходит далеко за рамки прикладной юридической науки. Она является не только одной из фундаментальных юридических научных дисциплин. Разработка путей и средств предупреждения преступности и иных форм отклоняющегося поведения людей направлено на оздоровление всего общества, каждого конкретного человека вне зависимости от политического режима, правовой системы, особенностей действующего законодательства и иных характеристик права и государства. Что может быть благороднее этой задачи? При рассмотрении криминологии под таким углом зрения становится очевидно, что ее значение выходит далеко за рамки юриспруденции в целом. Она является важнейшей общегуманитарной дисциплиной, так как именно преступность служит индикатором уровня гармонии любого общества, эффективности его экономики, условий жизни и безопасности людей. Думаю, не вызывает сомнений тот факт, что безопасность от преступных посягательств является жизненно важной потребностью (нуждой) для каждого человека, а ее обеспечение – одной из стратегических задач государства как особой организации политической власти.

В связи с этим вызывает сожаление, что уголовно-правовые исследования далеко не всегда содержат необходимые криминологические положения и предпосылки, которые закладывают основу методологии соответствующей научной дисциплины, законодательства, уголовно-правовых норм, институтов, отношений и т. д. Например, в современном отечественном уголовно-правовом исследовании, посвященном созданию новой теории квалификации преступления, не нашлось места криминологическим положениям, которые должны составлять важнейшую часть методологического уровня уголовного права [2].

Как клетка является базовым структурным элементом человеческого тела, так человек выполняет функцию клетки в масштабах общества. Именно поэтому с позиций гуманистической методологии центральное место в любом виде юридической теории и практики принадлежит человеку как биосоциальной системе, состоящей из материальной и духовной подсистем, структур души и тела. В связи с этим создание методологических основ криминологии как науки о преступности, путях и средствах ее предупреждения, как, впрочем, и всей юриспруденции, следует начинать с уровня индивидуума с выходом на соответствующие поведенческие механизмы, их причины, закономерности. Без глубокого понимания природы человека невозможно понять механизм его индивидуального, в том числе противоправного, преступного поведения, его детерминанты и мотивы, невозможно понять преступность как социальное явление и соответственно разработать действенные меры по ее предупреждению. Такой подход не только абсолютно логичен и рационален, но и полностью соответствует всему ходу развития человеческой мысли по поиску сущности, места и роли человека в системе мироздания.

Если абстрагироваться от религиозных, социокультурных, национальных и иных особенностей личности великих мыслителей прошлого и настоящего, мы увидим, что человек во все времена рассматривался ими в качестве существа, содержащего все силы и качества природы, бога, космоса, абсолюта и т. п. Например, в христианской традиции счи-

тается, что бог сотворил человека по образу своему и подобию, как сказано в Ветхом завете. Это означает, что человек, как сын Божий, содержит в себе все сущностные черты, элементы своего творца [3]. Различными философскими теориями древности и современности человек рассматривается как микрокосм, т. е. система, копирующая в миниатюре Вселенную (макрোকосм). Соответственно он содержит в себе все силы и возможности космоса, частью которого сам является. В метафизической традиции человека часто сравнивают с каплей воды в океане. Как капля содержит всю основную информацию об океане, так и человек содержит все исходные данные о космосе, боге, абсолюте – ином, глобальном по отношению к нему образовании, к которому он принадлежит. Аналогичные по сути идеи мы находим во многих иных источниках, например, в философских концепциях Н. А. Бердяева [4], В. И. Вернадского [5], в трудах других исследователей.

Примеров, подобных вышеуказанным, множество. Главное, что объединяет эти различные философские, религиозные, мистические, естественнонаучные концепции – это взгляд на человека как на частичку мироздания, хранящего в себе все его характерные черты и свойства. Думается, что именно такое видение человека должно составлять суть так называемого всеобщего диалектического метода, который «официально» принят и указывается, как правило, в монографических исследованиях в качестве их методологической основы, а также основы национальной школы юриспруденции в настоящее время.

С позиций базового методологического уровня науки главными вопросами, стоящими перед юристами в целом, криминологами, являются следующие: возможно ли существование общества без преступности, почему человек нарушает уголовный закон, свойственно ли криминальное поведение человеку как таковому, предопределено ли противоправное поведение природой человека или условиями его жизни, какова роль уголовного и иных видов законодательства во влиянии на преступное поведение и его профилактику и, наконец, каков принципиальный механизм индивидуаль-

ного противоправного поведения, каковы его главные детерминанты, мотивы и т. д.

Первый и наиболее важный момент в методологии любого типа заключается в определении (выяснении, осознании) личной позиции конкретного исследователя по вопросу о признании или непризнании факта существования феномена человеческой души. Признание факта ее существования означает мировоззренческую позицию о том, что любой человек как таковой, как биосоциальная единица (клетка) представляет собой единство духовной и материальной сторон существования. Это означает, что в каждом из нас одновременно присутствуют и функционируют две относительно независимые системы – душа и тело, духовная и материальная сторона. Непризнание факта существования души означает, что ученый видит перед собой только материальную сторону существования, что автоматически сужает область (предмет, объект) его исследований до уровня сугубо материальных проявлений, свидетельствует об ограниченности его мировоззрения. Практическое значение мировоззренческой позиции ученого-криминолога по данному вопросу крайне велико. Очевидно, что при усеченном, одностороннем (только с позиций материальной стороны) понимании природы человека, его сути невозможно предложить действенные меры по гармонизации индивида и общества, эффективно осуществлять профилактику преступлений, разрабатывать и реализовывать уголовно-правовую политику, а также осуществлять иную деятельность по управлению социумом, правовому регулированию поведения его членов.

Именно вторым (односторонним) путем идет юриспруденция и, пожалуй, вся отечественная наука сейчас. Данная тенденция является общеевропейской, отчасти – глобальной. Последние два столетия главные усилия светской науки в Европе были сосредоточены на изучении человеческого тела в различных аспектах и взаимосвязях, а также на обеспечении технического и технологического прогресса. Одновременно с этим феномен человеческой души просто игнорировался подавляющим большинством представи-

телей господствующих научных школ в своей профессиональной деятельности. В отношении советской науки данное утверждение актуализируется существованием в СССР жесткой марксистско-ленинской идеологической базы научного знания, в рамках которой категории «душа» просто не существовало. По сути, аналогичное положение сохраняется в нашей стране и сейчас. Хотя результаты личного наблюдения дают основания полагать, что все больше ученых, особенно в естественнонаучных отраслях, в частных беседах признают наличие души и иных явлений нематериальной стороны человеческого бытия. Данный факт может являться следствием определенного роста религиозного сознания в обществе в целом, но в любом случае речь идет о постепенной трансформации мировоззрения ученых на постсоветском пространстве. В связи с этим основной акцент в настоящем очерке делается на рассмотрении духовной составляющей индивида и ее роли в детерминации его поведения. Разумеется, под углом зрения ответа на вышеперечисленные и иные вопросы криминологии и юриспруденции в целом.

С позиций гуманистической методологии признание факта существования феномена человеческой души и необходимости его использования в процессе научного познания является принципиальным, сущностным вопросом применительно к любой отрасли научного знания [6]. Данный вопрос является индикатором исследовательской парадигмы ученого, его методологической позиции. Признавая наличие души априори, мы со всей неизбежностью приходим к необходимости, во-первых, сформулировать ее определение, во-вторых, показать существенные взаимосвязи души и тела, ее влияние на поведенческие реакции человека, механизм принятия решений.

Комплексный анализ философской, религиозной, эзотерической и иной литературы, целевое общение с адептами различных духовных организаций, а также персональный опыт автора позволяют предположить, что душа – это нематериальная субстанция (сущность), в обязательной мере присутствующая каждому человеку и определяющая его существова-



ние, возникновение которой связано с первым толчком (большим взрывом), приведшим к образованию Вселенной. Иначе говоря, душа представляет собой частицу первородной космической энергии, образовавшей существующий материальный мир во всем его многообразии. Этот, а также иные соответствующие тезисы в их совокупности следует рассматривать в качестве научной гипотезы, имеющей право на существование в той мере, в какой мировоззрение конкретного исследователя готово принять их.

Следствием тезиса о существовании души и нематериальной, нетелесной природе последней является утверждение о ее особом, по сравнению с телом статусе существования. Как нематериальная субстанция душа, в отличие от физического тела человека, не рождается и не умирает. Она существует по иным – духовным – законам, нежели тело. В этом плане человек может быть представлен как результат эволюции души в материальном мире, ее проявления на планете Земля в форме физического тела человека.

Гипотетически жизнь души можно представить в качестве очень долгого по земным меркам путешествия, в процессе которого она проходит множество материализаций (жизней, инкарнаций), т. е. периодически существует в физической форме. Информация о каждой из этих жизней детальнейшим образом фиксируется в форме разнообразных впечатлений, которые человек пережил в них. Это тотальная фиксация всех событий и реакций на них, которые индивид воспринимал в процессе жизни. Данный информационный массив является закономерным субструктурным образованием каждой человеческой души, существующим вокруг нее. Эти впечатления обволакивают, укутывают душу многочисленными слоями, образуя ее индивидуальное информационное поле.

Из сказанного следуют два крайне важных для научного познания вывода. Первый: информационное поле души в силу зафиксированных в нем самых разных ситуаций, впечатлений в зависимости от степени их энергетического, эмоционального, содержательного потенциала стратегически обуславливают физический уровень существования каж-

дого ныне живущего человека. Речь идет о врожденных качествах личности, ее жизненном потенциале, приоритетах, наклонностях, психофизических характеристиках, состоянии здоровья, особенностях принятия решений, поступках, жизненных ситуациях и т. д. Второй: каждый человек потенциально располагает колоссальным объемом самой разнообразной информации, накопленным его душой во время существования в материальной форме.

Эта информация лежит в основе разнообразных поведенческих программ, реакций человека на конкретные ситуации текущей жизни. Внешние обстоятельства актуализируют («включают») ту или иную событийную цепочку или ее элементы, уже имевшие место в прошлом. Человек получает исходную базовую программу (или программы) действий в текущей ситуации, основанную на всей совокупности предыдущего опыта, хранящегося в информационном поле его души. Данная программа, поведенческий стереотип, уточняется и детализируется в сознании субъекта с учетом особенностей существующей личности и конкретных условий текущей жизни, места, времени, обстановки и прочих факторов.

Исходная базовая поведенческая программа может в той или иной степени осознаваться либо вообще не осознаваться субъектом принятия решения. Степень осознанности зависит от очень многих внутренних и внешних факторов. Вне зависимости от этого обычный человек действует исходя из своего прежнего опыта, зафиксированного в информационном поле души, актуализированного к текущей жизненной ситуации. Именно таким видится принципиальная схема механизма принятия решений, поведенческих реакций каждого человека с позиций гуманистической методологии.

С позиций науки в целом и криминологии в частности важным является то, что поведенческая детерминанта прошлого опыта индивида не ограничивается годами его текущей жизни, а рассматривается в качестве строго не определенного информационного потенциала. Именно этим (существованием информационного поля души) можно объяснить наличие выраженных криминогенных черт личности

людей, выросших в социально здоровой обстановке, когда видимые причины, обусловившие их криминогенность, отсутствуют. Этим же объясняются противоправные феномены поведения людей в ситуациях ослабления сознательного контроля за собой, например вспышки агрессии в состоянии алкогольного опьянения.

Общенаучным подтверждением факта наличия впечатлений из прошлых жизней (информационного поля души) является существование такого психического феномена, как дежавю (уже виденное) [7]. Это состояние, когда человек явственно ощущает, что он уже был в этой ситуации, но связывает этот опыт не с определенным моментом жизни, а в целом с прошлым. Думается, что дежавю представляет собой осознание человеком того или иного фрагмента впечатления, зафиксированного в информационном поле его души, вызванное к жизни внешними условиями текущего места, времени и окружающей обстановки.

Значение вышеизложенных и иных положений о человеческой душе, ее информационном поле, взаимосвязи с телом выходят далеко за рамки криминологии и юриспруденции в целом. Углубленная научная разработка этого направления в науке способна привести человечество к принципиально новому уровню знаний, технике и технологиям.

В заключение следует отметить, что автор рассматривает данную статью, содержащиеся в ней суждения и выводы в основном как гипотетические знания, требующие дальнейшего комплексного осмысления и развития.

### **Список использованных источников**

1. Шиенок, В. П. Методологические проблемы современной криминологии / В. П. Шиенок // Юстыцыя Беларусі. – 2006. – № 11. – С. 20–24.
2. Марчук, В. В. Методологические основы квалификации преступления. – М. : Юрлитинформ, 2016.
3. Ветхий Завет : в 14 т. : пер. с англ., греч., лат., сир. / под ред. Эндрю Лауга в сотрудничестве с Марко Конти ; рус. изд. под ред. К. К. Гаврилкина. – Тверь : Герменевтика, 2004–2010.

4. Философия Бердяева [Электронный ресурс] // Энциклопедия Экономиста. – Режим доступа: <http://www.grandars.ru/college/filosofiya/filosofiya-berdyaeva.html>. – Дата доступа: 29.03.2016.
5. Биография В. И. Вернадского [Электронный ресурс] // Неправительственный экологический фонд имени В. И. Вернадского. – Режим доступа: <http://www.vernadsky.ru/vernadsky/biography/>. – Дата доступа: 29.03.2016.
6. Шиенок, В. П. Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции : моногр. / В. П. Шиенок. – Междунар. ун-т «МИТСО». – Минск, 2016.
7. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998.

*Впервые материал опубликован:* Труд. Профсоюзы. Общество. – № 3. – 2016.

## **СУЩНОСТНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ЧЕЛОВЕКА НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ: СУДЬБА**

Вслед за осознанием факта наличия индивидуальной души и ее информационного поля исследователь со всей неизбежностью приходит к необходимости осмысления следующего не менее интересного и значимого вопроса познания человеческого существа, закономерностей его проявления в материальном мире. Таким архиважным моментом, особенно для понимания детерминант поведения любого человека, является вопрос об индивидуальной судьбе. Нет нужды подробно говорить о том, что этот вопрос существует в умах людей тысячелетия. В официальной науке нашей страны этот вопрос не рассматривается. Чаще о судьбе говорят на бытовом уровне. Однако это никак не умаляет важности и актуальности рассмотрения этой категории применительно к методологии современной юриспруденции.

В самом общем виде судьбу можно представить в качестве заранее более или менее строго предопределенной цепи событий, определяющей внутреннее и внешнее содержание жизни каждого конкретного человека. Можно по-разному относиться к судьбе, полностью или частично отрицать либо признавать ее существование, что, как и в случае с душой, определяется мировоззрением конкретного исследователя. С позиций гуманистической методологии, рассматривающей человека как органическое единство души и тела, индивидуальная судьба существует. Факт ее существования доказывается причинно-следственными связями между прошлыми и настоящими деяниями человека, факт наличия которых (причинно-следственных связей) очевиден. Причинно-следственные взаимосвязи, закономерности их проявления широко используются в криминологии, уголовном праве, криминалистике, в других юридических и иных науках. Без преувеличения можно сказать, что закон причины и следствия является одним из фундаментальных в человеческой жизни. В криминологии, например, причинно-следствен-

ные взаимосвязи используются для прогнозирования индивидуального преступного поведения, динамики преступности в целом, ее отдельных видов и т. д. Криминалистика, уголовный процесс, уголовное право и другие науки исходят из наличия таких взаимосвязей, благодаря существованию которых возможно моделирование криминальных событий, познание преступлений, имевших место в прошлом, их расследование. В принципе все научное познание основано на законе причинно-следственных связей, закономерностях их проявления. Это универсальный закон бытия. В этом плане любой событийный ряд можно представить в форме бесконечно длинной цепочки причин и следствий, где каждое предшествующее событие есть причина последующего, являющегося его следствием. Разберем самый простой пример в качестве иллюстрации. Вы пришли утром на работу раздраженный, в плохом настроении. Проследим гипотетическую причинно-следственную цепочку плохого настроения. Вы задержались поздно вечером в гостях, соответственно больше обычного пили и ели. Придя домой, долго не могли уснуть и утром чувствовали себя невыспавшимся, хотя встали позже обычного. Опаздывая на работу, вы не успели привести себя в порядок, не выпили утренний кофе и т. п. Это простейшие причинно-следственные связи, которые, как говорится, на виду, но о большинстве таких взаимосвязей мы просто не догадываемся, хотя из них соткана наша судьба. А сейчас представьте на мгновение возможный объем событий, впечатлений, информации, зафиксированный в информационном поле души, прошедшей сотни, тысячи земных жизней. Этот информационный массив содержит бесчисленное количество потенциальных причинно-следственных взаимосвязей, которые мы не в состоянии отследить, знать о них.

Таким образом, следуя закону причинно-следственных связей, существующая жизнь человека, ее событийно-информационное содержание является следствием совокупного прошлого опыта (причина). Как мы выяснили в предыдущей статье, этот опыт, включая впечатления, пережитые в предыдущих жизнях души, зафиксирован в ее информа-

ционном поле. Индивидуальный ум включен в это информационное пространство 24 часа в сутки. Большую часть времени человек не осознает этого факта, т. е. не знает (не видит) чем занят, где блуждает его ум, какую информацию он обрабатывает. Как правило, ум человека, его внимание сосредоточены на внешних обстоятельствах, текущем потоке разнообразных впечатлений, воспринимаемых органами чувств, а также различных планах, фантазиях и т. п. Справедливость сказанного каждый может легко проверить с помощью небольшого эксперимента, одним из условий которого является «отключение» экспериментатора от текущих впечатлений, информации, получаемой через органы чувств. Для этого сядьте удобно в комфортном, безопасном для вас месте, где вас не потревожат какое-то время другие люди, выключите телефон и иные источники возможного звука, мягко закройте глаза. Иными словами, минимизируйте поток внешней зрительной, слуховой, осязательной информации и т. д. Наблюдайте за мыслями, которые будут появляться у вас в голове, которые генерирует ваш ум. Просто наблюдайте, не включайтесь в раздумья, в поток протекающих у вас в сознании мыслеформ. Могу с уверенностью предположить, что полное бездействие тела не будет означать полного бездействия ума, который не только будет продолжаться, но и активизирует свою работу, постоянно генерируя мысли, желания, программы поведения, вне связи с текущими условиями места, времени и окружающей обстановки. Могу предположить, что о большинстве из этих мыслей, этой информации вы просто не догадывались. Я уверяю, это будет любопытный опыт, который будет служить подтверждением тезиса о неосознанности, не включенности большинства из нас в текущий момент жизни, а также постоянной активности индивидуального ума и существовании колоссального объема информации, в который он включен (информационное поле души) вне прямой зависимости от внешнепредметной деятельности человека

Аксиоматично, что каждый человек принимает решения и действует исходя из своего предыдущего опыта, адаптированного к текущей жизненной ситуации. Важно, что

в основном такая реакция носит неосознаваемый, механический характер. Механистичность реакции человека, ее неосознанность особенно заметна в условиях часто повторяющихся, стереотипных ситуаций либо ситуаций, требующих немедленного реагирования (когда времени на обдумывание просто нет). Например, переходя автомобильную дорогу, что каждый городской житель делает бесчисленное количество раз, пешеход обычно не фиксирует свое внимание на правилах перехода. Имеется в виду, что нужно подойти к границе дороги, остановиться, посмотреть налево, убедиться, что движущихся автомобилей рядом нет и т. д. Мы не раскладываем в уме процесс перехода дороги на составляющие элементы, мы просто делаем то, что повторяли бесчисленное количество раз. Иными словами, порядок наших текущих действий (переход дороги) является следствием предыдущего аналогичного опыта, который выступает причиной по отношению к первым. Мы используем поведенческий стереотип, т. е. наработанную программу действий, и в ситуациях иного рода. Речь идет, например, об условиях крайнего дефицита времени для принятия решения либо в иной экстремальной ситуации. Принятие решения в ситуациях такого типа происходит, как правило, спонтанно, автоматически. Такая обстановка может быть абсолютно либо относительно (в большей части) новой для человека, т. е. не встречавшейся до этого момента в его текущей жизни. На раздумывание здесь просто нет времени, например в ситуации, угрожающей жизни и здоровью людей. Действия человека в таких новых для него условиях часто бывают идеально выверенными и высоко эффективными. В последующем он сам не может объяснить, на основании чего поступил именно так, а подчас не может повторить своих действий. Кто хоть раз сталкивался с подобным в реальной жизни, поймут, о чем идет речь без дополнительных объяснений. В основе таких мгновенных реакций лежат инстинкты выживания, подкрепленные прежним совокупным жизненным опытом, и особенности личности человека. Сказанное следует рассматривать в качестве еще одного подтверждения гипотезы о существовании информационного поля индивидуальной души.



Как уже говорилось, жизнь человека как событийный ряд представляет собой результат взаимодействия информационного поля души с существующей личностью, сформированной в конкретных условиях места, времени, семьи, социума, государства, права и иных влияющих на ее развитие факторов. В связи с этим особый интерес с позиций цели и задач криминологии и иных юридических дисциплин представляет вопрос о главной причине, детерминанте человеческого поведения. Имеется в виду явление внутреннего мира человека, сферы его сознания, сферы ума.

Изучение разнообразных литературных источников, а также многолетний личный опыт наблюдений, внутренних экспериментов и поисков позволяет констатировать, что главной доминантой поведения, причиной постоянной работы ума, а также деятельности любого человека являются желания, присутствующие в его ментальной сфере. Под желанием понимается в большей или меньшей степени конкретизированная потребность человека. Если кто-либо из читателей статьи проведет указанный выше внутренний эксперимент по наблюдению за своими собственными мыслями и после этого запишет и проанализирует свои наблюдения, он сможет убедиться, что львиная доля зафиксированных им мыслей была так или иначе связана желаниями что-то обрести, чем-то обладать, чего-то избежать и т. д.

В основе желаний лежат потребности, которые, образно говоря, являются их (огня желаний) топливом. Потребности как таковые есть и должны быть у каждого индивида. Это естественное условие функционирования человека и общества. Принципиальным с позиций предмета данной статьи является вопрос о контроле над ними. В этом плане следует различать потребности и нужды. Это близкие, но не равнозначные понятия, хотя довольно часто их используют в качестве синонимов. Нужда – это жизненно важная потребность, без удовлетворения которой невозможно (крайне затруднительно) безопасно жить и эволюционировать в конкретных условиях места и времени. В отличие от нее потребность как состояние ощущения нехватки чего(кого)-либо не угрожает безопасности человека. Универсальными нуж-

дами людей по всему миру являются чистый воздух, чистая вода, чистая пища, а также соответствующие условиям конкретной страны одежда, жилье, образование, здравоохранение и т. д. В северных странах, например, теплая меховая шуба может рассматриваться как нужда, как жизненно необходимая вещь в зимний период. В теплом климате эта же шуба рассчитана на удовлетворение потребности в роскоши, а не нужды выживания. Нужда есть результат объективной необходимости жизни и эволюции человека на планете, потребности – результат становления и развития конкретной личности, обусловленные социальной средой. Потребность и желание соотносятся как общее и особенное. Например, у человека есть потребность в самовыражении. На этом фоне может возникнуть желание изменить прическу, стиль одежды либо иная конкретизация потребности.

В качестве явления внутреннего мира желания есть результат активации соответствующей цепочки информационного поля индивидуальной души через личность ныне живущего человека, вызванной к жизни теми или иными конкретными жизненными обстоятельствами. Информационное поле души содержит бесчисленное количество потенциальных желаний, которые по тем или иным причинам сохранили свой энергетический потенциал, остались неудовлетворенными в прошлых жизнях. Этот потенциал легко активируется под влиянием какого-либо внешнего обстоятельства, выступающего в роли триггера (пускового момента), большая часть которых не осознается человеком. Именно данный механизм лежит в основе коммерческой и иных видов рекламы, других технологий влияния, направленных на пробуждение в человеке скрытых желаний и формирование все новых и новых потребностей.

Как уже говорилось в ранее опубликованных работах, господствующая на планете модель цивилизации основана на бесконечном стимулировании, поощрении, разжигании всевозможных потребностей человека с целью постоянного наращивания потребления им материальных благ. Именно нарастание потребления рассматривается как локомотив

экономического роста, благосостояния, успеха в современном обществе. Именно на стимуляцию роста индивидуальных желаний направлена мощнейшая индустрия рекламы, развлечений, образование и культура современного мира. Такая модель цивилизации порочна, но именно она доминирует сейчас. По этой причине состояние беспокойного ума современного человека – это и результат, и одновременно цель господствующей модели общественного производства, это нормальное положение для общества потребления. Подавляющее большинство людей просто бессильны упорядочить поток желаний, постоянно генерируемых умом под влиянием комплекса внешних факторов (образование, культура, спорт, экономика и т. д.). Они несвободны, тотально управляемы извне. Для этого задействован внутренний закон – стремление человека к комфорту, удовольствию, согласно которому каждый индивид хочет испытывать положительные эмоции, полноту и удовлетворенность своей жизнью. Человек, как правило, бывает счастлив, когда его желания сбываются, и несчастлив, когда они не исполняются. Удовлетворенное желание действительно делает человека счастливым, самодостаточным, но лишь на короткое время. Это аксиома. По этой причине несбалансированные, многочисленные, взаимоисключающие желания привносят хаос, неудовлетворенность, страдания в жизнь каждого человека, дезорганизуют ее и являются основной доминантой его противоправного поведения.

Неудовлетворенные (как и удовлетворенные) желания фиксируются в информационном поле души. В зависимости от степени эмоционального переживания они обладают большим или меньшим энергетическим потенциалом, который будет проявлен вовне, активирован под воздействием тех или иных внешних факторов (триггеров), включающих соответствующую поведенческую программу человека. С этих позиций становятся доступны пониманию ситуации совершения преступлений по внезапно возникшему умыслу, при отсутствии видимых причин, мотивов противоправного поведения человека и многие другие проблемные вопросы современной криминологии, уголовного права и других наук.

\*\*\*

В заключение следует отметить, что признание криминологами, учеными иных отраслей науки изложенных в настоящей статье идей, гипотез, фактов о сущности человека, душе, ее информационном поле, индивидуальной судьбе и иных открывает принципиально новые направления исследования различных социальных явлений, в том числе преступности и мер по ее предупреждению. Например, для криминологии это означает новые подходы к изучению механизма противоправного поведения, разработке мер общей и индивидуальной профилактики девиантного поведения и т. д. Разумеется, в рамках одной статьи невозможно даже обозначить весь спектр вопросов, связанных с новым пониманием человека в криминологии, в юриспруденции, поэтому автор рассматривает ее не только как публикацию одной из частей своего исследования, но и в качестве приглашения коллегам-юристам, всему научному сообществу включиться в дискуссию по существу поставленных вопросов.

*Публикуется впервые.*

## ДИАЛЕКТИКА ПРАВОВОЙ И ИНДИВИДУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Одним из заметных нововведений в системе юридической науки последних десятилетий следует считать философско-правовой термин «правовая реальность» (правовая действительность). Чаще всего правовую реальность понимают как строго не определенное явление, отражающее бытие права во всем многообразии его форм, правовых феноменов, иных правовых явлений. Существуют и другие точки зрения, в том числе критически воспринимающие целесообразность данной категории для юриспруденции [1–3]. Можно по-разному относиться к этому термину, дискутировать по поводу содержания, целесообразности использования и другим вопросам. Однако по своей природе, семантике, масштабу включаемых в ее содержание явлений эта категория, безусловно, имеет методологическое значение. Именно поэтому ее рассмотрение под углом зрения цели и задач разрабатываемой автором концепции гуманистической методологии юриспруденции необходимо и целесообразно.

Итак, правовая реальность — это бытие права во всем многообразии его проявлений, феноменов применительно к конкретным условиям места и времени. Нетрудно заметить, что содержание, границы этой категории весьма расплывчатые, что обусловлено рядом причин, в том числе аналогичными качествами термина «реальность». В интересах темы настоящей статьи определим аналогичным образом индивидуальную реальность как бытие человека во всем многообразии его проявлений в конкретных условиях места и времени. Примем этот подход как рабочий для решения задач настоящей статьи.

Что общего и в чем различия между этими двумя явлениями (реальностями), что является их интегрирующим фактором, элементом? Понимая право как совокупность нормативных предписаний, сутью которых является регулирование поведения людей, мы в очередной раз приходим к

выводу, что обязательным, неотъемлемым элементом правовой реальности (бытия права) является человек. В его отсутствие правовая реальность просто не существует. Именно человек, его внешнепредметная и психическая деятельность оживляет (активирует) правовые предписания вне зависимости от источника их возникновения, формы существования и фиксации. Данный тезис следует считать ключевым при рассмотрении диалектики правовой и индивидуальной реальности. Действительно, давайте представим ситуацию, что на остров или планету, населенную людьми, находящимися на стадии родоплеменной организации жизни, не умеющими читать и писать, таинственным образом доставили большое количество материальных носителей права высоко развитой цивилизации (книги, электронные носители и т. д.). Создадут ли они новую или изменят существующую правовую реальность на острове? Конечно, нет. Это очевидно, так как бытие права, его содержание, объем, динамика изначально predeterminedены человеком, обществом. В отличие от человека и его бытия, которые являются порождением природы, право и его реальность – это искусственно созданные (виртуальные) явления. В этом плане человек и право соотносятся как причина и следствие.

Принципиальным с позиций гуманистической методологии является тезис о том, что человек, как и весь окружающий нас мир, состоит из вибраций, колебаний, волн, отличающихся друг от друга частотой, их комбинациями. Твердое и жидкое, живое и неживое, видимое и невидимое – все вибрирует. Любой вид энергии – это вибрации. Тело взрослого человека, по разным источникам, на 60–80 % состоит из воды, представленной в нем различными жидкостями (кровь, лимфа, моча и т. д.), которые находятся в постоянном движении. Клетки тела, микроорганизмы внутри него, атомы постоянно движутся, а значит, вибрируют. Мозг (иные органы тела) излучает электромагнитные импульсы, волны. Человеческая речь есть набор акустических волн. Мысль характеризуется электромагнитными импульсами, т.е. вибрациями. Эмоция как разновидность внутренней энергии человека есть вибрации. Воля как психическая энергия есть

вибрации. Планета, камни и минералы — все вибрирует в своем ритме, на своей длине волны, вся живая и неживая природа. Современные естественно-научные исследования подтверждают факт тотальной вибрации материи, ее корпускулярно-волновую природу [4, 5]. Военная промышленность уже много лет разрабатывает принципиально новые виды вооружений будущего, суть которых состоит в использовании специальных волновых генераторов, вызывающих у противника заданные негативные эмоции или состояния, например страх, панику, удушье и т. д. Речь идет о так называемом инфразвуковом и ином подобном оружии. В качестве поражающего средства используется достаточно сильный инфразвук. В зависимости от силы инфразвукового воздействия в результате у объекта могут возникать чувства страха, ужаса или паники вплоть до психозов на их почве и соматических расстройств (от расстройств зрения до повреждения внутренних органов, вплоть до летального исхода). Такое оружие уже создано, оно есть [6]. Его принцип — принудительное внешнее изменение частоты вибраций человека с целью управления его психоэмоциональным состоянием.

Значение сказанного для методологии юриспруденции обусловлено двумя группами причин. Во-первых, рассмотрение человека как энергетической системы, суммы вибраций является методологическим подходом к пониманию человека в юриспруденции (всей науки) будущего. Это позволит по-новому исследовать и понять механизм поведения человека (как законопослушного, так и противоправного), способы регулирования его поведения, взаимодействие с правом и иными социальными нормами и соответственно коренным образом изменить всю юридическую науку. Во-вторых, назовем эту группу причин субъективными. Ученым, юристам-практикам, иным людям, как правило, весьма затруднительно отойти от существующих мыслительных стереотипов, в том числе в отношении человека как объекта познания, методологии науки. Речь идет об осознании человеческого существа и всего мира как единой энергетической субстанции, потока вибраций. В качестве примера при-

веду одну реальную историю. Несколько лет назад, рецензируя рукопись монографии, я написал на ее полях тезис о том, что все в этом мире есть вибрации, в плане совершенствования методологии этого комплексного исследования с целью помочь автору глубже исследовать проблему. Для меня было полной неожиданностью, когда в прошлом году я случайно узнал, что он расценил это как неудачную шутку с моей стороны, в чем убежден и по сей день.

Право как совокупность норм, соответствующих предписаний можно рассматривать в качестве определенной суммы информации, информационного массива, зафиксированного на различных материальных носителях, а также в идеальной сфере (сознании людей). Именно на этом основан так называемый информационный подход к праву как социальной информации управляющего назначения [7]. В свою очередь, любую информацию можно представить в качестве вибраций, комбинации которых образуют слово, знак, символ и т. д. Именно на этом качестве основаны современные цифровые технологии, которые оперируют не непрерывным, а дискретным потоком символов [8].

Одним из главных выводов двух предыдущих очерков, посвященных сущностным подходам к пониманию человека, явился тезис о том, что текущая жизнь человека стратегически предопределена прошлыми впечатлениями, зафиксированными в информационном поле души. Иными словами, индивидуальная реальность в главных чертах запрограммирована в соответствии с законом причинно-следственных связей. Она создана предшествующими действиями человека, является его судьбой. Те или иные сведения о праве в целом, его нормах, соответствующие переживания прошлых жизней души надежно зафиксированы в ее информационном поле. Индивидуальная реальность ныне живущего человека, глубина и широта его восприятия бытия зависит также от мировоззрения, интеллекта, воли и иных качеств личности индивида. Реальность для каждого конкретного человека такова, какой он ее себе представляет, ощущает. Сознание – врожденное свойство, качество каждого человека, его природный потенциал, отличающий его



от иных живых существ. Неотъемлемая черта сознания – динамика, т. е. способность к расширению и сужению. Окружающий мир – это зеркало, которое отражает каждого из нас. Осознать – значит понять, расширить границы понимания себя и мира. Чем больше, глубже мы осознаем себя, тем богаче и ярче становится окружающий мир, наше бытие, индивидуальная реальность. И наоборот, чем уже наше сознание, тем беднее окружающий мир, бытие. Осознание (расширение сознания) означает получение доступа ко все большим объемам информации, в том числе правовой. По сути, все существует без нас. Новое знание означает осознание чего-либо, расширение индивидуального сознания, включение этого знания в мировосприятие человека.

Как уже говорилось выше, право как система нормативных предписаний, призванных регулировать поведение индивида и соответственно его бытие, – это искусственно созданная, а поэтому виртуальная, опосредованная реальность. Она порождена человеком, существует настолько, насколько люди обращают на нее внимание, включают ее в свою жизнь. В противовес этому человеческая реальность порождена непосредственно природой, процессом эволюции на планете Земля, во Вселенной. Очевидно, что право не является определяющим для существования человека как вида фактором.

С учетом вышесказанного можно предположить следующий механизм взаимодействия индивидуальной и правовой реальности. Человек и его любая деятельность, как уже говорилось, представляет собой движение, энергию, вибрации. Право в этом плане есть потенциальные («спящие») вибрации, зафиксированные на том или ином материальном носителе. Как только человек начинает воспринимать, перерабатывать, использовать их в своей жизни либо иным образом включать их в свою деятельность (умственную или внешнепредметную), право оживает. Спящие вибрации правовой нормы (их энергетический потенциал) включаются в сознание индивида, информационное поле души, в жизнь общества, появляются правовые феномены, идеи, эмоции и т. д. Именно таким видится принципиальный базовый внут-

ренный механизм возникновения и функционирования правовой реальности (бытия права).

В завершение следует остановиться на трех моментах, имеющих крайне важное значение не только для раскрытия темы настоящей статьи, но и в целом для понимания иных механизмов деятельности человека и его реальности. Речь идет о человеческом интеллекте, сознании и воле. Существование правовой реальности, ее действительное содержание и качество на индивидуальном и групповом уровне напрямую обусловлено названными качествами человека. Я давал их краткое общее описание в одном из очерков данной книги («Мировоззренческие и иные проблемы создания новой методологии белорусской юриспруденции», с. 27). Здесь же отметим лишь роль каждого из них в создании правовой реальности.

Интеллект ответствен за получение, переработку и хранение правовой информации, ее усвоение. Образно говоря, это операционные возможности вашего персонального компьютера. Сознание обеспечивает глубинное понимание смысла и степени значения права для жизни человека, в первую очередь в глобальном, стратегическом плане. По аналогии с компьютером это базовая программа, без которой он будет просто грудой железа или банальной игровой приставкой. Воля как особый вид психической энергии человека ответственна за способность реализовывать или, наоборот, не реализовывать (следовать или не следовать) требования нормативных предписаний в реальной жизни. Важность трех указанных категорий для понимания человека, дальнейшей разработки вопросов гуманистической методологии требует их специального рассмотрения в рамках отдельного очерка, работа над которым уже ведется.

Думается, что обозначенный в рамках настоящей статьи подход к рассмотрению диалектики правовой и индивидуальной реальности с соответствующими коррективами можно применить при исследовании многих других правовых явлений не только на индивидуальном, но и на уровне микро- и макрогрупп, общества в целом. Данное положение ба-

зируется на понимании жизни как потока энергии, вибраций, являющемся прямым следствием всеобщей диалектики как метода научного познания.

### **Список использованных источников**

1. Жилина, Ю. А. Правовая реальность как философско-правовая категория: понятие и структура / Ю. А. Жилина // Молодой ученый. — 2015. — № 3. — С. 640–643;
2. Калинин, С. А. Понятие и структура правовой системы системы / С. А. Калинин // Право и демократия : сб. науч. тр. — Вып. 10 / Бел. гос. ун-т; редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.). — Минск : Право и экономика, 1999. s С. 17-25;
3. Крет, О. В. Правовая реальность: онтолого-гносеологический анализ : дис. ... канд. филос. наук / О. В. Крет. — Тамбов, 2007.
4. Корпускулярная и континуальная концепции описания природы [Электронный ресурс] / Законодательство России. — Режим доступа: [http://www.labex.ru/page/g14\\_kse\\_15.html](http://www.labex.ru/page/g14_kse_15.html). — Дата доступа: 19.10.2016.
5. Корпускулярно-волновой дуализм [Электронный ресурс] / Википедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. — Дата доступа: 19.10.2016.
6. Инфразвуковое оружие [Электронный ресурс] / Википедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/...B5>. — Дата доступа: 20.10.2016.
7. Кудрявцев, Ю. В. Нормы права как социальная информация / Ю. В. Кудрявцев. — М. : Юрид. лит., 1981. — 144 с.
8. Цифровые технологии [Электронный ресурс] / Википедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/...B8>. — Дата доступа: 19.10.2016.

*Публикуется впервые.*

## МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Всеобщая декларация прав человека (далее – Декларация), принятая вскоре после окончания Второй мировой войны, унесшей жизни десятков миллионов человек, бесспорно, является эпохальным международно-правовым документом второй половины XX в. Это обусловлено содержащейся в ней фундаментальной идеей об изначальном равенстве всех людей (присущих им равных правах и свободах) и соответственно возможности гуманизации человеческого общества. Эта идея отражает мечты и чаяния большинства людей, поэтому имеет универсальное значение для стран и народов мира. Реализация положений Декларации провозглашается в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства. Гуманистическая направленность идеи о всеобщем изначальном равенстве всех людей планеты и ее кажущаяся простота, с одной стороны, делают эту мысль привлекательной для реализации. С другой стороны, даже поверхностный, непрофессиональный экскурс в историю свидетельствует, что многочисленные попытки реального обеспечения декларируемых прав и свобод людей в конечном итоге приводили и приводят к прямо противоположным результатам. Косвенным свидетельством этому является нарастание в мире следующих негативных тенденций: усиление социального неравенства как в отдельно взятой стране, так и экономического неравенства между различными государствами; рост экономической и политической экспансии со стороны более развитых стран; непрекращающиеся вооруженные конфликты и войны, в том числе под предлогом восстановления прав и свобод человека; эскалация напряженности в международных отношениях; рост особо опасных форм транснациональной преступности; разрушение традиционной семьи и брака и т. д.

Наиболее характерными негативными примерами являются вооруженные конфликты и войны, развязанные США

и их союзниками в конце XX в. – начале XXI в. под предлогом восстановления прав человека в других суверенных странах, например, вооруженная агрессия в отношении Панамы, Югославии, Ирака и других стран. В настоящее время не вызывает принципиальных возражений тот факт, что зафиксированные в международно-правовых документах гуманистические идеи о всеобщем равенстве людей, присущих им правах и свободах, возможности построения бесконфликтного мира и аналогичные мысли активно применяются различными политическими силами, в том числе в сугубо эгоистических целях. Речь в первую очередь идет о промышленно развитых странах и их политических организациях, нередко использующих данные идеи для оправдания (повода) экспансивных действий, направленных на усиление своего влияния в мире. Именно поэтому содержание Декларации как глобального международно-правового документа нуждается в анализе с позиций методологии юридической науки. Имеется в виду раскрытие содержания изложенных в данном международно-правовом документе основных идей с точки зрения возможности их реализации правовыми средствами и методами, а также влияния на формирование мировоззрения современного человека, поведение индивидуумов и социальных групп. Это необходимо для поиска и определения действенных путей и средств реализации основных положений Декларации и иных правовых документов в области прав человека.

Если абстрагироваться от оценки степени искренности представителей политической элиты стран, подписавших Декларацию, в данном международно-правовом документе перед человечеством поставлена сверхзадача. Речь идет об изменении сложившегося миропорядка, всей системы общественных отношений на планете в соответствии с совокупностью зафиксированных в Декларации идей, принципов, поведенческих норм. Можно с уверенностью предположить, что принятие такого документа стало возможным в результате осознания многими людьми чудовищных последствий Второй мировой войны и стремления в общественном сознании масс не допускать подобных явлений в будущем.

Однако анализ состояния и тенденций развития международных отношений за 60 лет, прошедших с момента принятия Декларации, а также законности в этой сфере в странах-участницах свидетельствует об отсутствии существенного прогресса в деле установления нового справедливого мирового порядка, основанного на ее принципах. В качестве гипотезы можно предположить, что Декларация в ее нынешнем виде в большей степени способствует разделению стран и людей по тем или иным внешним признакам (экономическое развитие, пол, раса, вероисповедание и т. д.), чем их правовому и фактическому единению.

Наиболее рельефно основная мировоззренческая идея Декларации выражена в преамбуле. В ней содержится квинтэссенция данного документа, которая в обобщенном виде может быть представлена следующими тезисами. Во-первых, в Декларации говорится о том, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и их равных, неотъемлемых прав является основой свободы, справедливости и всеобщего мира на планете. Во-вторых, констатируется, что пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества. В-третьих, в качестве альтернативы прошлому с его антагонизмами, войнами, стратегическим неравенством индивидуумов и народов провозглашается необходимость устремления людей к созданию такого мира, в котором они будут иметь свободу слова и убеждений, свободны от страха и нужды. В-четвертых, преамбула фиксирует готовность народов и государств признавать и уважать основные права человека, достоинство человеческой личности, а также закрепить их законодательно и обеспечить выполнение данных норм. Вторая часть преамбулы как бы подводит итог сказанному в первой. Декларация провозглашается «в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства с тем, чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея в виду настоящую Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод и обеспечению путем национальных и международных про-

грессивных мероприятий всеобщего и эффективного признания и осуществления их».

Таким образом, главная мировоззренческая (методологическая) идея Декларации заключается в констатации возможности и намерений стран-участниц построения бесконфликтного, гармоничного мира, свободного от страха, нужды и дискриминации, основанного на всеобщем благе, ценности и уважении человеческой личности путем обеспечения юридического равенства, образования и просвещения людей. Однако как по своему содержанию, так и по избраным средствам и методам данная идея представляется противоречивой и невыполнимой.

Сформулированные в преамбуле основные цели (задачи) Декларации представляют собой попытку создания нового человеческого общества, базирующегося на иных принципах сосуществования людей, в том числе связанных с изменением психоэмоциональной сферы индивидов и общества. В связи с этим результаты содержательного анализа текста Декларации позволяют выделить две группы ее положений: во-первых, совокупность идей, выражающих ее концептуальные цели и задачи, мировоззренческую основу документа; во-вторых, конкретные правовые задачи (нормы, принципы), связанные с обеспечением юридического равенства субъектов. Первые в силу своей масштабности, комплексного характера поставленных задач выходят далеко за рамки юридической науки и соответственно не могут быть решены сугубо правовыми средствами и методами. Вторая группа положений Декларации относится к собственно юридической сфере, содержит конкретные юридические задачи, решение которых вполне возможно с помощью юридического инструментария. Например, обеспечение равных юридических прав мужчин и женщин, правовое закрепление презумпции невиновности при осуществлении уголовного преследования, исключение дискриминации по религиозным, национальным и иным мотивам и т. д.

Теоретически возможно достижение формально-юридического равенства всех людей на планете, хотя в нынешних условиях это выглядит трудновыполнимым и поэтому нере-

алистичным. В то же время само по себе формальное равенство людей никоим образом не означает равенства фактического, реального, т. е. создания общества свободных и равных людей. Более того, многие авторитарные режимы, пренебрегающие индивидуальными правами и свободами своих граждан, имели (имеют) вполне демократические конституции, в которых закреплены основные права и свободы индивида. В качестве примера можно назвать Конституцию СССР 1936 года, которая закрепляла и гарантировала гражданам основные права и свободы. Однако являлось ли советское общество свободным и справедливым, в котором отсутствовал страх и нужда, уважались честь и достоинство человеческой личности? Думается, что нет. Другой пример – практика обеспечения прав и свобод человека в США, признанных законодателем мод в этом вопросе. Открыв концентрационный лагерь на военной базе в Гуантанамо (Куба), где не действует национальное законодательство, власти США без особых проблем формально соблюли свои национальные законы в области прав и свобод человека. Лагерь был открыт специально для применения к подозреваемым в терроризме незаконных по национальному законодательству США методов воздействия, включая пытки, издевательства, унижение человеческого достоинства, бессрочное лишение свободы и другие. Все это происходит спустя несколько десятков лет с момента принятия Декларации, резко осуждающей подобные явления.

Анализ содержания Декларации свидетельствует, что юридические задачи играют второстепенную, обеспечивающую роль в иерархии ее целей и задач по отношению к зафиксированным в преамбуле стратегическим положениям (построение нового человеческого общества). Именно поэтому важно проанализировать стратегические цели и задачи Декларации и предлагаемые средства и методы их решения с тем, чтобы понять причины существующих противоречий, связанных с ее реализацией.

Первый и наиболее важный момент заключается в том, что большая часть использованных в преамбуле основных категорий отражает внутренние состояния человеческих



сущестъ, изменение которых провозглашается в качестве одной из основных задач Декларации. Например, достоинство, справедливость, честь, страх, свобода и т. п. Именно эти понятия являются базовыми методологическими категориями данного документа. Нетрудно заметить, что семантически они предназначены для выражения особенностей внутреннего мира человека, того, что в основном скрывается от посторонних глаз, отражает глубинные процессы человеческой личности, как правило, не осознаваемые субъектом в полной мере. Аксиоматично, что в одних и тех же внешних условиях разные люди могут ощущать различные эмоции, находиться в различных внутренних состояниях, соответственно по-разному реагировать на сложившуюся ситуацию. Иными словами, воспринимаемая картина объективного мира для человека всегда субъективна, поэтому с помощью правовых средств и методов можно лишь частично, кратковременно влиять на внутренние процессы человека. Именно этим обусловлено то, что правовые средства, методы достижения основных целей Декларации имеют весьма ограниченное, второстепенное значение: новое общество нельзя построить по декрету, приказу, норме права. В случае с принятием Декларации с помощью права предпринимается попытка изменить внутренний мир людей.

Государство и право как явления представляют собой иной срез (уровень, часть) действительности, для их характеристики не используются психоэмоциональные категории. При описании того или иного типа государства и права юриспруденция, как правило, не прибегает к использованию понятий страха, достоинства, справедливости и подобных им применительно к основным правовым категориям. Речь может идти лишь об оценке правовых норм, особенностей государственного устройства, политического режима и иных факторов с позиций их влияния на психоэмоциональную сферу индивида. Здесь действительно можно проследить более или менее выраженные связи между государственно-правовыми и психоэмоциональными явлениями. Например, чем выше риск необоснованного уголовного, административного или иных форм наказания в стране, тем выше будет уровень страха среди населения.

В качестве гипотезы можно предположить, что общество с высоким уровнем страха среди его членов будет подсознательно стремиться к авторитарной форме правления с многочисленными правовыми ограничениями, сложными бюрократическими процедурами. Этим индивиды будут пытаться обеспечить свою безопасность, побороть существующий страх. Такой подход равносителен строительству дома с маленькими закрытыми решетками окнами, обнесенного высоким забором, имеющего многочисленные средства охраны. Но такая ситуация искусственного отделения части от целого сродни добровольному лишению себя свободы, заточению в тюрьму. Страх не убывает, лишь создается иллюзия внешней защищенности, псевдобезопасности.

Следующий момент заключается в том, что провозглашаемая Декларацией цель построения общества (мира), свободного от страха, является утопической изначально, в своей основе. Для построения такого общества нужно отказаться от существования государства и права как явлений в их нынешнем виде, т. е. реализовать идеи анархистов-максималистов. Ведь страх членов общества перед государством и правом является органически, внутренне необходимым признаком для государства и права любого типа. Такой страх – основа функционирования государства и процесса поддержания правопорядка. Сами по себе государство и право не являются причинами существования человеческого страха. Страх – одна из базовых человеческих эмоций, обусловленная инстинктом сохранения человеческой жизни во всех ее проявлениях. Государство и право используют страх как метод управления, организации общества. Фактически, фиксируя цель построения свободного от страха мира, Декларация предлагает, чтобы государство занялось саморазрушением.

Аналогичным образом следует подходить и к иным указанным в Декларации характеристикам идеального человеческого общества, которое предлагается создать за счет юридического закрепления равных прав людей, а также образования и просвещения. Например, в преамбуле Декларации говорится, что «необходимо, чтобы права человека

охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения». Фактически здесь речь идет о построении бесконфликтного мира, недопущении тирании и угнетения правовыми средствами.

В самом общем виде слово «конфликт» означает ситуацию, характеризующуюся несовпадением интересов ее участников, противоречиями между ними. Конфликты окружают нас повсюду на индивидуальном, групповом, социальном, планетарном уровнях. Для межгосударственных отношений конфликты – обычное дело.

Таким образом, существование бесконфликтного мира предполагает как минимум формулировку и осознание всем человечеством, в особенности правящими элитами всех государств планеты, общих целей существования и неуклонное следование им во всех аспектах жизни. Реально ли построение такого общества, такого мира с помощью юридического равенства, образования и просвещения людей? Конечно, нет. Кроме того, следует помнить, что разновидностью конфликта является антагонистическое противоречие, т. е. ситуация, в которой не совпадают существенные стратегические интересы сторон. В таких случаях естественным ходом развития, как правило, является разрушение (отрицание) определенных элементов системы. Так устроена Природа, это логика жизни, ее законов. Разрушение необходимо для созидания. Оценка целей Декларации под этим углом зрения показывает их методологическую несостоятельность.

Обращает на себя внимание тот факт, что в тексте Декларации для выражения ее базовых идей используются категории, содержание которых четко не определено, допускаются различные толкования и интерпретации. Именно поэтому в методологическом плане она напоминает здание, построенное на песке, без надежного фундамента. Например, преамбула оперирует такими терминами и их сочетаниями, как «достоинство, присущее всем членам человеческой семьи», «их равные и неотъемлемые права», «свобода», «справедливость», «всеобщий мир», «страх»,

«нужда», «социальный прогресс и улучшение условий жизни при большей свободе» и т. д. Что означает достоинство, присущее всем членам человеческой семьи? Видимо, речь идет о каких-то базовых характеристиках человеческого существа, присущих всем индивидам внутренних ценностях. Тогда, что конкретно составляет достоинство человека? Известно, что достоинство является индивидуальной характеристикой человеческой личности. Люди, выросшие в одной социальной среде, получившие аналогичное образование, имеющие равный социальный статус, могут иметь разные представления о своем достоинстве и по-разному вести себя в аналогичных ситуациях. Как относиться к термину «человеческая семья»? Является ли она синонимом человечества или авторы документа имели в виду нечто иное. Даже формальное юридическое равенство людей согласно предложенным Декларацией критериям не было обеспечено в подавляющем большинстве стран за 60 лет, прошедших с момента ее принятия. Такие термины, как «свобода», «справедливость», «всеобщий мир», «страх», «нужда» и другие, вряд ли применимы в качестве методологических категорий юридически обязывающего документа планетарного масштаба.

Основная часть Декларации посвящена изложению основных прав и свобод, которыми должен обладать каждый человек вне зависимости от тех или иных внешних различий (пол, национальность, язык, религия, социальный статус, политические убеждения и др.), а также некоторых обеспечивающих их правовых принципов (законности, независимости судов, презумпции невиновности и т. д.). Анализ этих положений не имеет смысла в рамках предмета настоящей статьи, так как правовые средства могут играть лишь вспомогательную роль в решении задачи построения нового справедливого миропорядка и человеческого общества, характерные черты которых сформулированы в преамбуле.

Подводя итог сказанному, можно сделать следующие основные выводы:

- основное значение Декларации заключается в констатации необходимости гуманизации существующего мирового порядка, общественных отношений в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства;
- главная мировоззренческая (методологическая) идея Декларации – стремление стран-участниц к построению бесконфликтного, гармоничного мира, свободного от страха, нужды и дискриминации, основанного на всеобщем благе, ценности и уважении человеческой личности путем обеспечения юридического равенства, образования и просвещения людей. Однако как по своему содержанию, так и по избранным средствам и методам она представляется противоречивой и невыполнимой;
- состояние международных отношений в период, прошедший с момента подписания Декларации прав человека, в целом свидетельствует о принципиальной нерешенности поставленных в ней задач;
- методологический анализ содержания Декларации свидетельствует о недостаточной четкости формулировки ее основной идеи, отсутствии единообразной терминологии при постановке цели и задач, а также несоответствии средств и методов их решения сложности проблемы. Эти и некоторые иные обстоятельства выполняют фактически дезинтегрирующую функцию в современном мире;
- являясь глобальной задачей, гуманизация человечества предполагает глубинные изменения человеческих существ и поэтому не может быть достигнута сугубо правовыми средствами и методами, которым Декларацией отведена основная роль в ее реализации.

*Впервые материал опубликован: Юстыця Беларусі. – 2009. – № 7. – С. 57–60.*

## **МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА**

Мировой экономический кризис, потрясший основы глобальной финансово-экономической системы и аналогичных систем отдельных стран очевидно является главным событием начала XXI в., реальное значение которого человечество будет осознавать еще долгое время. Предстоит по-новому оценить место и роль человека в системе Земли, изменить структуру жизнедеятельности, систему приоритетов, целей и задач, мировоззрение индивида и общества. Это необходимо для преодоления перманентной кризисной ситуации, предотвращения возможных катастрофических потрясений планетарного масштаба и в конечном итоге выхода на иной, качественно новый уровень эволюции человека. В условиях глобальной кризисной ситуации существовавшие вызовы и угрозы национальной безопасности Республики Беларусь [4] многократно усилились.

В качестве гипотезы можно с уверенностью предположить, что нынешний мировой экономический кризис знаменует собой начало общего глобального кризиса человечества, обусловленного противоречиями между господствующей стратегией его жизнедеятельности и законами объективной реальности.

Мониторинг общедоступных информационных потоков о мировом экономическом кризисе свидетельствует, что большую его часть составляет текущая социально-экономическая информация, анализ экономико-политических причин, прогнозы развития и, конечно, меры по борьбе с ним [9]. Однако, как бы это ни выглядело парадоксальным, результаты анализа данной информации говорят о том, что существующее отношение подавляющей части политико-экономической элиты человечества (в первую очередь стран Большой двадцатки) демонстрирует отсутствие видимого понимания глубинных причин нынешней глобальной проблемной ситуации и реального желания найти выход из нее.

Первый момент заключается в том, что мировой финансово-экономический кризис оценивается правительствами большинства государств как некое большей частью негативное явление, грозящее человечеству всеми возможными бедами в ближайшем обозримом будущем. Исходя из этого на официальном и неофициальном уровнях господствующей является стратегия борьбы, образно говоря, кризису объявлена война. Действительно, такое понимание кризиса и официальной реакции на него выглядит абсолютно логичным и адекватным на бытовом уровне, в глазах большинства людей, уровень потребления материальных благ которыми в той или иной мере сокращается. Возможно, в такой официальной оценке мирового экономического кризиса есть определенная политическая составляющая, обусловленная привлечением голосов избирателей. Однако стратегически устойчивая концентрация общественного внимания на тотальной негативности кризиса для каждого конкретного человека и человечества в целом представляет собой весьма опасное заблуждение, свидетельствующее о серьезных противоречиях в господствующей модели индивидуального и общественного сознания, мировоззрения.

Что означает слово «кризис», каково его смысловое значение? Данный термин используется для обозначения этапа (состояния) комплексного изменения развития, динамики той или иной ситуации, приносящей включенным в нее субъектам болезненные переживания, страдания. Как правило, о кризисе говорят, если ситуация развивается вопреки планам субъекта, препятствует достижению его целей. В меньшей степени используют это понятие, когда трудности и болезненность сложившейся обстановки предопределены естественным ходом жизни, развитием событий. Однако в обоих случаях он является своего рода оценочным термином, который отражает субъективную оценку развития объективной ситуации. Можно с уверенностью сказать, что именно субъективная оценка той или иной ситуации предопределяет использование (вовлеченность в информационный оборот) понятия «кризис». Его степень обуславливается количеством вовлеченных в кризисную ситуацию

людей, масштабностью, значимостью затронутых кризисом интересов, целей, общественных отношений. В этом плане принято различать индивидуальные, групповые, социальные, глобальные (мировые) кризисы. Классифицировать их можно и по иным основаниям. Например, по объекту воздействия, т. е. той или иной части целого (системы), которая ухудшила свои функции (экономический, политический, демографический, семейный кризис).

И наконец, в зависимости от специфики причины возникновения следует различать кризисы роста и торможения. В первом случае речь идет о проблемных ситуациях, обусловленных поступательным движением человека (человечества) по пути эволюции, когда его движение совпадает с объективными законами бытия, когда человек прогрессирует. Типичной причиной кризиса данного вида является неравномерное развитие различных частей той или иной системы, когда один или несколько элементов не успевают, задерживают развитие остальных частей и соответственно целого. Во втором случае кризис обусловлен несоответствием активности человека (ее содержания, направленности, внутренней и внешней динамики) объективным законам природы, законам бытия. Это ситуации стагнации, деградации человека, торможения процесса его эволюции.

Негативная оценка кризиса, типичная для бытового уровня, вполне естественна. Его характерной чертой является наличие субъективных болезненных переживаний, страданий, ограничений, которые обусловлены негативным изменением ситуации по отношению к желаниям, интересам, целям человека. Именно поэтому подавляющее большинство людей оценивают однозначно как негативные те кризисные явления (процессы, состояния), которые доставляют им неудобства, страдания, препятствуют реализации их планов. Однако бытовое понимание кризиса поверхностно и эгоистично по своей сути, так как отражает органически присущее человеку стремление к получению удовольствия, комфорта и соответственно перманентному росту потребления на всех уровнях бытия.



В отличие от бытового понимания с позиций научного поиска на методологическом уровне явление кризиса должно оцениваться как стратегически позитивное, несмотря на наличие характерных элементов, противоречий, болезненности и страдания для конкретного человека и общества. Такой подход наряду с философией наиболее часто встречается в психологической науке [6]. Однако любой кризис, как роста, так и торможения, это в первую очередь этапный момент для изменения, роста, трансформации в соответствии с объективными законами бытия. Например, рождение ребенка, появление на свет которого доставляет немалые физические страдания матери и новорожденному. Для них это кризис роста. Однако итогом этих страданий становится появление нового человека, новой жизни, эволюция человеческого вида. Другой характерный пример – физическая болезнь, явившаяся результатом каких-либо вредных привычек индивида. Она сигнализирует, что в организме что-то не в порядке и необходимы изменения в поведении, приоритетах, целях, отношениях, которые обеспечат гармонизацию системы.

В связи с этим очевидно, что господствующая официальная оценка нынешнего мирового экономического кризиса как негативного явления, мягко говоря, не совсем корректна. Недоумение вызывает и стратегия борьбы с ним, направленная на стимулирование всех уровней потребления, проводимая правительствами большинства развитых стран в нынешних условиях. Речь идет о наращивании льготного кредитования государством частных банков, компаний и физических лиц, иных мерах, призванных способствовать активизации покупательской активности населения (например, государственные дотации покупателям новых автомобилей, снижение процентных ставок по кредитам для юридических и физических лиц и т. д.).

Официально принято считать, что современный экономический кризис начался с проблемы неплатежей по кредитам на рынке недвижимости США. Это явилось пуском для проявления целого комплекса проблем в мировой экономике, в конечном итоге приведших к снижению денеж-

ных доходов населения и соответственно уровня потребления и производства в целом в большинстве стран мира. Экономисты едины во мнении, что причиной кризиса стало искусственное стимулирование, гипертрофия спроса на недвижимость в США, так называемое надувание финансового пузыря на рынке ипотечного кредитования. Кредиты на приобретение недвижимости выдавались без реальной оценки возможности их возврата, заемщика соблазняли низкими процентами по кредитам, т. е. возможностью дешево улучшить жилищные условия [7]. Аналогично в психологическом (внутреннем) плане строилась стратегия и в отношении возможных инвесторов, которым предлагались высокие процентные ставки на капитал, вложенный в рынок недвижимости. Таким образом, стратегия, приведшая к экономическому кризису, и стратегия борьбы с ним имеют общую основу, а именно процесс стимулирования существующих и искусственное создание новых форм потребления людьми товаров и услуг. Причем данный процесс ориентирован не на естественные, жизненно необходимые нужды человека, а на потребности, удовлетворение которых приносит большую прибыль производителям товаров и услуг. Именно подобная стратегия, т. е. социально-экономическая политика постоянного стимулирования существующего потребительского спроса в глобальном масштабе, искусственное создание его новых форм, лежит в основе действующей модели мировой экономики, формируя мировоззрение современного человека и общества, детерминируя существующую систему общественных отношений.

Примерно с середины XX в. господствующей идеологией промышленно развитых стран мира стало обоснование постоянного наращивания материального потребления (активное формирование индустриального общества, общества потребления). И теперь экономика планеты не может существовать, развиваться без тотального роста потребления материальных благ в мировом масштабе, а следовательно, без экономических кризисов, которые рассматриваются в специальной литературе как нарушение равновесия между спросом и потреблением на товары и услуги [3]. Принципиаль-

ная схема такой социально-экономической модели элементарно проста: растущий потребительский спрос стимулирует рост производства, что в свою очередь ведет к росту прибыли во всех звеньях производства и распределения материальных благ. Нетрудно заметить, что в данной модели потребление осуществляется ради потребления, так как получение прибыли, ее рост как конечная цель капиталистического способа производства в конечном итоге является одной из организационных форм потребления индивидом материальных благ. На индивидуальном уровне тенденция роста потребления фиксируется в подсознании субъекта как важнейшая жизненная цель. Таким образом, в итоге создается идеальный механизм реализации внутренних эгоистичных подсознательных устремлений индивида. Это комплексный механизм, в котором задействованы социально-экономические, психологические, физиологические, государственно-правовые, идеологические и иные факторы (элементы). Особо следует отметить возросшую роль современных информационных средств и технологий, обеспечивающих широкие возможности управления, манипулирования общественным сознанием. В первую очередь речь идет о телевизионной и иных видах коммерческой рекламы, оказывающей наиболее агрессивное влияние на гипертрофию потребностей современного человека. Тесно связана с рекламой современная поп-культура (эстрада, литература, изобразительное искусство и т. д.), финансирование которой напрямую зависит от роста материального потребления. Данная субкультура является одним из видов предпринимательства (бизнеса), а значит, имеет основной целью получение прибыли, ее увеличение. Именно поэтому она не может не призывать к росту потребления, не способствовать этому процессу. В итоге на индивида уже с детства оказывается мощнейшее информационное, психоэмоциональное влияние, стратегическая цель которого – сформировать в человеческой личности устойчивую тенденцию роста потребления материальных благ, систему жизненных целей и ориентиров, доминирующих в поведении человека. На макроуровне падение уровня спроса на те или иные товары, услуги, уровня

цен на них расценивается современной глобальной политико-экономической системой как негативное явление, требующее соответствующей корректировки. В качестве мер по повышению потребительского спроса, уровня цен, завоеванию новых рынков сырья и сбыта, активизации экономики в современной международной практике используются все доступные меры, включая организацию локальных вооруженных конфликтов и войн (Ирак, Афганистан, Ближний Восток и т. д.).

Даже поверхностный анализ истории планеты и в особенности ее новейшей фазы свидетельствует, что господствующие в человеческом обществе мотивы и желания (человека, группы, общества, человечества в целом), а также реализующие их цели, планы и действия внутренне и внешне противоречивы и далеки от гармонии с природой, соответствия ее законам. Вот лишь некоторые общеизвестные глобальные процессы и последствия разрушительного воздействия человека на систему планеты: рост потребления ресурсов всех видов и их постепенное истощение; негативные изменения в экологии планеты; непрекращающиеся войны и вооруженные конфликты; гонка вооружений; рост особо опасных видов транснациональной преступности, включая терроризм, и т. д. Общим признаком этих, на первый взгляд, разнородных явлений и процессов является внутренний побудительный мотив деятельности людей. Это проявление существующего в подавляющем большинстве индивидов глубинного эгоизма, стремления обладать, доминировать не только в рамках общества себе подобных, но и глобально, в планетарном масштабе. Данная внутренняя тенденция порождает жадность, неумемное желание потребления (пользования), которое для субъекта подсознательно означает получение в собственность, возможность распоряжаться (расходовать, использовать) материальными объектами. На этом внутреннем эгоизме как мотиве строится подавляющее большинство современных технологий влияния на индивидуальное и общественное сознание, в том числе по стимулированию потребления, созданию его новых форм.

Потребителя постоянно соблазняют, искушают все новыми и новыми видами материальных благ, возможностью попробовать, почувствовать, овладеть ими и соответственно получить через это новые удовольствия, играют на чувстве жадности, страсти к обладанию, эгоизме. Наряду с соблазном для роста потребительской активности одновременно используется чувство (эмоция) страха, существующее внутри почти каждого человека. Страх усиливает соблазн (искушение), а соблазн – страх. Боязнь опоздать, упустить свой шанс, не успеть попробовать, не успеть насладиться, не стать успешным – вот один из внутренних мотивов, лежащих в основе стимулирования потребления и производства в современном мире.

Вопросы количественного и качественного улучшения личного уровня жизни для подавляющего большинства населения промышленно развитых и развивающихся стран мира жестко детерминированы ростом потребления материальных благ. Господствующий принцип современной жизнедеятельности человека – «Больше – значит лучше». Больше того, что доставляет удовольствие, повышает возможности потреблять, усиливает влияние индивида (группы, народа). Но правильно ли это? Количественный рост как ориентир современной модели жизнедеятельности человека, современного способа производства на самом деле является одной из глобальных проблем. Наглядно ее иллюстрирует доклад Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO), согласно которому если в ближайшем будущем все будут потреблять столько продуктов питания, как европейцы, то потребуется три планеты, чтобы прокормить всех землян. Так, в Баварии из-за чрезмерного потребления пищи, в том числе гиперкалорийной, служба скорой медицинской помощи была вынуждена закупать специальные кареты стоимостью 140 тыс. евро для «тяжелых» больных: носилки в обычных машинах под ними ломаются [2]. Любое потребление – это в конечном итоге расходование тех или иных ресурсов планеты. Важно осознать, что эти ресурсы конечны, включая так называемые возобновляемые источники энергии. Ведь даже Солнце и его энергия, лежащая в осно-

ве многих форм жизни на Земле, имеет свой временной и фактический ресурс. Однако история мировых экономических и иных кризисов, похоже, мало чему научила человечество. Экономическая рецессия в Европе после Первой и Второй мировых войн, сами войны, Великая депрессия в США, иные глобальные кризисные проявления качественно не изменили господствующие производственные отношения, способ производства и идеологию системы потребления. С распадом СССР и стран советского блока данная идеология стала господствующей в мире. Сейчас, как и ранее, большинство политиков, экономистов, социологов ведут речь о сохранении существующей мировоззренческой, экономической, социальной и иных моделей существования человечества с небольшими, большей частью декоративными новациями. О принципиальных изменениях в организации глобальной системы функционирования человека на Земле, в идеологии жизни, общественных отношениях за редким исключением речь пока не идет. Нежелание (или неумение) политических элит ведущих стран мира кардинально менять что-либо в глобальной системе «человечество – планета» наглядно иллюстрируют два факта. Первый – это практика реагирования на нарастающее изменение климата планеты, последствия которого трудно предсказуемы. Несмотря на наличие научных данных о повышении температуры воздуха на планете вследствие активной жизнедеятельности человека, таянии полярных льдов, тотальном загрязнении суши и мирового океана, правительство ведущей мировой державы – США (и некоторых иных стран) долгое время замалчивало очевидные факты об этом, отказывалось подписывать международно-правовые документы по данной проблеме. Думается, основным мотивом такой политики является защита интересов американских и транснациональных корпораций (капитала), не заинтересованного в дополнительных вложениях для повышения экологии производства, возможного его сокращения, а значит, уменьшения своих прибылей. Зато началась мировая кампания по делу арктического шельфа, богатого полезными ископаемыми. Уже сейчас эта проблема чревата серьезными конфлик-

тами между ведущими мировыми державами. Второй факт – реагирование на текущий мировой экономической кризис. Как уже отмечалось, основным способом действий властей разных стран по борьбе с кризисом является вливание в национальные экономики все новых и новых финансовых средств и иные методы стимулирования покупательского спроса населения, внутреннего и внешнего рынка в целом. Парадоксально, что этим правительства поддерживают и усиливают факторы, которые явились причинами нынешнего экономического кризиса, в первую очередь гипертрофированный потребительский спрос. Некоторые средства массовой информации весьма точно сравнили направление дополнительных денег в кризисную экономику (особенно в банковский сектор и сектор недвижимости) для поддержания потребительского спроса с тушением пожара бензином. Можно добавить, что потребительский спрос и меры по его стимулированию в развитых странах напоминают ситуацию с курицей-бройлером, которая от обилия пищи и недостатка движения уже сама не в силах держать голову. Для решения этой проблемы бройлеру надевают специальный корсет и увеличивают количество корма. Не уподобляется ли человечество в своем неумном желании потреблять куриной ферме? Однако вышеназванные и иные подобные глобальные стратегии не могут быть иными в принципе, так как они являются отражением господствующего на планете мировоззрения, общественного сознания, свидетельствующего о внутреннем состоянии современного человека, когда на первый план выдвигаются материальные потребности личности или группы.

И наконец, следует остановиться на идеологическом аспекте, объявленной большинством стран стратегии преодоления мирового экономического кризиса. Это идеология и стратегия борьбы. Так, в большинстве международно-правовых документов, затрагивающих проблемные вопросы жизнедеятельности человечества, речь идет о борьбе, например, с изменениями климата, борьбе с мировым экономическим кризисом, борьбе с бедностью, неграмотностью и т. д. [1; 5; 8]. Однако методология, мировоззрение борьбы, соперни-

чества, войны неприемлема в этих и подобных ситуациях. С позиций диалектики это нонсенс. Термин «борьба» в первую очередь выражает общественные отношения конфликта, противодействия, соперничества двух и более сторон. Где нет противоборства, соперничества, конфликта, речь следует вести не о борьбе, а о сотрудничестве, взаимодействии. Это общепринятое семантическое толкование. Тогда каким образом человечество может бороться с изменением климата на планете? Климат – это динамическая характеристика одного из состояний планеты. Человечество – один из элементов системы «Земля». В определенной мере климат характеризует человечество, его деятельность. Таким образом, одна из частей системы начинает противодействовать (конфликтовать, бороться) с целым, а значит, и сама с собой. Действия человека изменили климат (противоречие уже существует), а сейчас человек осознанно встал на путь борьбы с изменениями, т. е. с реально существующими условиями, преобразенными в прошлом в результате деятельности людей. Человечество является лишь одной из подсистем (элементов, частей) Земли и поэтому, борясь с любой другой частью планеты, в конечном итоге оно борется против себя, уничтожает себя.

Аналогичным образом следует рассматривать и ситуацию с нынешним мировым экономическим кризисом, борьба с которым есть не что иное, как борьба правительств (человечества) с самими собой, друг с другом, с планетой. Мировой экономический кризис – это характеристика (оценка) текущей ситуации жизнедеятельности человечества с позиций господствующего мировоззрения. Он выражается в снижении финансово-экономических и некоторых иных показателей общественного производства и потребления. Как можно бороться с ситуацией (ее частью), которую ты сам создал, в которую органически включен? Это равносильно борьбе правой руки с левой или иных частей тела друг с другом. Результат такого противостояния очевиден – общее истощение организма. Однако именно такой мировоззренческий подход лежит в основе большинства антикризисных мер и иных мировых стратегий. Вот примеры лишь некото-



рых глобальных программ борьбы: с бедностью, торговлей людьми, неграмотностью, болезнями, борьба за экологию, борьба за мир и т. д. Характерно, что борьба идет много лет, но победивших нет. Такое положение представляется абсолютно естественным, так как природа всегда стремится к равновесию. Сила, вложенная в борьбу, вызывает равнозначную ответную силу – именно на этом универсальном законе основан физический закон: угол падения равен углу отражения. Тиражирование мировоззрения и отношений борьбы на планетарном уровне неизбежно способствует поддержанию и усилению разнообразных конфликтов, включая войны, терроризм, преступность. Это наглядно видно на примере обстановки в Афганистане и Ираке, где активно применяется стратегия борьбы.

Таким образом, есть все основания для вывода о том, что нынешний мировой экономический, а по сути, всеобщий кризис – это естественный ответ системы планеты на нарастающую дисгармонию в результате действий одного из ее элементов (человечества). Это знак, сигнал, свидетельствующий о необходимости глобального изменения отношений как внутри человеческой системы (человека, общества), так и в целом.

Можно предположить два основных пути выхода из текущей глобальной проблемной ситуации. Первый, которым человечество движется сейчас, – оставить все как есть, ограничившись мерами в рамках старого мировоззрения, старой модели функционирования. В этом случае по универсальным законам развития стратегически ситуация будет все более и более усугубляться (хотя не исключены временные передышки), т. е. условия для жизнедеятельности человека на Земле будут становиться все тяжелее и тяжелее, с возможными глобальными катаклизмами. Природные аномалии и техногенные катастрофы, войны и эпидемии неизвестных болезней, все чаще и чаще случающиеся в разных регионах мира, следует воспринимать не с позиции божьей кары, а как результат стремления саморегулирующейся системы – планеты – к восстановлению равновесия, баланса. Второй путь человечества – сознательное с использова-

нием силы воли индивидов, государственно-правовых и иных механизмов кардинальное изменение существующей модели жизнедеятельности. Весьма важно, чтобы эти изменения затрагивали внутреннее состояние человека, т. е. духовные, мировоззренческие, морально-этические основы личности. Внутреннее изменение человеческих существ неизбежно будет обуславливать изменение их действий, локальных и глобальных стратегий. Внутренние изменения связаны с поиском, принятием, осознанием новых, не детерминированных ростом потребления материальных ресурсов мировоззренческих ориентиров человеческой жизни, например: общей стратегической цели существования человеческих существ, единства и взаимозависимости всех людей друг от друга и планеты в целом, баланса духовных и материальных сторон жизни и т. д. Думается, что именно этот путь позволит постепенно преодолеть как экономическую, так и иные составляющие глобальной кризисной ситуации. Это путь внутренней трансформации человека, изменения его отношения к самому себе, человеческим существам, планете.

Время, прошедшее с момента первой публикации данного материала по настоящий момент, показало, полную состоятельность сделанных выводов и прогнозов. Человечество в лице мировых держав, их лидеров, олигархической верхушки выбрало первый путь – так называемого преодоления глобального кризиса в рамках старого мировоззрения, старой модели функционирования общества, экономики, государства и права. Как следствие этой губительной политики, кризис усугубляется, он приобрел всеобщий, можно сказать, цивилизационный характер. До крайности обострились этнические, религиозные, классовые, экономические, деологические и иные противоречия как внутри стран, так и на межгосударственном уровне по всему миру. Новая холодная война между Востоком и Западом стала реальностью в Европе. Эти и иные факторы особо подчеркивают необходимость изменения господствующего мировоззрения в государственно-правовой сфере (и не только) и соответственно методологии юридической науки.

## Список использованных источников

1. Борьба с бедностью – главный вопрос на начавшейся сессии Комиссии социального развития [Электронный ресурс] // Радио ООН. – Режим доступа: <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/detail/54459.html>. – Дата доступа: 28.08.2009.
2. Европа слишком много ест: «Одной Земли уже недостаточно» [Электронный ресурс] // La Repubblica: InoPressa. – Режим доступа: <http://inopressa.ru/article/27Aug2009/repubblica/food.html>. – Дата доступа: 27.08.2009.
3. История мировых экономических кризисов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://select.by/content/view/1351>. – Дата доступа: 25.02.2009.
4. Более подробно см.: Князев, С. Н. Основы концепции национальной безопасности / С. Н. Князев. – Минск : Академия управления при Президенте Респ. Беларусь, 2004. – 60 с.
5. Программа по борьбе с бедностью [Электронный ресурс] // The World Bank. – Режим доступа: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/<...>:461246,00.html>. – Дата доступа: 28.08.2009.
6. Теппервайн, К. Как противостоять превратностям судьбы / К. Теппервайн. – СПб. : Питер, 1997.
7. Хазин, М. Экономический прогноз на 2009 год [Электронный ресурс] / М. Хазин. – Режим доступа: [http://worldcrisis.ru/crisis/570761?PARENT\\_RUBR=wc\\_sience](http://worldcrisis.ru/crisis/570761?PARENT_RUBR=wc_sience). – Дата доступа: 27.08.2009.
8. Europe's '2020 vision' to lead climate change battle [Electronic resources] // NewScientist Environment – Access mode: <http://www.newscientist.com/article/dn11343>. – Date of access: 28.08.2009.
9. The Guardian назвала виновников мирового экономического кризиса [Электронный ресурс] // Белорусский информационный портал. – Режим доступа: <http://www.delobelarus.com/2009/01/27/3424.html>. – Дата доступа: 27.09.2009.

*Впервые материал опубликован:* Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2009. – № 2. – С. 175–180.

## ПРОБЛЕМА НОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И СУЩНОСТЬ ПРАВА

Продолжая серию статей, посвященных разработке новой методологии белорусской юридической науки, пришло время затронуть категорию права, являющуюся основополагающей для любой юридической дисциплины. Учитывая сложность данной категории, в настоящей статье будут обозначены лишь главные, методологически значимые идеи, связанные с сущностью, назначением и социальной ценностью права. Центральной отправной точкой данных идей является человек во всем многообразии своего существования в природе и обществе.

Одним из фундаментальных положений современной науки теории государства и права, как, впрочем, и всей юриспруденции, являются категории, раскрывающие сущность, назначение и социальную ценность права. Согласно одной из точек зрения сущность права заключается в регулировании общественных отношений, этим же обстоятельством определяется его социальная ценность, объективная потребность в существовании [5, с. 226]. Следует отметить, что в литературе высказывается и иная точка зрения, согласно которой сущность, назначение и социальная ценность права не совпадают. В этом случае сущность права исследователи видят в его классовый направленности, т. е. чьи интересы оно выражает, орудием господства какого класса является [3, с. 256].

В подавляющем большинстве научных публикаций по исследуемой проблематике регулирование общественных отношений рассматривается в качестве главной детерминанты существования феномена права. Без преувеличения можно сказать, что соответствующие положения о регулятивной функции права (регулировании правом общественных отношений) являются краеугольным камнем национальной школы теории государства и права, унаследованным от советской правовой науки. Отличительная особенность сегодняшнего подхода ученых к рассмотрению сущности

права по сравнению с недавним прошлым состоит в том, что в теории отсутствует явно выраженный классовый акцент при исследовании его природы, являвшийся неотъемлемым атрибутом советской школы юриспруденции. Так, в советское время за аксиому принималось утверждение, что в обществе с антагонистическими классами право по своей сути представляет собой возведенную в закон волю господствующего класса, средство классового, политического господства. В социалистическом обществе, после уничтожения эксплуататорских классов и победы социализма, право перестало быть орудием классового господства. Но и здесь оно сохранило функции классового регулятора общественных отношений. Классовость права проявляется не только в обеспечении классового господства, но и в том, что оно вместе с государством выступает в качестве инструмента общесоциального регулирования. В настоящее время большинство авторов дистанцируются от классовой сущности права, видя его главную отличительную черту (сущность) в социальном назначении (регулирование общественных отношений) [5, с. 226] либо анализируя сущность права с позиций социального компромисса [2, с. 169].

Позиция ученых, видящих сущность права в его классовости (волю какого класса оно выражает), не выдерживает научного анализа как минимум по трем причинам. Во-первых, она явно идеологизирована под политические интересы отдельной правящей социальной группы (верхушки большевиков). А. Ф. Вишневский, исследуя особенности политико-правового режима советского государства, приходит к обоснованному выводу, что классовая сущность права, со всеми вытекающими из этого последствиями, является идеологической конструкцией, созданной в 1930-х гг., в том числе для оправдания массовых репрессий населения СССР. У истоков данного подхода к правопониманию стоял небезызвестный прокурор СССР А. Я. Вышинский [1, с. 136–163].

Во-вторых, правовой диктат одной социальной группы над другими нарушает социальное равновесие, рано или поздно дестабилизирует общество и поэтому является ано-

мальным временным явлением, характерным для недемократических политико-правовых режимов.

В-третьих, данная концепция правопонимания базируется на терминах методологически неисследованных, четко не определенных в юриспруденции. Речь идет о таких категориях, как «воля», «классовая воля» и т. д.

Несмотря на отсутствие указания на классовый характер права, позиция ученых, видящих сущность права, его социальное назначение и ценность в регулировании общественных отношений, мало что дает для развития методологии современной юридической науки. Эта позиция, как и предыдущая, базируется на методологических положениях советской школы юриспруденции. Однако, как на это неоднократно указывалось ранее, сохранение старой методологии в принципиально изменившихся условиях жизни XXI в. препятствует развитию науки, снижает ее роль и ценность в жизни общества, поэтому, полагаем, пришло время усомниться в безусловной истинности господствующих в теории точек зрения на сущность права как фундаментальной категории юриспруденции и провести творческий анализ этого вопроса.

Фундаментальный тезис юриспруденции о том, что главная сущностная характеристика права, а также его основное социальное предназначение и ценность состоят в регулировании общественных отношений, не соответствует в полной мере реальной действительности. Условно говоря, подобное видение сущности права можно сравнить с утверждением, что ветер дует для того, чтобы деревья качались. По сути, это аналогичные методологические подходы. Да, деревья качаются, реагируя на порывы ветра, его энергию, но значит ли это, что раскачивание деревьев является главной целью, сущностью ветра? Ответ отрицательный.

Традиционно право понимается как система общеобязательных, установленных или санкционированных государством норм (правил) поведения членов общества (людей). Соответственно норма права определяется как установленное и обеспечиваемое государством общеобязательное пра-

вило поведения, предназначенное для регулирования отношений в обществе [1, с. 239]. Анализ указанных положений свидетельствует, что главным содержательным элементом (первоосновой) понятия права является понятие «правило поведения». Обратимся к краткому семантическому анализу этого термина с целью выявления комплекса его взаимосвязей с иными категориями юриспруденции и иных наук. Правило поведения – это предписание об образе действия (бездействия) в той или иной ситуации. Оно может быть разной степени конкретизации, но общее, что объединяет различные, не только правовые, правила поведения (нормы) с позиций человека, состоит в том, что они дают поведенческий ориентир в жизнедеятельности, который в случае права поддерживается принудительной силой государства как верховной организацией управления обществом. Руководствуясь здравым смыслом, следует констатировать, что в основе типового отношения «человек – государство» в связи с правовым регулированием поведения людей лежит простой принцип: законопослушное поведение – залог прогрессивного развития человека и бесконфликтных отношений с государством. В этом суть социальной ценности права в правильно организованном, прогрессирующем обществе. Иначе говоря, право имеет стратегическую ценность для членов общества, если: 1) следование закону способствует максимально полному раскрытию жизненного потенциала людей, удовлетворению их чаяний и нужд; 2) законопослушное поведение является реальной гарантией соблюдения и реализации прав и свобод человека. Отсюда следует, что социальная ценность права (его важность, значимость для человека и общества) определяется не его способностью регулировать общественные отношения, а соответствием правовых норм (включая их реализацию) стратегическим целям развития человека и общества.

Регулирует ли право общественные отношения? Да, регулирует. Но это одна из задач, одна из функций права, но не его стратегическая цель и главная сущностная характеристика. И вот почему.

Не вызывает сомнений, что право как совокупность правил поведения рассчитано на людей и функционирует только через них. Иными словами, между правом и общественными отношениями, которые оно регулирует, всегда присутствует один обязательный элемент – человек. Именно посредством человека происходит процесс регулирования правом общественных отношений, как, впрочем, и процесс правотворчества, реализации правовых норм и т. д. Более того, само по себе существование общественных отношений в принципе невозможно в отсутствие людей, общества. Таким образом, именно человек является центральным элементом, приводным звеном, двигателем механизма существования и правового регулирования общественных отношений. Однако как в советском прошлом, так и в настоящее время это принципиальное методологическое положение выпадает из поля зрения ученых и практиков применительно к сущности права, его назначению, функциям и т. д. Возможно, кто-то из исследователей полагает, что вышесказанное является само собой разумеющимся, но это ничуть не меняет сложившегося положения определенного игнорирования места и роли человека в правовой действительности. Акцент в научной и учебной литературе делается на отдельных характеристиках человека, например: правосознание, правовая культура, правосубъектность, дееспособность, правоспособность, криминогенность и т. д. Другими словами, используются отдельные фрагменты, за которыми не видят целого. Как уже указывалось ранее, человек как явление, феномен выпал из поля зрения исследователей в области юриспруденции. Ученые и практики пишут и говорят о субъектах права, правонарушителях, сторонах правоотношений, криминогенных элементах, обвиняемых, истцах, ответчиках, используют иные термины, но не говорят, не пишут о людях.

Первый и наиболее важный момент заключается в том, что право как система общеобязательных правил поведения рассчитано на человека, предназначено для него и имеет своей целью внедрение нормативно-правовых предписаний в его жизнедеятельность. Иначе государство просто не



в состоянии обеспечить управление обществом, наладить его нормальное функционирование, избежать хаоса и социальных потрясений. Таким образом, главное социальное назначение права в государстве любого типа – регулирование поведения человека, а через него и всего общества. Понимая категорию сущности в качестве идейного смысла явления, следует констатировать, что именно регулирование поведения человека, а не общественных отношений составляет сущность права, как, впрочем, и иных социальных норм.

Неправильно будет говорить о том, что тезис о регулировании правом поведения людей является чем-то принципиально новым в юриспруденции. Об этом писали и ранее, но в ином ключе, ином методологическом значении. Например, Ю. В. Кудрявцев применительно к проблеме управления социалистическим обществом писал, что нормы права регулируют общественные отношения, т. е. в конечном счете поведение каждого конкретного человека независимо от его социальной роли [4, с. 12]. Вроде бы все то же, но методологический акцент в этом высказывании сделан на регулировании правом общественных отношений, т. е. вначале государство посредством права регулирует общественные отношения, а через них влияет на поведение людей. Таким образом, регулирование поведения людей здесь опосредовано регулированием общественных отношений. Тогда как в контексте разрабатываемой нами новой гуманистической методологии следует писать о том, что право регулирует поведение каждого конкретного человека, а через него и общественные отношения, складывающиеся в ходе жизнедеятельности людей. Если в первом случае фокус внимания исследователей сосредоточен на общественных отношениях и роли права в их регулировании, то во втором – на человеке и роли права в регулировании его поведения. Разница существенна.

Категория «общественное отношение» представляет собой в определенной мере абстрактную теоретическую конструкцию, в то время как фактические обстоятельства отражают в большей степени реальную действительность.

В качестве общественных отношений мы можем охарактеризовать любые социальные взаимосвязи между людьми, между людьми и социальными группами, между людьми и абстрактными субъектами (государство, юридическое лицо и т. д.), а также между абстрактными субъектами. Общественные отношения, урегулированные правовыми нормами, представляют собой правоотношения. Общественное отношение типа «человек – человек» является реальным, т. е. фактически существующим. Например, фактические отношения, называемые куплей-продажей, меной, дарением, между людьми в том или ином виде будут существовать вне зависимости от наличия или отсутствия соответствующих правовых норм, что обусловлено объективной необходимостью движения материальных объектов в жизнедеятельности. В этом плане общественное отношение типа «человек – юридическое лицо» является условно реальным, так как один из его участников представляет собой правовую абстракцию, виртуальную категорию. Общественное отношение типа «юридическое лицо – юридическое лицо» абстрактно по своей природе в силу виртуального характера всех его участников. Если в первом случае реально существующие отношения между людьми, а значит, и соответствующие варианты их поведения изменяются, дополняются, запрещаются с помощью правовых норм, то во втором право создает новые модели поведения людей, которые изначально целиком определяются и зависят от него. Иначе говоря, правовые нормы в этом случае могут приниматься в отсутствие реальных общественных отношений. Например, правовые нормы о создании товарно-сырьевой биржи, электронных торгов, которые предшествуют возникновению соответствующих общественных отношений. Пока юридически не создана сама биржа, не определен порядок регистрации ее участников, порядок проведения торгов, соответствующих общественных отношений в принципе не существует. Как в этом случае понимать тезис о регулировании правом общественных отношений, если таковых еще нет, они только предполагаются?

Для чего, с какой конечной целью право регулирует существующие и инициирует создание новых общественных отношений? Ответ очевиден: чтобы посредством принимаемых правовых норм соответствующим образом организовать общество, повлиять на поведение людей. Правовые нормы – программы действий, матрицы, поведенческие ориентиры – внедряются в сознание и подсознание людей различными средствами и методами. Будучи неоднократно использованными конкретным человеком, соответствующие правовые нормы становятся устойчивыми поведенческими стереотипами либо иным образом влияют на его поведение. Это зависит от вида нормы. Например, нормы права о порядке обжалования неправомерных действий должностных лиц и аналогичные им представляют собой полноценные программы действий человека в соответствующих жизненных ситуациях.

В отличие от них нормы-принципы являются своего рода общими универсальными критериями оценки поведения людей с позиций действующего права, нормы-запреты устанавливают границы дозволенного поведения и т. д. Но в любом случае именно человек, управление его жизнедеятельностью являются стратегической целью правового воздействия, основной причиной существования права, главной сущностной характеристикой. Поведение человека, в свою очередь, составляет реальную базу, энергию, лежащую в основе всех видов общественных отношений и их форм. Таким образом, налицо еще одно подтверждение вывода о том, что регулирование общественных отношений является одной из подцелей права, но не его главной целью.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что вопрос о сущности права по своему масштабу выходит далеко за рамки одной научной статьи и требует проведения серии комплексных монографических исследований. Однако плодотворное проведение таких исследований, затрагивающих фундаментальные основы юриспруденции, возможно лишь на базе новых идей мировоззренческого порядка, которые можно получить путем смещения фокуса внимания исследователей с формально-юридических конструкций на чело-

века как биосоциальное существо, представляющее собой единство души и тела.

### **Список использованных источников**

1. Вішнеўскі, А. Ф. Асаблівасці палітыка-прававога рэжыму савецкай дзяржавы і яго вытокі (1917–1953 гг.) / А. Ф. Вішнеўскі. – Мінск, 2006.
2. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский. – Минск, 2006.
3. Комаров, С. А. Теория государства и права : учебник / С. А. Комаров, А. В. Малько. – М., 2001.
4. Кудрявцев, Ю. В. Нормы права как социальная информация / Ю. В. Кудрявцев. – М., 1981.
5. Лазарев, В. В. Теория государства и права / В. В. Лазарев, С. В. Липень, А. Х. Саидов. – Ташкент, 2007.

*Впервые материал опубликован: Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2013. – № 1. – С. 149–152.*

## О КЛАССОВОЙ СУЩНОСТИ ПРАВА

Как уже говорилось в предыдущем очерке, посвященном сущности права, в теории государства и права принято выделять несколько подходов к данной проблеме. В качестве одного из них выступает так называемый классовый подход. Сущность права здесь трактуется исходя из того, интересы какого класса (иной социальной группы) оно выражает. Данный подход диаметрально противоположен утверждениям об общесоциальной ценности права, отражении им воли и интересов всех слоев населения. В силу живучести данной точки зрения, что обусловлено недавним историческим прошлым, следует остановиться на ее анализе дополнительно.

Классовый подход берет начало в эпоху становления капиталистического способа производства в странах Западной Европы, утверждения новых социально-экономических отношений. Апогея своего развития эта концепция сущности права достигла в марксистско-ленинской философии, идеологии коммунизма и соответственно в общественных науках советского времени. Так, согласно классическому определению, данному К. Марксом и Ф. Энгельсом более двух столетий тому назад (1848 г.) в Манифесте коммунистической партии, право – это возведенная в закон воля экономически господствующего класса (на тот момент буржуазии) [1]. Замечу, что вопрос о социальной сущности права органически связан с вопросом о социальной сущности государства – классовое или общенародное. В силу своего марксистского происхождения тезис о классовой сущности права изначально являлся одним из краеугольных положений советской юриспруденции. В его основе находились соответствующие положения марксистско-ленинской философии о классах, классовой борьбе, делении общества на эксплуататоров и трудящихся и т. п.

С каких бы позиций мы ни рассматривали, ни характеризовали явление права (нормативистских, естественно-правовых, теологических, социологических и т. д.), во всех из них имеется одна общая для всех подходов характеристика,

а именно право в обществе зафиксировано в двух основных формах:

- 1) ментальной – в качестве сложного конгломерата идей, принципов, взглядов, оценок в умах людей (сейчас в теории это обозначается как правосознание);
- 2) законодательной – в качестве строго не определенного количества нормативных правовых актов, изданных различными государственными органами в разное время.

Признавая существование этих двух форм существования права, можно сделать на первый взгляд очень простой, но весьма важный вывод: говорить о возможной классовой сущности права справедливо лишь по отношению ко второй из указанных форм его фиксации (существования) в обществе – законодательной. Действительно, представители того или иного класса, иной социальной группы, в особенности имеющие большинство в органах законодательной и (или) исполнительной власти, имеют ограниченные или неограниченные возможности фиксировать и реализовывать в нормативном порядке свои интересы, потребности, желания и т. п. В этом смысле право (законодательство) всегда в большей или меньшей степени классово (социально обусловлено) в плане приоритетного выражения интересов (желаний, потребностей) тех или иных микро- или макросоциальных групп в условиях конкретного государства и временного периода.

Что касается ментальной формы существования права, то здесь все не так однозначно. Первый и важный момент заключается в том, что представления человека о праве, его идеалах, принципах, нормах и тому подобном в основной своей части зафиксированы в информационном поле души и расположены в сфере подсознания индивида. Это информация о совокупном жизненном опыте души, относящаяся к различного рода ситуациям, в которых было задействовано право. Данный опыт, наряду с другими впечатлениями, зафиксированными в информационном поле души, обуславливает нынешнюю жизнь человека, в том числе видение им права, правовой реальности (см. с. 51–68 настоящего издания). Воспитание, образование, профессиональная деятель-

ность, иные способы социализации человека оказывают непосредственное влияние на его ментальную сферу, в том числе на ту ее часть, которую в теории юриспруденции принято называть правосознанием. Однако, как уже говорилось в других очерках, никакие усилия общества по воспитанию человека автоматически не гарантируют его позитивного отношения к законодательству. В особенности в случае несоответствия последнего его жизненным приоритетам и целям, а также в силу ряда иных причин. Таким образом, ментальная форма фиксации права (правосознание) на нынешнем уровне развития технологий пока недоступна прямому директивному государственно-правовому воздействию, в том числе в интересах какой-либо социальной группы. Такое положение обусловлено природой человека, закономерностями функционирования структур его души и тела.

Вторым не менее важным моментом, который следует иметь в виду при анализе классовой сущности права, является всеобщий, универсальный характер человеческих нужд и потребностей. Несмотря на, казалось бы, значительные внешние различия между людьми, представляющими различные слои (группы) общества, обусловленные уровнем воспитания, образования, культуры, религии, их базовые потребности в принципе идентичны, варьируются, скорее, в деталях, чем сущностно. Например, известный американский психолог А. Маслоу, разработавший семиуровневую модель (иерархию) потребностей человека, утверждал, что потребности и желания у людей возникают не хаотично, а следуют по нарастающей – от низших к высшим [2]. Можно по-разному относиться к пирамиде потребностей Маслоу, к аргументам ее автора, которые видятся мне чересчур материальными, лишенными духовного содержания, этот вопрос выходит за рамки предмета данной статьи. Нас здесь интересует то, что базовые потребности, интересы людей, которые влияют на их поведение в целом и соответственно на отношение к праву, понимание права, правосознание, имеют надклассовый характер, они универсальны для всех. Их конкретная реализация, безусловно, зависит от социального, материального, образовательного уровня че-

ловека. Самовыражение миллионера или самовыражение рабочего могут отличаться внешне колоссально, например, сумма, потраченная на свадебный подарок невесте может разниться в миллионы раз. Но это только форма: и в том и в другом случае это реализация потребности в самовыражении, самоутверждении человека. Базовые потребности (нужды), без которых существование человека невозможно или крайне затруднительно, в принципе, универсальны для всех людей. В первую очередь это воздух, потом – вода, пища, одежда (в соответствии с климатом страны), жилье, секс как способ продолжения рода. Формы их реализации могут быть весьма разнообразны, но суть одна.

Таким образом, методологически, стратегически классовый подход к праву лишен смысла потому, что сущностно нужды и потребности людей одинаковы. Они не определяются принадлежностью человека к той или иной социальной группе. Объем пищи, которую может съесть человек, не зависит от величины его кошелька, а определяется состоянием его организма, тела. Разница в стоимости между потребляемыми, например, миллионером и рабочим предметами одежды также не свидетельствует о принципиальной разнице в потребностях индивидов. Стоимость потребления – это индикатор амбиций личности, ее эгоистических устремлений, находящихся в рамках одной или нескольких потребностей. Как об этом уже говорилось в других очерках, в отличие от нужд (базовых потребностей) потребности человека в современном мире имеют устойчивую тенденцию к росту. Они умышленно раздуваются, гипертрофируются как количественно, так и качественно. В этом состоит основа нынешней модели человеческой цивилизации, которая все больше и больше девальвирует себя.

Третье. Люди, находящиеся у власти, за редким исключением, стремятся удержать ее, в крайнем случае – обеспечить ее преемственность. Их деятельность во многом подчинена этой цели. Для этого правящая группа активно использует различные средства и методы, в том числе законодательство (право). С этих позиций (целеполагание) правящая группа ориентирована в первую очередь на свои собственные интересы. Интересы каких-либо иных социальных



групп принимаются во внимание ровно настолько, насколько это необходимо для удержания власти.

Четвертое. Явное лоббирование интересов какого-либо класса (иной социальной группы) в праве, конечно, возможно, но только на короткий исторический отрезок времени. В противном случае такое положение неизбежно приведет к усилению естественных и появлению новых противоречий между различными социальными группами в обществе, что в конечном счете сделает такое государство легко уязвимым влиянию неблагоприятных внешних и внутренних факторов. История советского государства наглядно демонстрирует справедливость сказанного. Большевики не смогли долго выдерживать строго классовый подход в государственно-правовом строительстве. На финальном этапе существования в СССР было провозглашено общенародное государство и соответственно право. Классовая сущность социалистического права оставался лишь в качестве догматического принципа и не более того.

\*\*\*

В заключение следует отметить, что классовый подход к пониманию сущности права является крайне деструктивным в социальном плане. Любое деление людей по расовым, религиозным, экономическим, политическим и иным критериям в праве, выделение лучших и худших социальных групп, эгоистическое лоббирование интересов конкретных социальных групп в законодательстве неизбежно ведет к подрыву социальной стабильности, правовому нигилизму, разнообразным формам отклоняющегося поведения членов общества. Стратегическая задача государства и права – обеспечить единство общества, общее понимание людьми совместных целей, равноправие всех перед законом.

### **Список использованных источников**

1. Маркс, К., Энгельс, Ф. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Вагриус, 1999.
2. Maslow, A. H. Motivation and Personality / A. H. Maslow. – NY : Harper & Row, 1954.

*Публикуется впервые.*

## МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛЯТИВНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА

В качестве научной гипотезы, имеющей все основания для подтверждения, можно предположить, что с момента появления первых человеческих существ на планете Земля, «человека разумного» и до настоящего времени перед человечеством стоит одна и та же глобальная задача – обеспечить гармоничное сосуществование людей и их общностей друг с другом. Говоря современным юридическим языком, это задача регулирования общественных отношений, приведение их в состояние максимальной гармонии. С позиций гуманистической методологии во всей совокупности общественных отношений в зависимости от субъектного состава можно выделить три основные группы: человек – человек, человек – общность, общность – общность. Термин «общность» применительно к данной статье означает совокупность человеческих существ (людей), выделенных по тому или иному присущему им общему признаку. Это может быть микро- или макросоциальная группа либо общество в целом применительно к конкретному государству. Именно человек и социальные общности являются базовыми, корневыми элементами во всех типах общественных отношений, мониторинг и регулирование поведения которых обеспечивает стабильность и безопасность всего общества и соответственно государства. Справедливость сказанного очевидна и не нуждается в долгой и пространной аргументации. Если мы проанализируем обстановку на данный момент в конфликтных регионах отдельных стран, частей света или планеты в целом, то нетрудно будет обнаружить, что причина этих конфликтов заключается в противоречиях между конкретными людьми, а также микро- или макрогруппами, к которым они принадлежат. Например, текущее конфликтное состояние между мусульманскими странами и Израилем на Ближнем Востоке, протестантами и католиками – в Великобритании, россиянами и украинцами и т. д. Периоды относительного затишья на планете сменяются перио-

дами многочисленных локальных либо масштабных вооруженных конфликтов, включая две мировые войны в новейшей истории.

Таким образом, даже поверхностный анализ существующего состояния и тенденций развития человечества, господствующей модели цивилизации, геополитической обстановки на планете свидетельствует о принципиальной нерешенности задачи гармоничного сосуществования различных государств, а значит, сообществ людей друг с другом. Одной из значимых причин такого положения является неэффективность государственно-правового регулирования поведения человека и общества. Более того, можно с уверенностью констатировать, что с развитием техники и технологий на планете актуальность проблемы гармоничного сосуществования людей друг с другом, а также разумного индивидуального поведения человека растет в геометрической прогрессии. Данная проблема сейчас гораздо актуальнее, чем несколько веков тому назад. Это обусловлено тем, что с каждым годом человек получает доступ ко все более разрушительным для планеты технологиям, мир становится все опасней для него самого.

Как об этом говорилось в предыдущих очерках, сущностью права и его главной целью с позиций гуманистической методологии является регулирование поведения человека, а не общественных отношений, как об этом говорит юридическая наука сейчас. Общественные отношения вторичны, производны от деятельности людей. В связи с этим можно констатировать, что основной функцией права является регулятивная по признакам ее сущностной природы, а также равнозначности для теории и практики юриспруденции. Традиционное выделение в научной литературе иных функций права (например, охранительная, воспитательная, идеологическая и др.), во-первых, носит в большей степени теоретический характер, а во-вторых, производно от регулятивной. Иными словами, речь идет о классификации, детализации регулятивной функции права по различным основаниям. Например, нормы уголовного права принято относить к категории охранительных по признаку выпол-

няемой ими функции. Однако является ли такая охрана их конечной целью? Конечно, нет. Если отойти от сложившихся в теории юриспруденции стереотипов, мы увидим, что уголовно-правовая охрана сводится к установлению наказания за совершение людьми строго определенных в уголовном законе деяний. Это наказание призвано сдерживать людей от совершения подобных деяний, что является способом регулирования их поведения. В пользу сказанного свидетельствует также смысловое значение термина «функция права». Он выражает в первую очередь практическую, динамическую характеристики. Посредством этого термина наука должна прийти к пониманию, как право регулирует поведение человека, с помощью каких средств и методов, каким путем. В связи с этим следует отметить, что конкретное содержание регулятивной функции права целесообразно рассматривать с использованием такой комплексной категории, как механизм правового регулирования, имея в виду регулирование поведения человека и групп людей. В настоящее время этот термин в юриспруденции выглядит несколько аморфным, его содержание носит в целом абстрактный характер. Например, «механизм правового регулирования – это система юридических средств, организованных наиболее последовательным образом в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права» [1]. И далее: целью механизма правового регулирования является обеспечение беспрепятственного движения интересов субъектов к ценностям (содержательный признак). Формальный признак составляют сами юридические средства [1]. Примерно в этом же ключе начиная с 1960–1970 гг. трактуется данный термин в иных источниках. Согласно господствующей в юриспруденции позиции это понятие позволяет собрать и систематизировать юридические средства правового воздействия на общественные отношения, определить место и роль того или иного юридического средства в правовой жизни общества. В качестве элементов механизма правового регулирования называются юридические нормы, нормативные правовые акты, акты официального толкования, юридические фак-

ты, правоотношения, акты реализации права, правоприменительные акты, правосознание, режим законности [2].

Нетрудно заметить, что в современной теории государства и права необходимость в этом понятии, его содержание обусловлены целью регулирования общественных отношений, в которой теория видит сущностную характеристику права. С позиций гуманистической методологии это понятие должно раскрывать не только и не столько взаимодействие юридических средств и их воздействие на общественные отношения (хотя и это необходимо), а в первую очередь принципиальную схему регулирования посредством права поведения человека и его общностей. Таким образом, в рамках понятия «механизм правового регулирования» следует исследовать два больших блока вопросов. Во-первых, собственно механизм воздействия права на человека, его поведение. Речь идет о внутренних элементах взаимодействия человека и права. Во-вторых, как организовать процесс использования права и как управлять им в регулятивных целях. Это, образно говоря, внешняя по отношению к человеку часть механизма правового регулирования. Именно на этом аспекте сосредоточены усилия ученых-юристов в настоящее время. В рамках данного очерка мы сосредоточимся на рассмотрении первого из указанных блоков вопросов – внутреннем механизме правового регулирования поведения человека.

Известно, что с этой же целью (регулирование поведения человека) наряду с правом применялись и применяются различные иные средства, методы, институты. К ним относятся: обычаи, мораль (нравственность), религия, воспитание, образование, культура, наука, мода и т. д. Общее, что объединяет эти и другие, казалось бы, разнородные по своей сути явления, – наличие общего принципиального механизма их воздействия на человека, его поведение. Есть, разумеется, и свои особенности. Так, если право по своей сути имеет возможность директивно, властно регулировать поведение людей, то наука, искусство, например, делают это опосредованно, «мягко». Это происходит путем постепенного формирования общественного мнения в сторону соответствующей модели поведения членов общества. На-

пример, актуальный в настоящее время вопрос о пользе или, наоборот, вреде генномодифицированных продуктов питания. Обнародование категоричных научных данных о вреде таких продуктов для организма человека, их опасности для здоровья однозначно повлияет на уменьшение спроса со стороны населения на продукты, содержащие ГМО, и соответственно уменьшит их потребление и производство.

Комплексный анализ научной литературы, включенное наблюдение в регулятивные ситуации различных типов, интроспекция и иные методы познания позволяют констатировать, что регулятивная функция права использует общий с другими социальными регуляторами внутренний механизм регулирования поведения человека. В основе этого механизма лежат два универсальных инструмента, энергии, представляющие собой человеческие чувства (эмоции, энергии) – страх и искушение. Образно говоря, это «кнут и пряник» для управления человеком. Именно активация или, наоборот, торможение этих эмоций (энергий) в человеке составляет основу внутреннего механизма регулирования его поведения, а также регулирования поведенческих процессов в обществе как правовыми, так и иными средствами и методами. Например, регулятивный механизм охранительных уголовно-правовых норм в целом базируется на страхе человека перед вероятностью (неизбежностью) наказания за нарушение соответствующего правового запрета. С большой степенью вероятности можно предположить, что при отсутствии наказания и соответственно страха перед ним сдерживание людей от совершения преступных деяний видится весьма проблематичным. В свою очередь, нормы предпринимательского права достаточно широко используют энергию искушения. Как правило, речь идет о специальных, закрепленных в законодательстве мерах-стимулах повышения прибыльности предпринимательства. Человека соблазняют высокой доходностью, простотой ведения бизнеса в конкретном месте или сегменте рынка. Именно таким путем создаются свободные экономические зоны, индустриальные парки, развиваются те или иные отрасли бизнеса (например, агроэкотуризм в Беларуси).

В принципе, все виды правовых и иных норм, регулирующих поведение людей, используют две вышеуказанные основные человеческие эмоции. Внешняя часть механизма правового регулирования здесь предельно проста. Схематично в динамике ее можно выразить в виде следующих этапов. Первое – определение желаемой модели поведения той или иной социальной группы, общества в целом, тех или иных тенденций поведения людей. Это может быть корректировка существующего или внедрение принципиально нового поведенческого образа, например однополые браки, тиражируемые в настоящее время во многих странах западной Европы. Второе – определение отраслей права (законодательства), вовлеченных в регулятивную функцию поведенческого сегмента общества, нуждающегося в корректировке на данный момент времени, уточнение их достаточности для решения поставленной задачи, дополнение иными отраслями в случае необходимости. Третье – определение регулятивной стратегии, а именно: характер государственной воли (шоковое или плавное воздействие); временной фактор (внезапно или заблаговременно); предполагаемое соотношение (баланс) принуждения и убеждения при правовом или ином воздействии на общество, система правовых и иных средств; материальные ресурсы и иные обеспечивающие меры. Четвертое – подготовка системы управления. Пятое – выработка процедуры принятия требуемых норм. Шестое – исполнение принятой стратегии. Приблизительно в таком контексте рассматривается механизм правового регулирования в юридической науке в настоящее время.

Однако, как уже говорилось выше, это только одна его часть, внешняя по отношению к человеку. Рассмотрение внутреннего механизма правового регулирования поведения человека призвано дать ответ на вопрос об основных элементах процесса использования правовых предписаний в повседневной жизни. Конечно, в рамках одной статьи автор не имеет возможности даже обозначить все аспекты этой принципиально важной для регулятивной функции права комплексной категории. Это нереально, но можно обозначить основные факторы, влияющие на ее содержание, а так-

же некоторые главные элементы (компоненты) механизма. В этих целях был проведен пилотный опрос тридцати респондентов, имеющих высшее, в том числе юридическое, образование. Первый вопрос касался главного мотива действий человека безотносительно к решению какой-либо конкретной задачи, конкретной ситуации. В качестве второго вопроса респондентам было предложено проранжировать по частоте применения ими следующие критерии оценки жизненных ситуаций и принятия соответствующих решений:

- 1) свой опыт поведения в аналогичных ситуациях;
  - а) опыт поведения близких, иных авторитетных людей;
  - б) опыт поведения, заимствованный из других источников (книги, кино, интернет и т.д.);
- 2) здравый смысл (наиболее целесообразное поведение для себя с минимальным ущербом окружающей обстановке и интересам других);
- 3) нормы морали;
- 4) нормы права (законодательства).

В качестве третьего вопроса предлагалось ответить на вопрос о причинах, мотивах выбора права в качестве основного критерия оценки ситуации и принятия решения (почему они руководствуются правом в первую очередь). В числе таких критериев были указаны: 1) страх перед наказанием (проблемами) в случае нарушения закона; 2) применение права строго необходимо (или облегчает) для реализации стоящей цели; 3) всегда привык действовать в соответствии с правом (не могу иначе); 4) страх перед общественным порицанием.

По результатам опроса тенденция оценки жизненных ситуаций различных типов вырисовалась достаточно четко.

1. Основным мотивом, который заставляет действовать или, наоборот, воздержаться от активных действий, является личный интерес (выгода). Подавляющее большинство опрошенных 90 % (27) назвали его качестве основного мотива своих действий, 10 % (3) затруднились с ответом. Таким образом, можно с уверенностью предположить, что каж-



дая ситуация рассматривается людьми, оценивается ими с позиций достижения системы индивидуальных целей (желаний), которая в большей или меньшей степени осознается каждым человеком.

2. Главным критерием оценки ситуации и принятия решения является прежний личный опыт действий в аналогичных ситуациях. В случае его отсутствия – аналогичный опыт авторитетных для человека людей. Затем следует мораль, причем около 70 % опрошенных указали, что в любом случае стараются соотносить свои действия с нормами индивидуальной морали. Потом был назван здравый смысл и на последнем месте по частоте применения и значимости 100 % опрошенных указали право.

Таким образом, первый и наиболее важный момент, который следует учитывать юристам, заключается в том, что в своей повседневной жизни люди в минимальной степени используют право в качестве критерия принятия решения в жизненных ситуациях различных типов. Это звучит несколько парадоксально, но это так. Согласно данным опроса, люди предпочитают руководствоваться правом по двум основным мотивам: 1) из-за страха перед возможным наказанием, когда его вероятность высока; 2) когда следование праву облегчает решение задачи либо ее невозможно решить без соответствующих правовых процедур. В качестве дополнения к вариантам ответов анкеты 16,7 % (5) респондентов особо подчеркнули, что при следовании правовым нормам особо важным является их совпадение (непротиворечие) с индивидуальной моралью.

Таким образом, главный элемент внутреннего механизма регулирования поведения человека – это индивидуальное целеполагание. Иными словами, это осознаваемая или частично осознаваемая человеком цель (интерес, потребность) и связанные с ней процессы. Следовательно, если право соответствует системе жизненных целей человека, его устремлениям, интересам, нуждам, потребностям, оно автоматически будет позитивно восприниматься им. В таком случае индивид более осознанно и менее конфликтно будет следо-

вать правовым предписаниям. Это важно, так как правовые предписания приходят извне, это внешнее воздействие на человека, его сознание, волю. Если право корреспондирует с жизненными нуждами, потребностями, целями человека, оно автоматически имплементируется в его систему жизненных ценностей, критериев, ориентиров, в том числе путем включения (корректировки) в систему индивидуальных моральных норм. Таким образом, право обогащает внутренний мир человека, его мировоззренческую и поведенческую модели. И наоборот, при несоответствии правовых норм жизненным целям, нуждам человека они будут внутренне отторгаться им, конфликтовать с индивидуальной моралью и иными поведенческими ориентирами. Вот почему архиважно с позиций государственной внутренней политики осознание правящей элитой истинной стратегической цели жизни, единой для всех членов общества, системы соответствующих основных подцелей. Будучи сориентированными и выстроенными в соответствии с ней, как правовая, так и иные регулятивные системы будут максимально эффективны в регулировании поведения человека. Это гарантирует постепенную гармонизацию жизни людей и соответственно общественных отношений, мир и согласие в обществе.

Каждый человек глубоко внутри знает общую для всех людей стратегическую цель жизни. Он имеет врожденную систему распознавания разумного и неразумного поведения, обобщенно называемую совестью, которая обеспечивает связь души и сознания, тела и изначально существует в его тонких энергетических структурах. Однако со взрослением, под влиянием воспитания, образования, культуры и иных подобных факторов эта связь между душой и телом, как правило, нарушается и замещается приобретенными ориентирами и ценностями. Человек начинает системно лгать, сначала окружающим, потом и самому себе. Это случается потому, что с течением времени он начинает забывать, когда лжет, а когда говорит правду. Такой человек уже не контролирует себя, круг лжи замыкается, совесть блокируется. Человек живет в иллюзорном мире, имеющем мало общего с реальностью. Особо четко мы можем наблюдать за этим

процессом на примере маленького ребенка, который в начале пути искренен и прост в своем поведении, суждениях, отражающих его видение взрослых, окружающего мира. Постепенно его поведение меняется, он в том числе начинает гадать, что отражает этапы взросления и социализации.

Рассматривая внутренний механизм правового регулирования поведения человека, следует также учитывать, что люди в повседневной жизни, как правило, руководствуются не конкретными правовыми нормами, а общими представлениями, идеями о праве. Я касался уже этого вопроса в очерке, посвященном принципам права. Например, когда вы переходите дорогу на оборудованном светофором перекрестке на зеленый свет, вы полагаете, что поступаете в соответствии с законом, правом, что это правильно и безопасно для всех участников дорожного движения. И это действительно так, но знаете ли вы конкретную норму, согласно которой вы поступаете таким образом? Думаю, вряд ли. Предполагаю, что большая часть пешеходов не читала правила дорожного движения ни разу в своей жизни. Они слышали об этом от своих родителей, в школе, видели, как поступает большинство людей в дорожных ситуациях, и следуют этому. Это наиболее простая, ежедневно повторяющаяся ситуация. Если же мы возьмем более сложные в правовом плане жизненные обстоятельства, то говорить о знании большинством людей конкретных законов, а тем более конкретных норм вообще не приходится. Даже профессиональные юристы оценивают и рассматривают каждый юридический случай индивидуально. «Два юриста, три мнения» – гласит известная поговорка, которая, по-моему, подчеркивает уникальность каждой жизненной ситуации в противовес формальности, абстрактности права. Актуализирующим сказанное фактором является устойчивая тенденция к увеличению принимаемых в стране нормативных правовых актов. Так, по разным оценкам, в Беларуси имеется свыше 60 000 действующих только законодательных актов и свыше 100 000 иных нормативных правовых актов без ограничительного грифа. Это гигантский объем страниц основного текста и приложений. И это далеко не все действующие в

стране нормативные правовые акты. Как пользоваться таким гигантским информационным массивом в повседневной жизни, реально ли это? Думаю, нет.

Ситуация иного плана, когда человек по своей воле или нет, вступает в качестве участника в урегулированную правом процедуру, процесс (гражданский, уголовный, административный и т. д.). В этом случае он вынужден действовать в соответствующих его статусу процессуальных рамках, призванных гарантировать реализацию материальных правовых норм. В остальном писаное право регулирует нашу жизнь опосредованно, преломляясь через жизненные цели, прежний опыт, нормы индивидуальной и групповой морали.

Наряду со сказанным негативной тенденцией с позиций регулятивной функции права является высокий количественный и качественный (содержательный) динамизм правовых предписаний. Речь идет о постоянном изменении и дополнении кодексов, законов, иных нормативных правовых актов. Этот процесс уже давно вышел за рамки разумного. Особо следует отметить, что в течение последних двух-трех десятилетий правовые ориентиры регулирования поведения человека менялись кардинально и по многу раз. Многие деяния, бывшие уголовно-наказуемыми в советское время, например частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество, сейчас являются положительной моделью поведения. Таких явлений множество. Можно наблюдать очень интересный общеправовой и криминологический феномен, нуждающийся в специальном детальном изучении. После распада СССР и его правовой системы законопослушные люди, можно предположить, что таких было большинство, стремившиеся максимально следовать нормам советского права и морали в своей жизни, очень быстро оказались перед лицом новой правовой реальности. Их индивидуальная реальность и новая правовая имели мало общего. Следует предположить, что основная масса законопослушных советских людей вряд ли могла быть социально успешной в новых, так сказать рыночных условиях, по причине противоречия между их правовым и моральным сознанием и изменившимися условиями экономики, права, обществен-

ной морали. Соответственно социально успешными оказались люди, не принимавшие советское право и нормы социалистической морали, так сказать, близко к сердцу либо прямо нарушавшие их. Подобные резкие повороты в правовой реальности наносят гигантский ущерб регулятивной функции и самой сути права, тормозят развитие правосознания общества на долгое время, служат одной из причин правового нигилизма.

С позиций положений предыдущих очерков об информационном поле души, вибрационной природе материи, о том, что писаное право есть спящая (потенциальная) энергия, которая пробуждается к жизни через человека, следует кратко обозначить несколько принципиальных тезисов, нуждающихся в отдельном рассмотрении.

Право по своей природе абстрактно и догматично. В противовес ему человеческая жизнь суть постоянная динамика, изменение. Чем детальнее законодатель стремится регулировать поведение людей, тем менее эффективны оказываются соответствующие правовые нормы в жизни.

Нормативные правовые акты готовятся и принимаются людьми, применяют и контролируют их предписания тоже люди. В отсутствие воли (энергии) исполнителей нормативный правовой акт не более чем набор символов, зафиксированных на бумажном или ином носителе. Здесь возникает еще один очень важный вопрос о том, чья воля реализуется в ходе подготовки, принятия и использования в реальной жизни правовых норм. Регулирует ли поведение людей норма права или в большей степени ими управляет воля уполномоченных законом чиновников?

\*\*\*

В завершение следует отметить, что в очерке затронуты только некоторые принципиальные вопросы методологии регулятивной функции права. В качестве обобщающего вывода можно констатировать наличие общего внутреннего механизма регулирования поведения человека, который используется как правом, так и иными социальными институтами. Юриспруденция обязана изучать его и использо-

вать полученные знания в своих целях. В противном случае юридическая наука будет все более и более превращаться в оторванный от реальной жизни мир чистых правовых идей, норм, отношений – одну из матриц, сковывающих сознание человека.

### **Список использованных источников**

1. Комаров, С. А. Теория государства и права : учеб.-метод. пособие : краткий учебник для вузов / С. А. Комаров, А. В. Малько. – М. : Издат. группа НОРМА – ИНФРА-М, 1999. – 448 с.
2. Алексеев, С. С. Теория государства и права : учебник для вузов / С. С. Алексеев [и др.] ; под общ. ред. проф. С. С. Алексеева. – М. : Норма, 2004. – 283 с.

*Публикуется впервые.*

## СУЩНОСТЬ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВА

Основным итогом предыдущего очерка, посвященного методологии регулятивной функции права, явился вывод о необходимости изучения принципиального внутреннего механизма регулирования поведения человека и использования полученных знаний для решения задач теории и практики юриспруденции. В связи с этим логика исследования проблемы развития методологии белорусской юриспруденции диктует необходимость выяснения, описания и конкретизации основных элементов механизма правового регулирования поведения людей. Иными словами, первоочередному рассмотрению подлежат основные методологически значимые категории, определяющие принципиальную схему и состояние правового регулирования поведения человека и общества.

Представляется, что ведущая роль в числе таких методологически значимых категорий заслуженно принадлежит принципам права. В настоящее время нет ни одной общеправовой или отраслевой, а равно прикладной юридической дисциплины, которая бы не рассматривала принципы права с позиций своего предмета, не отмечала бы их теоретическую и практическую значимость. Как соответствующая категория законодательства принципы нашли нормативное закрепление на конституционном и иных законодательных уровнях. На первый взгляд складывается впечатление, что вопрос научной разработанности и практической реализации принципов права в национальной юриспруденции достаточно исследован. Однако реальное положение дел свидетельствует об обратном. Во-первых, в настоящее время вопрос понимания сущности права и его принципов в теории юриспруденции стоит как никогда остро. Свидетельством этому является принципиальная научная дискуссия, развернувшаяся на страницах специальной литературы. Во-вторых, закрепленные в законодательстве принципы недостаточно реализуются субъектами правоохрани-

менительной деятельности. В-третьих, принципы права мало известны широким слоям населения, поэтому их воздействие на повседневное поведение людей минимально. В-четвертых, дискуссионным является вопрос, какие конкретно идеи следует считать принципами права.

Думается, что основная причина сложившегося положения обусловлена наличием серьезных расхождений в мировоззренческих позициях, в том числе по вопросу о сущности права и его принципов, как среди ученых-юристов, так и государственных служащих, управленцев, предпринимателей и иных членов общества. Характерным примером проявления этих мировоззренческих (методологических) различий является развернувшаяся в печати научная дискуссия о сущности права, затрагивающая и его принципы. Изучение материалов данной дискуссии свидетельствует о наличии в белорусской юриспруденции двух основных подходов к сущности права. Это, во-первых, естественно-правовой подход, ярким выразителем которого является С. Г. Дробязко. По мнению ученого, правильное понимание сущности права является методологической основой решения всех правовых проблем. Без достоверного понимания природы права невозможно обстоятельно и эффективно разрешить любую теоретическую, практическую, правотворческую задачу. Истинную сущность права как регулятора верховенствующего, общесоциального, интегративного он видит в общесоциальной (общечеловеческой) справедливости (балансе интересов всех социальных групп, личности и общества), охраняемой государством [1, с. 11–12].

Сторонники другой точки зрения на сущность права (А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов и В. А. Кучинский) придерживаются в большей степени нормативистской доктрины, трактующей право как совокупность правил поведения, установленных или санкционированных государством [2]. Справедливости ради следует отметить, что в последних работах А. Ф. Вишневский и В. А. Кучинский выступают с позиций интегративного подхода к сущности права, допускающего объединение различных элементов других правовых школ [3, с. 14–35]. Не вдаваясь в суть данной дискус-



сии, отметим, что сам по себе факт ее наличия на страницах научной литературы является позитивным моментом как для правовой теории, так и для юриспруденции в целом. Факт острой научной дискуссии по вопросу о сущности права свидетельствует о начале активного поиска учеными новой методологии юридической науки. Однако новая методология может возникнуть только на базе нового мировоззрения исследователей. Потребность в таком мировоззрении обусловлена ходом истории, коренным образом изменившим государственно-правовую ситуацию на постсоветском пространстве и в мире, реалии которой не укладываются в рамки методологии советской юридической школы. Начало поиску положено, и данная деятельность обязательно даст свои позитивные результаты.

Исследуя вопрос о сущности и методологическом значении принципов права, невозможно обойти вниманием сущность права как такового, являющегося родовым понятием по отношению к правовым принципам. Часто работы, посвященные сущности права, иным методологическим вопросам юриспруденции, изобилуют сложными семантическими конструкциями, юридическими и иными специальными терминами и их сочетаниями, в том числе заимствованными из других наук. Внутренняя логика мысли авторов в таких работах надежно скрыта за пышными терминологическими формами. Подобный стиль изложения делает крайне затруднительным формирование основ нового научного мировоззрения и еще больше запутывает решение проблемы выработки новой методологии юриспруденции. В связи с этим одним из способов, повышающих эффективность научных изысканий в мировоззренческо-методологической сфере, является максимальное упрощение существующих теоретических конструкций, их изложение предельно простым языком, доступным для восприятия исследователю-юристу любого уровня, а также иным заинтересованным субъектам.

Анализ научной литературы свидетельствует, что под принципами права принято понимать основополагающие идеи, начала, фундаментальные положения, лежащие в его

основе, на которых оно базируется [4, с. 102–112; 5, с. 49–56; 6, с. 200]. Иными словами, это квинтэссенция права, его основные содержательные моменты, сформулированные в предельно сжатой форме. Приведенное выше определение принципов права содержит общие существенные признаки данной категории, с которыми согласны практически все исследователи данного вопроса. В отношении иных аспектов анализируемого понятия единодушия не наблюдается. Представляется, что вопрос о принципах права в современной юриспруденции также сложен и порой излишне теоретизирован, как и вопрос о сущности права. По этой причине в своих дальнейших рассуждениях мы будем базироваться на вышеуказанных общепризнанных признаках правовых принципов и избегать ненужных дискуссий.

Явления права и государства имеют смысл лишь в связи с наличием человека и общества. В отсутствие людей, чья жизнедеятельность нуждается в организации, государство и право просто не могут существовать. Это аксиоматично. Вне зависимости от типа правовой системы, особенностей правотворческого процесса в конкретном государстве в создании норм права в обязательной мере участвуют люди, которые воплощают, конкретизируют, реализуют в них свои идеи. Этот процесс может осуществляться непосредственно через жизнедеятельность людей (правовой обычай), через нормативные правовые документы, через религиозные правила (обряды) и т. д. В зависимости от мировоззрения, господствующего в конкретном историческом типе общества, источником этих идей, которые легли в основу норм права, может объявляться человек, Бог, монарх, социальные группы или иной феномен. Однако во всех случаях (и это важно помнить) принцип является результатом (продуктом) работы человеческого сознания, ума, интеллекта. Это не материальный, а идеальный продукт. Таким образом, идеальный характер принципов права является их сущностной характеристикой. Данная характеристика непосредственно следует также из семантики понятия принципа как идеи, т. е. главной, существенной мысли чего-либо. В нашем случае это право.

В контексте сказанного при анализе сущности права и его принципов на первое место выходит мировоззренческая характеристика человека и общества в конкретный исторический период. Иными словами, совокупность идей, с помощью которых человек создает целостную картину мира и определяет свое место в нем. Мировоззренческие идеи (принципы) – это базис для иных, в том числе правовых, идей. В основе любого исторического типа права как регулятора поведения людей лежат определенные идеи, отражающие уровень гуманитарного развития человека и общества, а также его национальные, культурные, религиозные и иные особенности. Таким образом, схематично правотворчество в любой правовой семье и историческом периоде можно представить как процесс конкретизации и воплощения людьми своих идей в сфере организации жизнедеятельности общества на индивидуальном, групповом и общесоциальном уровнях. Эти идеи рассматриваются нами в качестве правовых принципов, лежащих в основе создания регулирующих поведение людей норм, обеспеченных силой государства. В этом случае вполне допустим вывод, что право и его принципы не идентичны принципам законодательства, а предшествуют им. Представим себе такое раннее социальное образование, как стадо древнейших людей, основным принципом управления которым было право силы (кто сильнее, тот и прав). Речь идет о тысячелетнем прошлом. А сейчас ответьте на вопрос: имеет ли место применение данного «человекоподобного» правового принципа в отношениях на международном и внутригосударственном уровнях в настоящее время? Согласитесь, что этот принцип имеет место, особенно на межгосударственном уровне, где более развитые в экономическом и военном отношении страны, не стесняясь, пользуются правом сильного. Таким образом, принцип, которым руководствовались наши предки в управлении своим коллективом, широко используется для регулирования поведения людей и в XXI в., в том числе в так называемых правовых государствах, законодательство которых декларирует идеи прав человека и гражданина. Примеров этому множество. В первую очередь серия войн и вооруженных

агрессий против суверенных государств, развязанных по надуманным предлогам США и их союзниками на рубеже XX и XXI вв. по всему миру (Гренада, Панама, Югославия, Ирак, Ливия и др.). Сюда же следует отнести применение пыток, внесудебного ограничения свободы, иных негуманных методов воздействия на людей в странах с недемократическими и демократическими политическими режимами. Все это практическая реализация права силы на различных уровнях и в разных формах. В чем причина устойчивости, живучести принципа силы (права сильного), берущего начало от животного мира? Думается, ответ лежит на поверхности. Это состояние человека, степень его духовного развития и соответственно степень развития мировоззрения, морали, культуры и т. п. Другим характерным примером предшествования правовых идей законодательству является революционная законность большевиков после октябрьского переворота 1917 г. В этот период суды и иные государственные органы большевистского государства руководствовались в большей степени революционным правосознанием (своими представлениями, идеями о праве), нежели конкретными законодательными нормами, в том числе по причине отсутствия последних [7, с. 76–78].

Таким образом, принципы права в широком смысле этого слова суть мировоззренческие ориентиры человека, социума и его политической элиты в сфере нормативной организации его жизнедеятельности, используемые людьми в качестве оценочных критериев своего поведения. Ту часть из них, которая реализована в законодательстве и иных официальных источниках права, можно обозначить как принципы права в узком, формально-юридическом смысле данного понятия. Выделение принципов права в широком (мировоззренческом) и узком (формально-юридическом) смыслах оправданно с позиций выработки гуманистической методологии юриспруденции, отправной точкой которой является человек во всем единстве и многообразии своего существования.

С позиций методологии принципов права важен вопрос о возможности существования права вне государственной воли,

по сути, вне государственных механизмов. Вышесказанное свидетельствует, что такая возможность присутствует. Дополнительным аргументом является то, что человек в своей повседневной жизнедеятельности, как правило, не руководствуется конкретными правовыми нормами. Это очевидно из анализа опыта принятия решений каждым человеком. Самоанализ персонального поведения может подтвердить это. Еще один аргумент – огромное количество действующих норм права, которые мы просто не в состоянии даже прочитать, а не то чтобы знать. Даже высококлассный юрист оказывается бессильным, сталкиваясь с новым для себя казусом. Тогда чем руководствуется человек в своей жизнедеятельности?

С высокой степенью вероятности можно предположить, что он руководствуется более или менее конкретными представлениями о праве, в том числе существующими в форме идей, принципов, о том, что он считает выгодным для себя и справедливым по отношению к другим в различных жизненных ситуациях.

Вышесказанное подтверждается результатами проведенного нами опроса, посвященного знанию и использованию людьми в своей жизнедеятельности закрепленных в законодательстве принципов. Результаты опроса свидетельствуют, что принципы законодательства (права) мало известны широким слоям гражданского общества страны. Исключения составляют лишь юристы-профессионалы, которые под принципами законодательства (права) понимают его основные закрепленные в законодательстве начала (основы, базу, идеи), могут перечислить от трех до пяти принципов и указать нормативные правовые акты, их закрепляющие (около 97 % опрошенных). Иная картина наблюдается среди респондентов, не имеющих высшего юридического образования: 85,6 % опрошенных затрудняются хотя бы в общих чертах сформулировать, что они понимают под принципами права. Примерно половина из них вообще никогда не задумывалась над этим вопросом и не смогла назвать существующие принципы даже примерно. Другая половина чаще всего отмечала, что право (законодательство) должно быть

справедливым, гуманным, равным для всех. 14,4 % респондентов-неюрисстов в целом понимали принципы права (законодательства) как основные идеи, базовые начала, основу законодательства. В качестве таковых назывались: законность, гуманность, справедливость, равенство людей перед законом, участие граждан в создании законодательства и т. д.

Разумеется, приведенные данные не претендуют на репрезентативность в полной мере и являются вспомогательными, ориентирующими. Думается, что организация и проведение полномасштабного комплексного исследования в этом направлении было бы весьма актуально. Основной целью такого исследования могло бы стать выявление основных оценочных критериев, принципов, которыми руководствуется население страны в своей повседневной деятельности. Полученные обобщенные данные по этому вопросу иллюстрировали бы представления людей о праве, их соответствие законодательным принципам. Эти представления являются правовыми принципами, существующими в общественном сознании на данном историческом этапе. Правовые принципы, доминирующие в общественном сознании, не тождественны принципам права в узком смысле, которые в той или иной форме реализованы государством в соответствующих правовых источниках, поддерживаются его принудительной силой. Степень расхождения между правовыми принципами в широком и узком смысле можно рассматривать в качестве показателя демократичности политического режима, а также для оценки иных государственно-правовых и социальных параметров. Чем больше людей воспринимают закрепленные в законодательстве принципы в качестве своих мировоззренческих ориентиров, тем стабильнее общество, выше уровень его правовой культуры, ниже криминогенность, тем устойчивее общество к любым потрясениям.

Каковы источники принципов права, откуда они появляются? Анализ научной литературы свидетельствует, что в ряде случаев источники принципов права отождествляются с источниками права, что определяется видом правовой системы. Как известно, правовая система Беларуси имеет чер-

ты романо-германской правовой семьи, для которой наиболее характерно писаное право, т. е. нормативные правовые акты. В качестве правовых источников допускается также нормативный договор и правовой обычай. Очевидно, что право Беларуси в основном построено на нормативных правовых актах. Примерно такая же модель существовала как минимум несколько веков. В таком случае возникает вопрос: если источники права и его принципов совпадают, то на какие принципы (идеи, начала) опирались первые образцы писаного права? Или первые законодательные акты творились «беспринципно», на авось, хаотично? Это мало похоже на правду. Сказанное еще раз подтверждает вывод, что принципы права всегда в какой-то мере предшествуют законодательству.

Принципы права тесно переплетаются с нормами морали (нравственности). И это неслучайно. Нормы морали составляют основу для формирования людьми принципов права. Мораль в этом плане носит всеобъемлющий характер в отличие от права, которое в основном направлено на управление обществом.

В контексте методологии принципов права представляет научный интерес вопрос об их конкретном содержании, т. е. перечне этих руководящих регулятивных идей. Принципиальное решение данного вопроса находится в прямой зависимости от взглядов исследователей на сущность права. Так, для сторонников юридического нормативизма, отождествляющих правовые и законодательные принципы, ориентиром являются нормы законодательства, их закрепляющие [8, с. 44–49]. Сторонники естественно-правовой школы исходят из идеи о социальной справедливости права, поэтому справедливость рассматривается ими в качестве его основополагающего принципа [1, с. 11–12; 9, с. 32–41]. Иными словами, содержание принципов права варьируется в зависимости от подхода исследователя к пониманию его сущности и источников. Дискуссия по этой проблеме ведется уже несколько веков, поэтому есть все основания абстрагироваться от нее и начать исследовать вопрос максимально «с чистого листа», насколько это возможно.

В качестве научной гипотезы можно предположить, что основным принципом права является целесообразность (целесообразность). Не справедливость, не равенство, не демократизм, не законность и тому подобные принципы, а именно целесообразность.

Почему целесообразность следует считать главной идеей права как регулятора поведения человека и общества? В первую очередь потому, что все люди как вершина эволюции живых существ на планете Земля имеют общее начало, объединяющее их вне зависимости от расы, пола, цвета кожи, национальности, религии, культуры, языка, традиций, образования и прочих различий. Речь идет о феномене человеческой души, которая присутствует у всех нас, наличие которой в настоящее время оспаривается лишь вульгарными материалистами. Общее начало, базовый элемент у всех людей позволяет констатировать наличие у всех нас общей цели жизни, т. е. того результата, к достижению которого следует стремиться людям вплоть до момента физической смерти. Речь идет не об индивидуальном предназначении человека в плане максимального раскрытия своих индивидуальных способностей, а о стратегической цели жизни, одинаковой для всех человеческих существ. Дополнительным аргументом в пользу такой общей для всех цели является то, что в природе все имеет свою причину, все целесообразно, ни одна случайность не случайна. Таким образом, жизнь человеческого рода также имеет свою цель, его существование целесообразно.

Соответственно, признавая наличие общей стратегической цели жизни, следует признать, что в идеале право и государство должны способствовать ее достижению людьми. Отсюда основным принципом права является целесообразность, т. е. регулирование поведения человека с позиций максимально полного использования им своих возможностей, создания необходимых условий для поиска, осознания и достижения людьми стратегической цели своей жизни. Думается, что все остальные принципы права, изложенные в научной литературе, закрепленные в законо-



дательстве, носят вспомогательный характер по отношению к вышеназванному основному.

### Список использованных источников

1. Дробязко, С. Г. Отрасли права и отрасли законодательства в правовой системе Республики Беларусь и их совершенствование / С. Г. Дробязко // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. – Минск : Право и экономика, 2010. – Вып. 5.
2. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский. Минск : Тесей, 2002.
3. Вишневский, А. Ф. Право и законодательство – проблемы соотносимости : сб. науч. тр. / А. Ф. Вишневский, В. А. Кучинский. – Минск : Право и демократия, 2012. – Вып. 23.
4. Алексеев, С. С. Проблемы теории права / С. С. Алексеев. Свердловск : Свердл. юрид. ин-т, 1975. – Т. 1.
5. Мариков, О. П. Правовые принципы в национальной правовой системе / О.П. Мариков // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. – Минск : Белорус. наука, 2008. – Вып. 3.
6. Лазарев, В. В. Теория государства и права / В. В. Лазарев, С. В. Липень. М. : Спарк, 2005.
7. Вішнеўскі, А. Ф. Асаблівасці палітыка-прававога рэжыму савецкай дзяржавы і яго вытокі (1917–1953 гг.) / А. Ф. Вішнеўскі. – Мінск : Тесей, 2006.
8. Вишневский, А. Ф. Теория и практика подготовки нормативного правового акта / А. Ф. Вишневский, В. Н. Дмитрук. – Минск : Дикта, 2004.
9. Петрова, Л. В. О естественном и позитивном праве (критические заметки по поводу учебника С. С. Алексеева) / Л. В. Петрова // Государство и право. – 1995. – № 2.

*Впервые материал опубликован:* Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2014. – № 1. – С. 174–179.

## **МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ «ВИНА» В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ**

Вопрос о сущности вины, несмотря на отсутствие публичной научной дискуссии, был и продолжает оставаться остро актуальным как в советской, так и в современной белорусской юриспруденции. Такое положение обусловлено рядом причин. Во-первых, категория вины является краеугольным камнем института юридической ответственности в целом и ответственности применительно к отдельным отраслям права. Во-вторых, через этот термин выражается взаимосвязь субъективного и объективного, индивидуального и социального, особенного и типичного в юридической науке и практике. В-третьих, вина – специфический социальный критерий справедливости юридической ответственности в общественном и индивидуальном сознании.

Вышеуказанные и иные особенности данной категории обусловили наличие различных подходов к сущности вины, теоретических концепций и законодательных вариантов ее закрепления. Наибольшую актуальность категория вины традиционно имеет в уголовном праве. Именно поэтому первоочередное внимание в настоящей статье уделено уголовно-правовым подходам к данной проблеме. Белорусский ученый И. О. Грунтов весьма подробно проанализировал позиции законодателя, а также имеющиеся точки зрения на сущность вины в теории уголовного права, показал ее основные концепции, их исторические взаимосвязи и «географию» приоритетного распространения [1, с. 6–34]. В силу этого нет нужды вновь анализировать эти разноплановые как по существу вопроса, так и по методике исследования концепции. Он констатирует, что среди них можно выделить три основные:

теория опасного состояния, где вина трактуется как сигнал, признак специфического опасного состояния личности;

оценочная концепция вины, согласно которой вина является родовым понятием к умыслу и неосторожности и как основание уголовной ответственности заключается в

упреке суда по отношению к поведению подсудимого и его негативной оценке с позиций норм уголовного закона;

психологическая теория, которая трактует вину как психическое отношение лица к содеянному, выражающееся в форме умысла или неосторожности. Здесь, как и в оценочной теории, вина выступает родовым понятием к двум своим формам (умыслу и неосторожности) [1, с. 7].

В уголовно-правовой науке Беларуси господствующей является психологическая концепция вины, что неудивительно как минимум по двум причинам. Во-первых, именно эта концепция преобладала в советской школе уголовного права позднего периода (1960–1980 гг.), инерционно она доминирует и в настоящее время. Во-вторых, законодательное закрепление вины как психического отношения лица к своему деянию в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК Беларуси) непосредственно способствует живучести этого подхода в национальной правовой доктрине, так как традиционно большинство белорусских ученых-правоведов предпочитают ориентироваться на позицию законодателя. Однако, как уже неоднократно отмечалось в других статьях автора, произошедшие в последние десятилетия кардинальные социально-экономические и политические изменения, а также изменения в индивидуальном и общественном сознании настоятельно диктуют необходимость разработки новой методологии науки в целом и юриспруденции в частности.

Первый шаг разработки новой методологии предполагает определение ее исходного пункта, отправной точки, в качестве которой избран человек во всем своем многообразии в природе, обществе, государстве и праве. Такая методология названа гуманистической [2]. Второй шаг – переосмысление основных категорий общей юридической теории и теории отраслевых наук, в рамках которого подготовлена настоящая статья. Итак, ч. 1 ст. 21 УК Беларуси содержит определение вины как психического отношения лица к совершенному общественно опасному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности, что полностью соответ-

ствуется сути психологической концепции в науке уголовного права. Первый и наиболее важный момент заключается в том, что это легальное определение мало что дает для понимания сущности и содержания данной категории. Иными словами, указанная норма требует многословных и непростых комментариев, так как вызывает массу вопросов не только у непрофессионалов, но и у профессиональных юристов. Основная причина такого положения – использование законодателем, а также учеными – сторонниками, психологического подхода ряда строго не определенных, неюридических, дискуссионных терминов и положений.

Ключевым моментом в легальном определении вины и в соответствующих публикациях сторонников психологической школы является термин «психическое» (отношение), в качестве синонима которого правоведы часто используют «внутреннее», «субъективное» и другие тому подобные слова. Но сказать «психическое» и не разъяснить, что это такое, равносильно тому, что не сказать ничего. Не добавляет ясности, а лишь усугубляет ситуацию использование терминов «психическое» и «психологическое» как равнозначных [3], хотя они различны по содержанию. Эти понятия заимствованы правоведами из психологии. Однако в современной психологии в принципе отсутствует единая методология. Эта наука представлена в виде различных научных школ, базирующихся подчас на взаимоисключающих друг друга подходах, концепциях, методах к пониманию и изучению человека, его психики, основных побудительных сил, мотивов поведения и т. д. Например, представители бихевиоризма не включают сознание в предмет психологии, полагая, что ее предметом является поведение человека [4]. Именно поэтому существующая «психологическая» концепция вины и соответствующие ей нормы уголовного закона изначально не имеют стабильных методологических, в первую очередь мировоззренческих, основ.

Аналогично вышеуказанному подходу к разработке новой методологии юриспруденции в качестве первого шага по разработке проблемы вины в уголовном праве и правоведедении в целом автор предлагает определить хотя бы одно

положение (элемент содержания вины), общее для всех ее основных концепций, существующих ныне. Даже поверхностный анализ трех основных школ вины позволяет констатировать, что этим общим положением, элементом является субъект, личность. С позиций гуманистической методологии – это человек как биосоциальное существо, находящийся на вершине эволюции планеты Земля. Действительно, нет человека – нет субъекта, нет личности и, конечно, нет вины и уголовной ответственности, некому предъявлять обвинение и судить. Это очевидный факт [5]. Именно человек, а не субъект права. Почему? По той причине, что, не исследовав суть человека под углом зрения решения задач юриспруденции, невозможно понять сущность вины, как и других базовых категорий. Этот тезис актуален для всех концепций вины, в особенности для психологической школы, использующей в качестве ключевого понятие психического отношения. Термин «психическое отношение» имеет смысл только по отношению к человеку. Вряд ли он уместен применительно к юридическому лицу. Например, психическое отношение какого-нибудь унитарного предприятия или общества с ограниченной ответственностью к содеянному. Думается, именно поэтому законодатель, не мудрствуя, воспроизвел «психологическое» определение вины физического лица из уголовного закона в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях. Однако применительно к вине юридического лица КоАП предлагает принципиально иной подход. В связи с этим возникают серьезные методологические противоречия, устранение которых лежит за рамками предметов отраслевых юридических наук [6].

Разумеется, рассмотрение сути человека – глобальная задача. Однако даже в рамках одной научной статьи мы можем определиться с методологическим подходом к ее решению. В качестве основной гипотезы по данной проблеме гуманистическая методология предлагает рассматривать человека как существо, представляющее собой единство души и тела [7].

Такой подход полностью соответствует всеобщему диалектическому методу познания, который, как известно, рекомендует изучать объекты в единстве всего многообразия составляющих их элементов. Мы предлагаем выделять в человеке две стороны существования: материальную, видимую, внешнюю – жизнь тела и духовную, невидимую, внутреннюю – жизнь души. Разумеется, данное деление, как и всякая классификация, условно. Тело не может существовать без души, а душа – быть материализованной без тела. Такой подход к пониманию сути человека был абсолютно естественным вплоть до середины XIX в. Впоследствии в силу бурного развития промышленности и соответствующих технологий ученые сконцентрировались на материальной стороне существования, оставив духовность на усмотрение религии [8]. Применительно к психологической школе вины и науке психологии отметим, что принятие учеными факта наличия человеческой души – абсолютная необходимость. В противном случае отрицается наличие самой науки, ее предмета (психологии) и понимание вины как психического отношения. Общеизвестно, что психология происходит от древне-греческого ψυχή – «душа» и λόγος – «учение». Наука о душе не может отрицать душу. Соответственно и психологическая школа вины обязана признать факт наличия души. В противном случае вся эта красивая «психологическая» терминология просто теряет смысл. Какое может быть психическое отношение без принятия «психе»?

Говоря о психическом отношении (вине) с позиций конкретного индивида, автор рассматривает его как реакцию души в виде тех или иных вибраций, эмоций, мыслей, действий на деяния тела. Отношение – это вид реагирования. Оно, условно говоря, может быть позитивным, негативным либо нейтральным. Важно, что любая реакция всегда связана с оценкой ситуации, другого человека, предмета, процесса, иных объектов. Нет объекта – нет реакции, нет отношения. В свою очередь оценка – это всегда осознаваемое или неосознаваемое сравнение того или иного объекта с эталонными критериями, которыми руководствуется субъект, т. е. человек. В контексте сказанного оценочная концепция

вины представляется более предпочтительной для объяснения механизма внутренней реакции человека на совершенное им деяние.

Психическое отношение, или отношение души (психе), проявляется через призму совести. В этом плане совесть – голос души. Чувство вины люди не зря называют угрызениями, муками совести. Известно, что маленькие дети прекрасно знают, когда они поступают плохо, а когда нет. Здесь мы можем наиболее отчетливо наблюдать голос совести. По мере взросления эта врожденная способность постепенно уступает место интеллектуальным оценкам, а не духовным. Критерии совести, будучи переведенными в вербальную форму, лежат в основе норм общественной и религиозной морали, включаются в образовательный процесс, а также иные формы общественной и государственной жизни. В своей жизнедеятельности люди руководствуются различными видами морали.

И наконец, право как средство регулирования поведения человека в той или иной степени также используется человеком для оценки своих деяний. Особо подчеркнем, что право, его предписания как критерии оценки человеком своего поведения, как правило, играют вспомогательную роль по отношению к совести и морали. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, процессом эволюции человека, его становления. В этом плане совесть является врожденным регулятором поведения, она первична. Затем по мере взросления человека развивается система морали, которая может в большей или меньшей степени соответствовать исходным нормам совести, и лишь после наступает черед правовых норм. Как известно, полное соответствие последних нормам совести и морали вряд ли возможно. Во-вторых, элементарным незнанием большинством населения как конкретных правовых норм, так и принципов права. В-третьих, исторической тенденцией правового нигилизма на постсоветском пространстве. В-четвертых, гипердинамичностью законодательства страны, т. е. наличием большого количества вновь принятых, а также поправок и дополнений в действующие нормативные правовые акты. Таким образом, возвращаясь

к трактовке вины сторонниками психологической школы, мы видим, что в основе психического отношения человека к содеянному (вина) лежит реакция души на действия тела. Эта реакция является следствием оценки душой деяния через призму совести, морали и права. В реальной жизни речь идет о чувстве вины, т. е. осознаваемом или неосознаваемом болезненном переживании, которое в той или иной мере знакомо каждому человеку как угрызения совести. Именно так видится базовый методологический уровень вины применительно к конкретному человеку. Здесь мы имеем дело с комплексом тонких и сверхтонких процессов и механизмов, имеющих место в системе каждого человека, которые практически не изучены современной наукой.

В силу сказанного, а также по иным основаниям позиции сторонников психологической школы вины видятся автору уязвимыми и непродуктивными. Для того чтобы установить вину, орган уголовного преследования, суд должны установить, что происходило в душе у человека на момент совершения уголовно-наказуемого деяния, каково было его психическое отношение. Реально ли это не только для указанных субъектов, но и вообще для кого бы то ни было? Возможность такой ретроспекции на существующем уровне развития науки и техники представляется не более чем смелой научно-популярной фантастикой. В таком случае правомерно ли говорить о вине как основании уголовной ответственности с позиций действующего уголовного закона? Думаю, нет.

Вторым обстоятельством, ставящим под сомнение обоснованность положений психологической школы, является рассмотрение вины в качестве родового понятия к двум ее основным формам (умыслу и неосторожности), в основе которых лежит так называемый интеллектуально-волевой момент. Общеизвестно, что интеллектуальный момент правоведа связывают с осознанием человеком своих противоправных действий и возможности наступления общественно опасных последствий, а волевой – с желанием их наступления. С позиций методологического анализа важен ряд моментов. Во-первых, терминологический. Господ-



ствующая национальная уголовно-правовая доктрина рассматривает интеллектуальный момент как осознание субъектом противоправного характера своих действий, фактических обстоятельств содеянного и т. п. Ключевое слово здесь «осознание». Таким образом, получается, что интеллект как бы предшествует сознанию, является родовым понятием по отношению к нему либо его синонимом. Иными словами, сначала интеллект, потом сознание либо интеллект равен сознанию. Но это не так. Дело в том, что интеллект и сознание – два тесно связанных между собой, но далеко не идентичных явления. Именно сознание как способность к отражению является врожденным человеческим качеством, в то время как интеллект – приобретенным. Интеллект – это объем усвоенной человеком информации и способность оперировать ею. В этом плане сознание первично, а интеллект вторичен. Данные понятия не равнозначны и в области внутреннего мира человека. В связи с этим говорить об осознании (сознании) как о некоем сугубо интеллектуальном процессе не вполне обоснованно.

Второй аспект нашего анализа форм вины – праксиологический. В практическом судопроизводстве нередки случаи, когда при совершении преступлений в состоянии, например, сильного алкогольного или наркотического опьянения, сильного душевного волнения и тому подобных кондиций человек может вообще не помнить, что он делал. В момент деяния его сознательный уровень был заблокирован (сильно ограничен), интеллект выключен. Другим примером является ситуация, когда человек объективно не знал о существовании уголовно-правового запрета на то или иное деяние. Допустим, он приехал в Беларусь из страны, где наркотики легализованы и имел их при себе. Скорее всего, такой человек не будет чувствовать вины за совершенное им преступление. В аналогичное затруднительное положение может также попасть белорус, например в исламских странах, где существуют жесткие ограничения на употребление алкоголя. Таким образом, говорить о вине в этих и подобных случаях с позиций действующего национального законодательства нельзя по причине отсутствия корректно-

го осознания обстановки, т. е. интеллектуального момента. Однако в подобных ситуациях правоведа словно забывают об интеллектуальном моменте вины, решение по делу выносится как будто бы человек, находившийся в беспамятстве, осознавал характер и обстоятельства своих действий, отдавал себе отчет в них. Абстрагируясь от проблемы вины, отметим, что осознанность человеком своих действий означает его постоянную включенность, присутствие в текущем моменте, что предполагает спокойствие ума. Однако основную массу действий люди совершают механически, неосознанно, автоматически, без контроля ума. Они словно ведомы внутренними программами и, значит, несвободны в своем поведении.

В подтверждение сказанному каждый может провести простой эксперимент: удобно сесть, закрыть глаза и спокойно посидеть так в течение некоторого времени, наблюдая за тем, что происходит в это время в уме, какие мысли, желания, эмоции присутствуют и т. д. Если вы осознанный человек, отсутствие деятельности и зрительных впечатлений вскоре должно привести ваш ум в аналогичное состояние покоя, безмятежности «неделания». Однако могу с уверенностью предположить, что почти у всех участников эксперимента мыслей в голове будет много и очень разных, ум будет беспокойным. Таким образом, это еще раз свидетельствует в пользу того, что говорить об осознании человеком обстоятельств деяния, его противоправного характера можно лишь с большой долей условности. Особенно это касается ситуаций измененного сознания, в которых контроль сознательной части ума за действиями тела снижен или отсутствует.

Третий момент методологических издержек учения о формах вины проявляется при анализе термина «воля», который активно используется как в общей теории права (например, воля народа, государственная воля), так и в отраслевых юридических науках. Однако его содержание практически не раскрывается в отечественной юриспруденции. Содержание термина «воля» скромно обходят стороной. Такое положение методологически ущербно. Автор дан-

ной статьи провел очень простой опрос. Его респондентами выступали люди, имеющие высшее юридическое образование, а также студенты (курсанты) юридических вузов. Им задавался только один вопрос: как вы понимаете термин «воля»? Большинство участников опроса (77,5 %) определяли волю как желание либо то, что лежит в его основе. Встречались и иные трактовки: например, воля – это переживание человека, способность контролировать эмоции и т. д. Около 19 % опрошенных затруднились ответить на вопрос. Отсюда следует очень важный вывод: по сути, содержание термина «воля» неизвестно 100 % опрошенных, оно верно не идентифицируется ими. Респонденты – люди, которые занимаются либо будут заниматься тем или иным видом юридической практики, в том числе участвовать в расследовании уголовных дел, отправлении правосудия. Возникает закономерный вопрос о качестве правосудия, определения виновности, о вынесении наказания и тому подобных моментах по причине методологической сложности и неразработанности категории «воля» применительно к институту юридической ответственности, а также в целом в теории права. Исследования автора по данному вопросу позволяют определить волю как реальную психическую энергию, обеспечивающую реализацию человеком своих решений. Воля – это, образно говоря, топливо внутреннего механизма реализации человеком принятых решений. Без участия воли потребности, желания, решения будут оставаться в лучшем случае намерениями, но никак не действиями. Например, у вас возникло желание сходить в гости, но на улице холодно и сыро, а автомобиль стоит в километре от дома. Дома тепло и сухо. Вам лень выходить из дома, вы остаетесь. Пример банально прост, но верно отражает диалектику понятий желания и воли.

В случаях совершения преднамеренных преступлений, когда четко прослеживаются стадии подготовки и совершения преступления, включая сокрытие его следов, а также при совершении дящихся преступлений, преступной деятельности вопрос об осознанности и направленности воли правонарушителей на достижение преступного результата

отчасти понятен. Однако если преступления совершаются по так называемому внезапно возникшему умыслу, проблема интеллекта и воли встает особенно остро. О каком отношении к деянию, последствиям может идти речь в случаях, когда человек сначала делает и лишь потом думает, начинает осознавать, что он сделал, каковы последствия его действий. Строго говоря, с позиций действующего уголовного закона он невиновен, так как его психическое отношение (вина) к обстоятельствам и последствиям деяния на момент его совершения было не сформировано, не определено. Воля включилась автоматически как типовая реакция на внешний раздражитель, без участия сознания и интеллекта, неосознанно. В данном случае мы затронули очень интересный вопрос – осознанного управления волей, развития силы воли. Однако этот вопрос выходит далеко за рамки настоящей статьи. Отметим лишь, что потенциально воля присутствует у каждого человека, но уровень ее сознательного использования различен для каждого индивида. Неконтролируемый поток воли лежит в основе генезиса импульсивных (по внезапно возникшему умыслу) преступлений.

Уголовный закон нашей страны формулирует понятие вины только с позиций лица, совершившего противоправное деяние. Однако насколько правомерен такой подход в принципе? Методологически он выглядит несколько абсурдным, так как психическое отношение лица в момент совершения преступления, а значит, духовное, глубоко внутреннее, сокровенное необходимо установить по косвенным, неоднозначным признакам, ведь «чужая душа – потемки». Реальна ли такая задача? Как уже отмечалось ранее, ответ скорее отрицательный. Чисто теоретически, когда обвиняемый, подсудимый полностью сотрудничает со следствием, в достаточном количестве имеются очевидцы и иные свидетели происшедшего, есть определенные шансы разобраться с психическим отношением к содеянному, обстоятельствам и последствиям. Но такие ситуации редкость. По этой причине установление вины с позиций психологической школы выглядит как некая сверхзадача, которая практически не может быть реализована. Здесь следует проанализировать

механизм установления виновности органами уголовного преследования, проследить внутреннюю логику этого процесса, какие действия совершаются при установлении вины.

Первый и наиболее важный момент любого расследования – это нахождение человека, совершившего уголовно наказуемое деяние. Второй момент, который в некоторых случаях предваряет первый или решается параллельно с ним, – выяснение обстоятельств происшедшего события. Это необходимо для его оценки с позиций норм уголовного закона, т. е. для ответа на вопрос: имело место уголовно наказуемое деяние или нет? Если имело место преступление, встает главный вопрос расследования: кто его совершил? Иными словами, кто организовал, кто исполнил, кто еще участвовал? При установлении вероятного кандидата (подозреваемого) собирается информация, подтверждающая его участие в совершении преступления либо опровергающая это. При наличии достаточных доказательств, подтверждающих либо опровергающих совершение преступления конкретным человеком, органы предварительного расследования, прокурор, суд делают вывод о его виновности или невиновности. При этом во внимание принимаются указанные в уголовном законе обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Это принципиальная схема процесса установления виновности, его внутренняя логика. Вопрос к обвиняемому, подсудимому «признает ли он себя виновным?» означает не что иное, как вопрос о согласии человека с содержанием заявленных к нему претензий в связи с нарушением уголовного закона. Признание или непризнание им предъявленной к нему претензии, как правило, не является главным при определении степени его вины и назначении наказания. Более того, возможны случаи, когда человек признает, что совершил инкриминируемое ему деяние, но не считает себя виновным. Таково его психическое отношение. Он полагает, что поступил по совести, в соответствии с нормами морали. В подобных случаях при прочих равных условиях его ждет обвинительный приговор. Но как быть с виной (т. е. психическим отношением человека), которая, с его точки зрения, отсутствует. Получается,

что реальное психическое отношение к обстоятельствам содеянного (вина) обвиняемого, подсудимого мало кого волнует при вынесении судебного решения. Главное – установить факт совершения им преступления и отсутствие обстоятельств, исключающих уголовную ответственность. Следовательно, вина, которую устанавливает суд, не есть психическое отношение подсудимого к содеянному. Иными словами, применительно к человеку, совершившему преступление, мы имеем феномен вины, чувство вины как то или иное переживание в связи с совершенным уголовно наказуемым деянием. Это нельзя отрицать. Данный феномен закреплен в уголовном законе и выступает в качестве основания уголовной ответственности конкретного лица. Однако орган расследования, прокурор, суд объективно вынуждены руководствоваться иным пониманием вины, которое отличается от легального. С их позиций вина (виновность) означает, во-первых, оценку совершенного деяния с позиций норм уголовного закона и, во-вторых, оценку собранных по делу фактических данных, подтверждающих либо опровергающих совершение конкретным человеком данного деяния.

Таким образом, налицо явное противоречие между легальным определением вины, данным в ч. 1 ст. 21 УК Беларуси, и реальным положением дел, внутренней логикой процесса расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. Данное противоречие является следствием хронических методологических пробелов в правовой доктрине в целом и уголовно-правовой в частности.

В завершение следует отметить, что масштабность вины как правового явления, история ее развития в правовой доктрине и законодательстве позволяют в рамках одной статьи лишь обозначить некоторые основные методологические проблемы и противоречия, стоящие перед юридической теорией и практикой. Автор рассматривает данную работу как первый шаг в организации широкой научной дискуссии по этой и иным проблемам создания новой методологии белорусской юриспруденции.

### Список использованных источников

1. Грунтов, И. О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве / И. О. Грунтов. – Минск : Тесей, 2012. – 366 с.
2. Шиенок, В. П. Мировоззренческие и иные проблемы создания новой методологии белорусской юриспруденции / В. П. Шиенок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2011. – № 1. – С. 159–164.
3. Рарог, А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А. И. Рарог. – М., 2003. – 64 с.
4. Об основных научных школах и направлениях психологии см.: Школы, направления, концепции в психологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyznaiuka.net/view-predmet.html?id=shkoly-napravleniya-konsercii>. – Дата доступа: 04.05.2015.
5. Шиенок, В. П. Проблема новой методологии юридической науки и сущность права / В. П. Шиенок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2013. – № 1. – С. 149–152.
6. Шиенок, В. П. Административная ответственность юридических лиц / В. П. Шиенок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2007. – № 2. – С. 68–73.
7. Шиенок, В. П. Человек как исходный пункт новой методологии белорусской юриспруденции / В. П. Шиенок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2012. – № 1. – С. 163–168.
8. Штайнер, Р. Христианство как мистический факт и мистерии древности / Р. Штайнер. – Ереван : Ной, 1991. – 60 с.

*Впервые материал опубликован:* Труд. Профсоюзы. Общество. – 2015. – № 2. – С. 80–85.

## МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ

Проблема преступности и иных связанных с ней форм отклоняющегося поведения людей в XXI в. не только не потеряла своей актуальности, но и приобрела еще большее значение. Эта актуальность прослеживается и применительно к уровню преступности, динамике ее отдельных видов в отдельно взятой стране (группе стран), и к тенденциям развития преступности в контексте процесса глобализации как пути развития человеческой цивилизации, и к проблеме преступного поведения как такового, а главное – к потенциальной возможности достижения стабильного позитивного результата воздействия на преступность. Центральное место среди юридических наук, изучающих преступность и определяющих систему мер реагирования на нее, принадлежит криминологии.

Возникновение и становление суверенного государства Республика Беларусь, образовавшегося в результате распада СССР, сопровождалось решением целого комплекса внутренних и внешних проблем. Эти проблемы обуславливались в основном двумя группами причин. Первая группа из них представляла собой «наследство», доставшееся от прежнего государства. Вторая группа вытекала из вынужденной необходимости построения независимого суверенного государства в кратчайшие сроки и в сложившихся условиях. К числу проблем второй группы относится создание национальной научной школы правоведения. В настоящее время, по прошествии более двух десятилетий с момента возникновения такой задачи, следует констатировать отсутствие национальных научных школ по целому ряду юридических научных дисциплин, в том числе криминологии.

Преступность как объект исследования изучается рядом наук, которые рассматривают ее с позиций своего предмета. Центральное место занимает криминология, главной задачей которой является выработка концептуальных основ изучения преступности и соответствующих рекомендаций



по формированию и реализации государственной политики в сфере предупреждения преступности, оздоровления криминогенной ситуации в стране. Необходимые условия для решения данной задачи следующие: адекватная методологическая основа, инструментарий исследования и подготовленные научные кадры. Специфический, актуализирующий ситуацию признак состоит в том, что ее (криминологии) методология выступает в качестве фундамента, принципиального начала для других юридических дисциплин, изучающих преступность. Причем мы ведем речь о концептуальном подходе к изучению и практике реагирования на преступность, отражающем мировоззренческую основу, видение стратегической ситуации учеными и практиками. Наиболее общий подход к исследованию преступности, выработке и реализации комплексных мер воздействия на нее – генеральная линия не только криминологии, но и иных юридических наук, изучающих преступность, основа мировоззрения государственных служащих и иных членов общества.

На протяжении всего существования советского государства криминология, как и иные общественные науки, а также соответствующие исследователи испытывали на себе колоссальное давление идеологической политики КПСС, научные исследования были ориентированы на идеологию, определялись ей и обслуживали ее. Это не означает, что в стране отсутствовали серьезные комплексные криминологические изыскания и добросовестные ученые. Данный тезис свидетельствует лишь об ущербности, однобокости методологической базы, официального мировоззрения, последствия которых в значительной степени ощущаются и сейчас. Известно, что вплоть до начала 1990-х гг. универсальным общенаучным методом советского правоведения (и иных отраслей научного знания) считался диалектический и исторический материализм.

С распадом советского государства в качестве общенаучного метода юридической науки называется всеобщий диалектический метод. В самом общем виде этот метод предполагает рассмотрение изучаемых предметов и явлений в

динамике, в единстве, неразрывной связи, взаимозависимости и взаимообусловленности друг с другом. Всеобщий диалектический метод, реализуясь в конкретной научной дисциплине, преломляясь через специфику ее содержания, способствует созданию адекватных частных научных методов и методик. Именно с позиций всеобщего диалектического метода предпримем попытку анализа концептуальных, по мнению автора, вопросов изучения преступности, выработки и реализации практических мер воздействия на нее.

Следует абсолютно четко осознать (принять) преступность как данность, как неотъемлемую, объективную, закономерную часть жизни общества и индивида. Внешне она проявляется в виде совершения людьми общественно опасных деяний, признаки которых содержатся в уголовном законе. Такой подход к генезису преступности (как к явлению, существующему в обществе) не является принципиально новым для мировой криминологии. В то же время он не доминирует на постсоветском пространстве, в том числе в национальных научных кругах и государственных органах.

Следуя всеобщему диалектическому методу, преступность мы рассматриваем в качестве неотъемлемой черты (признака) современного общества. Диалектически обусловлено, что если есть (мы выделяем) преступность, значит есть и «непреступность», под которой логично понимать здоровую часть общества, не пораженную уголовным недугом. В общем плане именно такой подход характерен для большинства авторов, рассматривающих преступность как негативное социальное явление, антисоциальное явление, антипод здоровой части общества.

Действительно, на уровне обыденного человеческого сознания, индивидуального или группового, это так, но в научном методологическом плане негативная оценка преступности выглядит далеко неоднозначно. Если встать на последовательно диалектические позиции, то не существует только негативных и только позитивных явлений. Любое явление содержит в себе два полюса, две составляющие, две силы. Нам представляются плодотворными идеи, в которых преступность рассматривается как закономерная функция

общества, создающая условия для необходимых перемен. Образно говоря, преступность для общества сродни болезни для физического тела. Все больше медиков и просто людей склоняются к тому, что болезнь не зло, не негатив по своей природе. Она сигнализирует человеку, что в организме что-то не в порядке. Аналогичный подход, мы полагаем, приемлем и в отношении процессов, происходящих в обществе. Мое глубокое убеждение, что количественное либо качественное нарастание преступности и иных социальных патологий – это сигнал о необходимости изменения общественных отношений, отношений индивидуумов и социума

к окружающему миру. Это сигнал-предупреждение о необходимости развития общества в ином, нежели сейчас, направлении. Если общество не реагирует должным образом на эти сигналы, преступность начинает все активнее распространяться, видоизменяться, поражая важнейшие части социального и государственного организма. Конечно, репрессивными и иными подобными мерами можно достаточно долго нейтрализовывать, видоизменять, подавлять внешние проявления преступности. Но это воздействие на проявление, на следствие, а не на глубинный причинный уровень, это борьба с симптомами, а не путь к исцелению, это тактическое, а не стратегическое видение ситуации. Таким образом, в общеметодологическом плане негативность преступности для социума мы рассматриваем как второстепенный признак по сравнению с ее ролью индикатора комплексного состояния общества в его динамике. Крайне важно и то, что генезис преступности несет в себе информацию о путях и средствах оптимального развития общества, а следовательно, и предупреждения общественно опасных деяний. Игнорирование обществом и государством социально-экономических противоречий, детерминирующих преступность, особенно в периоды ее роста, обуславливает развитие тенденций, приводящих к комплексным системным кризисам.

Следующий важный вопрос, на котором необходимо остановиться, это генезис индивидуального преступного поведения. Среди отечественных и российских криминологов

весьма популярна концепция индивидуального преступного поведения как результата взаимодействия человека с внешней средой. Однако нам видится более продуктивным иной подход. Человека следует рассматривать как неотъемлемую часть этой внешней среды, конкретной жизненной ситуации, окружающего мира. При таком подходе получается, что индивид ни с кем и ни с чем не взаимодействует, его жизнь выступает результатом его мыслей, желаний, решений, действий. Он сам создает ситуации, в которых оказывается, которые проживает. Конечно, в конкретном контексте можно вести речь о взаимодействии с внешней средой – это аналитический (разъединяющий) подход, уровень. В методологическом плане мы предлагаем рассматривать человека как центр соответствующих ситуаций. Можно назвать это синтетическим, интеграционным подходом, уровнем. Давайте представим на мгновение, что нас нет. Тогда нет и ситуации, в которой мы сейчас находимся. Конечно, мы не имеем в виду, что нет окружающей человека местности, предметов, других людей. Это все остается, но нас там нет. Значит, это другая ситуация, для другого субъекта, но не для нас. При таком видении проблемы становится очевидным, что глубинные причины преступлений лежат в конкретных человеческих существах. В качестве научной гипотезы, в основе которой лежат данные современной психологии (психиатрии, психотерапии), эти причины можно представить как своего рода до поры до времени дремлющие в психической системе человека информационные программы, которые активизируются при восприятии определенных сигналов извне. Эти программы мы не рассматриваем исключительно как модели преступного поведения. Скорее, они создают предпосылки для совершения правонарушения, т. е. влияют на степень криминогенности личности. Руководствуясь ими в своих действиях, человек получает «готовую» для совершения преступления ситуацию. Но и тут у него остается право выбора, право принятия решения. Человек может либо удержаться от совершения преступления, либо совершить его. Само по себе совершение преступления дает возможность конкретному индивиду и окружающим

более рельефно увидеть свой внутренний мир, стоящие перед ним проблемы. Имеется в виду, что даже для рецидивистов совершение нового преступления далеко не рядовое событие, о причинах и последствиях которого они часто задумываются. Совершение же первого преступления, как правило, оставляет неизгладимый след в психике правонарушителя. И наоборот, личность преступника, ее особенности отражаются в следах преступления, благодаря чему становится возможным его раскрытие. Если правонарушитель желает и способен понять причину совершения преступления, его внутренние мотивы, у него открывается возможность для самовоспитания, социализации, минимизируется возможность совершения подобных либо любых иных преступных деяний. Если нет – индивид получает страдания и лишения, связанные с уголовным преследованием, морально-нравственными переживаниями и действием иных факторов. Но и тут у него остается свобода выбора, возможность изменения себя. Аналогичным образом мы предлагаем рассматривать генезис поведения потерпевших и иных лиц. На наш взгляд, центральным вопросом индивидуального бытия является вопрос об осознании смысла жизни, ее стратегической цели, что дает в руки индивида универсальный критерий оценки любой жизненной ситуации. Повышение степени осознанности каждым человеком своих действий можно рассматривать в качестве способа индивидуальной профилактики преступлений. Сказанное не означает, что следует игнорировать «внешние» детерминанты поведения человека, которые в обязательной мере необходимо учитывать при исследовании генезиса индивидуального преступного поведения.

Следующий принципиальный момент, на котором необходимо остановиться, – это вопрос о ключевых терминах, используемых в криминологии. Его важность обусловлена тем, что всякий базовый термин (понятие) или их комбинация объективно выражает мировоззрение, понимание, отношение (осознаваемое или нет) ученых, практиков, членов общества к тем или иным явлениям, в данном случае – к преступности. В настоящее время термин «борьба» исполь-

зуется главным образом, если речь идет о борьбе с преступностью, ее усилении, наращивании, совершенствовании и т. п. Термин «борьба» в русском языке традиционно применяется в тех областях человеческой деятельности, где доминируют отношения конфликта, противоборства, противодействия, столкновения интересов сторон. Термин «противодействие преступности», как правило, применяется как синоним борьбы с ней. Полагаем, что по своему содержанию (смыслу) оба понятия фактически идентичны, так как там, где есть борьба, есть и противодействие и наоборот.

Несмотря на кажущуюся простоту, вопрос имеет весьма важное научно-практическое значение. Именно поэтому в концептуальном криминологическом плане, а также на стратегическом уровне государственной политики применение термина «борьба с преступностью» видится нам бесперспективным. По нашему глубокому убеждению, борьба с преступностью как стратегическое направление государственной политики может дать лишь временный внешний результат, обусловленный, главным образом, степенью жесткости репрессивных мер. В общественном и индивидуальном сознании борьба с преступностью ассоциируется с конкретными лицами, совершающими (совершившими) преступления, и субъективно направлена в основном на них. Таким образом, борьба одной части общества с другой сама по себе является условием, способствующим совершению преступлений, как ответной реакции на обоюдное насилие. Этот же фактор играет не последнюю роль в криминогенности сотрудников правоохранительных органов, поражении их иными социальными патологиями. Факты из новейшей мировой истории свидетельствуют, что ослабление репрессивных мер, ухудшение социально-экономической ситуации влечет за собой восстановление уровня преступности и даже ее рост. Победителей в такой борьбе быть не может. Если последовательно встать на позиции всеобщего диалектического метода, следует констатировать, что чем больше сил, средств, времени общество и государство тратят на борьбу с преступностью, тем крепче, жизнеспособнее она стано-

вится, тем шире распространяется. Говоря языком физики, угол падения равен углу отражения.

В контексте рассмотренных выше вопросов, интересны данные проведенного автором в январе – июле 2006 года опроса 375 жителей республики, которые официально не имеют и не имели судимости за совершение преступлений. Респондентам задавался только один вопрос: «Имеете ли Вы опыт совершения умышленных преступлений?». В необходимых случаях давались соответствующие пояснения, как правило, касавшиеся цели опроса и критериев отнесения деяний к категории умышленных преступлений. Подавляющее большинство опрошенных – 94,13 % (353 человека) – ответили утвердительно, не имели преступного опыта 5,87 % (22 человека). Какая-либо иная информация о личности опрашиваемых не фиксировалась. Полагаем, что данные показатели иллюстрируют общую тенденцию диалектики общества и преступности.

Автор не отрицает существования отношений борьбы, противоборства, конфликта при совершении, предупреждении, раскрытии подавляющего большинства преступлений. Но это тактический либо обыденно-бытовой уровень мышления и подход к проблеме. На стратегическом уровне эти же отношения должны оцениваться иначе. Лица, совершившие противоправные деяния, сознательно или нет вступили в конфликт с другими людьми, обществом, государством. По сути, этот конфликт уже был у них и в обществе, зрел некоторое время. Совершение преступления – своеобразный выход наружу внутреннего конфликта, одно из его проявлений вовне. Но общество и государство не могут и не должны становиться на одну позицию с лицами, преступившими уголовный закон, в плане поддержания предлагаемой ими модели отношений (борьба, противодействие, конфликт). Наоборот, стратегическая задача государственной политики и обеспечивающих ее научных исследований заключается в нормализации, достижении гармонии общественных отношений, в том числе нарушенных совершением преступлений. Такой подход обусловлен и действующим уголовным законом.

Термин «борьба с преступностью» объективно присущ отношениям, возникающим при предупреждении и раскрытии конкретных преступлений, т. е. на тактическом уровне реализации государственной политики. Именно на этом уровне сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с реальным противодействием преступников, вплоть до физической борьбы на уничтожение. Именно здесь проявляется реальный конфликт участников этих специфических общественных отношений. В теоретическом плане данный термин наиболее соответствует таким наукам, как криминалистика, оперативно-розыскная деятельность. Для криминологии как цель государственной политики воздействия на преступность, как основа модели общественного сознания более приемлемым представляется термин «предупреждение» или «профилактика преступности». Предупреждение включает и раскрытие преступлений как общепревентивное средство. Криминология рассматривается нами как фундаментальная, базисная юридическая наука, исследующая закономерности общественных отношений и индивидуального поведения, связанные с совершением (возможностью совершения) преступлений, с целью выработки системы рекомендаций по предупреждению противоправных деяний и оздоровлению криминогенной ситуации.

Для позитивной динамики криминологии как фундаментальной юридической дисциплины крайне важным является вопрос о разработке стратегических направлений (путей) профилактики преступности, а также средствах и состоянии их практической реализации.

В Беларуси начиная с 1999 года было принято несколько Государственных программ по усилению борьбы с преступностью сроком действия 1,5–2,5 года, которые по своему назначению призваны выполнять роль соответствующих национальных стратегий. Изучение содержания данных документов позволяет говорить о недостаточно высоком уровне их научной проработанности как по форме (структурно), так и по содержанию. Все принятые программы содержат весьма схожие положения в отношении обозначенных целей, задач, предлагаемых путей и способов воздействия на



преступность, типовой является и внутренняя структура документов. По своему содержанию они относятся, скорее, к категории планов, нежели программ. Во-первых, на наш взгляд, отсутствует комплексное концептуальное видение объекта воздействия, т. е. преступности и связанных с ней социальных патологий. Во-вторых, следовало четко сформулировать (конкретную, реальную) цель государственной политики, а также соотнесенных с ней подцелей (задач), которые будут достигнуты в результате выполнения мер программного документа. В-третьих, структурно принятые программы состоят из блоков мероприятий, выделенных по критерию их содержания. Думается, что данный критерий не способствует должной систематизации запланированных мер, восприятию содержания программы как единого целого. Более эффективным представляется выделение общих (базовых) мероприятий, а также отдельных видов мероприятий по признаку решаемой с их помощью задачи. Например, меры по совершенствованию организации и тактики раскрытия совершаемых и совершенных преступлений, меры по предупреждению преступности несовершеннолетних.

В Программе на 2006–2010 годы имеется раздел, выделенный по признаку решаемой типовой задачи, – это меры реабилитации и социальной поддержки лиц, освобождаемых из мест лишения свободы. Важно, что оптимальная структура программы может быть достигнута лишь в случае решения первых двух проблем. В-четвертых, многие мероприятия вышеуказанных программных документов неконкретны и отражают скорее типовые задачи (функции) соответствующих исполнителей, чем конкретные системы действий (мероприятия). В-пятых, в программных документах такого уровня целесообразно предусматривать систему критериев оценки результатов выполнения запланированных мероприятий. Эта система может включать в себя две группы критериев: сформулированные в преамбуле в виде конкретной цели и задач программы; сформулированные для каждого вида и конкретного мероприятия как результат их реализации. Эти критерии будут способствовать конкретизации стратегического плана, а также облегчат вы-

полнение управленческих функций. Не просматривается также взаимосвязь вновь принятой программы с предыдущей.

Указанные недостатки свидетельствуют о существовании проблемы в области научных исследований вопросов предупреждения преступности, взаимодействия науки и практики, внедрения существующих научных разработок, в том числе по технологии подготовки нормативных документов. В связи с этим представляется необходимым кратко обозначить перспективные, на наш взгляд, стратегические направления предупреждения преступности в обществе.

Идеологическое направление включает комплекс общегосударственных мер по разработке и пропаганде системы идей и ценностей, являющихся путеводными ориентирами в жизни каждого человека в отдельности и общества в целом, нацеленных на предупреждение преступности. Крайне важно, чтобы государственная идеология строилась на потребностях каждого индивидуума не только в материальных благах, но и его духовного развития, совершенствования, трансформации. Идеология должна дать модель человеческого развития в данном обществе. Принципиальным моментом является определение цели (смысла) человеческой жизни. Незнание («потеря») смысла жизни – это не только одна из детерминант индивидуального преступного поведения, но и причина многих социальных патологий, а также показатель эффективности развития общества.

Педагогическое направление мы рассматриваем в качестве способа обеспечения (способствования) осознания каждым человеком стратегических целей и задач его жизни, а также развития общества под углом зрения предупреждения преступности. По сути, это комплекс мер по трансформации, развитию каждой человеческой личности в максимально полезном для нее и общества ракурсе. Важнейшей задачей этого направления является повышение осознанности жизни каждого человека, постепенное увеличение степени контроля сознания людей за своей жизнью, принимаемыми решениями, действиями. Приоритетное место принадлежит воспитательной работе с детьми и молодежью.

Именно в работе с этой категорией граждан решается вопрос будущего страны, степени ее пораженности преступностью и другими патологиями.

Социально-экономическое направление предупреждения преступности включает комплекс мер по устранению противоречий, способствующих росту преступности, а также обеспечению мер, реализующих иные направления. Речь идет и о гарантиях достойного прожиточного минимума, и об обеспеченности жильем, и о доступности образования, и о местах отдыха и т. д. Это многоуровневая социально-экономическая политика государства, ориентированная на преодоление соответствующих противоречий.

Правовое направление призвано обеспечить, во-первых, формирование адекватных (справедливых) критериев оценки поведения людей с позиций их криминогенности, во-вторых, максимально эффективную уголовную и уголовно-исполнительную политику государства, а также иные средства и методы на долгосрочную перспективу. Правовое направление нормативно закрепляет весь комплекс мероприятий по предупреждению преступности.

Криминалистическое направление представляет собой комплекс мер, направленных на пресечение готовящихся, совершаемых преступлений, своевременное и полное раскрытие совершенных и в конечном итоге обеспечение неотвратимости наказания за содеянное. В правовом аспекте это сфера уголовного судопроизводства и некоторых иных отраслей законодательства, например оперативно-розыскного, административного. Именно к данному направлению наиболее применим термин «борьба с преступностью», поскольку здесь уполномоченные субъекты и иные лица сталкиваются с реальным противодействием преступников, вплоть до физического конфликта. Но даже в этом случае термин «борьба с преступностью» сохраняет известную степень условности. Имеется в виду внутреннее «неконфликтное» отношение сотрудников правоохранительных органов к выполнению своих служебных обязанностей, к лицам, совершающим и совершившим преступления.

В заключение сделаем некоторые выводы:

- важнейшей задачей становления национальной научной школы криминологии является разработка новой базовой методологии (общей концепции) исследования преступности и мер воздействия на нее. Существующая исследовательская парадигма фактически дублирует основные положения методологии советской школы правоведения, что не соответствует изменившимся условиям жизни общества и стратегическим задачам его развития;
- преступность представляет собой неотъемлемую часть человеческого общества, отражающую существующие противоречия в его развитии, одновременно содержащую информацию о путях и средствах их разрешения;
- генезис индивидуального преступного поведения в методологическом плане следует рассматривать в двух аспектах. Во-первых, как результат психической и внешне-предметной деятельности индивида, в результате которой осознанно или нет он создает соответствующую криминогенную, а в последующем и криминальную ситуацию, «центром» которой сам является.

Во-вторых, традиционно, как результат взаимодействия индивида с внешней средой (конкретной жизненной ситуацией). Аналогичный подход представляется правомерным и при исследовании генезиса поведения потерпевшего;

- в настоящее время концептуальное, стратегическое отношение ученых и практиков к проблеме преступности выражается термином «борьба», который традиционно применяется в тех областях человеческой деятельности, где доминируют отношения конфликта, противодействия, столкновения интересов сторон. Его использование на данном уровне видится малопродуктивным, так как по сути это борьба (подавление, противоборство) одной части общества с другой, которая в конечном итоге приводит к усилению подавляемого явления. Термин «борьба» объективно присущ тактическому уровню воздействия на преступность, где осуществляются непосредственные

меры по предупреждению и раскрытию конкретных преступлений. В концептуальном, методологическом плане, как стратегическая цель государственной политики более приемлемым является термин «предупреждение преступности»;

- важнейшими стратегическими направлениями государственной политики предупреждения преступности являются: идеологическое, педагогическое, социально-экономическое, правовое, криминалистическое.

*Впервые материал опубликован: Юстыця Беларусі. – 2006. – № 11. – С. 20–24.*

## **ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Исторически сложилось, что проблематика воспитания человеческих существ является одной из центральных как в различных светских научных дисциплинах, так и в теологических, эзотерических доктринах различной направленности. Даже поверхностный анализ основных религиозных, философских, политико-правовых учений прошлого и современности свидетельствует, что все они имеют конечной целью создать у людей определенную модель мира, его различных частей, сформировать систему идей и принципов, служащих критериями оценки жизненных ситуаций и принятия решений, объяснить цели и задачи жизнедеятельности человека, существования общества, государства и права и т. д. По сути, все это составляет содержание процесса воспитания человека в широком смысле этого понятия (его социализации, внутренней трансформации), который понимается автором как целенаправленное воздействие на индивида с целью формирования определенной совокупности качеств личности, обеспечивающей его гармоничное существование в человеческом обществе.

В зависимости от особенностей, формируемых качеств личности, предмета, субъектов и объектов воспитательного процесса, его целей и задач и иных критериев принято выделять различные виды воспитания, например нравственное, правовое, эстетическое, половое, профессиональное и др. Следует оговориться, что сама по себе любая классификация (выделение названных и иных видов воспитания человека) в значительной степени условна и отражает различные грани единого процесса управления развитием человеческой личности, всей системы индивида на пути от рождения до смерти. В связи с этим проблемы правового воспитания молодежи следует рассматривать как составную часть проблематики социального воспитания в целом, обусловленную спецификой объекта (молодежь) и предмета (право) воспитательного процесса.

Актуальность проблемы воспитания молодежи в целом и ее правового воспитания в частности трудно переоценить. Она обусловлена универсальным законом эволюции, развития живой природы. Аксиоматично, что молодежь обуславливает будущее конкретного социума, выражает его комплексный потенциал, способность к развитию (эволюции) либо, наоборот, направленность к деградации, стагнации эволюционных процессов. Права Я. С. Яскевич, которая пишет, что молодежь – это стратегический резерв любой страны, самая активная и в то же время наиболее уязвимая часть общества [2]. Таким образом, очевидно, что типичной стратегической задачей любого общества является улучшение комплексных характеристик подрастающего поколения, которое должно быть хотя бы чуточку впереди, хоть чуть-чуть, но лучше своих отцов и матерей. Образно говоря, если общество представить в виде дерева, то молодежь – это его зародившиеся, развивающиеся корни. Каким будет дерево – зависит от корней, каким станет общество – зависит от молодежи. Итак, стратегически, с социальных позиций процесс воспитания молодежи и его правовая составляющая есть не что иное, как создание фундамента будущего общества, своеобразная программа его развития в общесоциальном и правовом плане.

Для того чтобы процесс воспитания был эффективным, первое, что следует иметь в виду, – это особенности объекта воздействия, т. е. молодежи. Старшее поколение – люди более самостоятельно в биологическом и социально-правовом плане реализующие свой эволюционный потенциал на различных ступенях общественной и государственной иерархии. Они относительно свободны в выборе путей и способов проживания своей жизни, обладают всей полнотой правосубъектности, внешнего волеизъявления, вариантов дозволенного поведения. Молодежь – это часть общества, которая в силу объективного возрастного критерия зависима от старшего поколения людей, в первую очередь своих отцов, матерей, близких. Такая зависимость имеет комплексный, тотальный характер. Это означает объективную потребность молодых людей в получении защиты со стороны старшего

поколения от вызовов и угроз реальной жизни, а также получении соответствующего обучения и воспитания с их стороны, т. е. приобретения знаний, умений, навыков ведения самостоятельной жизни, готовности принятия ответственности за персональные судьбы и в перспективе за судьбу всего общества. В силу глубоких психофизиологических особенностей личности правовой статус большей части молодежи (в первую очередь не достигшей совершеннолетия) является несколько усеченным в сравнении со старшими людьми. Имеются в виду общепреventивные ограничения дееспособности несовершеннолетних лиц, например права на покупку спиртных и табачных изделий, трудовой деятельности и т. д. Это обусловлено в первую очередь необходимостью защиты молодых людей от негативных жизненных факторов, представляющих угрозу их физическому и психическому развитию.

Другой объективной характеристикой молодежи является глубинное желание приобретения молодыми людьми нового опыта, желание попробовать, испытать на себе многочисленные вызовы и соблазны внешнего мира. Вот что пишет по этому поводу известный индийский философ П. Раджагопалачари: «...на молодежи лежит большая ответственность – не перед другими, а перед ними самими – исследовать все, чему учит их современное общество, в том числе их семья и родители» [3]. Иными словами, речь идет о эмпирически-познавательной функции подрастающего поколения, которое эволюционно генетически нацелено на обретение нового опыта, новых знаний, приращение уровня человеческого познания в целом. Это социально позитивная особенность, однако, как и каждое иное явление (процесс), оно содержит в себе и свою противоположность. В этом плане молодежь наиболее наглядно выражает общую тенденцию человеческих существ к получению удовольствия, наслаждения, комфорта. Это опасная тенденция, так как неконтролируемое стремление к получению удовольствия, не ограниченное внутренними и внешними рамками, разрушает индивидуумов и общество. Ее проявлением выступают различного рода социальные проблемы, препятствующие



щие нормальному функционированию социума (алкоголизм, наркомания, морально-нравственная распущенность, склонность к азартным играм и т. д.). Потакание собственным (эгоистичным) желаниям сверх меры, стремление к постоянному получению наслаждения, безудержный рост личных потребностей и потребления, иные подобные тенденции современного общества наиболее губительно сказываются на молодежи, являются источником разочарования и страданий в более зрелом возрасте. К сожалению, именно эти процессы преобладают в мировоззренческой модели так называемого индустриального общества, где безудержный рост потребления является основным двигателем рыночной экономики. Негативные последствия этой идеологии потребления для человечества в целом наглядно прослеживаются на примере нынешнего финансово-экономического кризиса и возможных сценариев развития человеческой цивилизации. В связи с этим следует подчеркнуть, что воспитание молодежи (в том числе правовое) – объективно необходимая общественная потребность, средство преодоления деструктивных тенденций в индивидуальном и общественном сознании, переориентации общества на иные ориентиры, обеспечивающие гармоничное развитие.

И наконец, в качестве существенной особенности молодежи, имеющей значение для воспитательного процесса, следует назвать ее обостренное чувство справедливости, честности. Иначе говоря, различные социальные противоречия, которые привычны, обыденны для взрослых, могут больно ранить, травмировать психику молодых людей. Например, грубость и безразличие со стороны должностных лиц, педагогов, просто взрослых в различных жизненных ситуациях, ошибки в правоприменении по делам, касающимся подростков, и т. д.

Правовое воспитание в целом имеет своей целью формирование правосознания индивида в нужном для общества направлении. В теории права правосознание понимается в качестве одной из форм общественного сознания, представляющей собой систему правовых взглядов, идей, представ-

лений, убеждений, чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, общества к существующему и желаемому праву, правовым явлениям, поведению людей [1]. Таким образом, воспитание является способом воздействия на правосознание, на процесс его зарождения, становления и развития.

Правовое воспитание молодежи – это комплексный многоуровневый процесс формирования индивидуального и группового сознания подрастающего поколения в соответствии со стратегическими целями и задачами общества, системой общественных отношений и нормами, их регулируемыми, закрепленными в действующем законодательстве, культурными традициями, морально-нравственными нормами, чувствами и потребностями членов общества. Цель правового воспитания – обеспечение принятия сознанием субъекта совокупности действующих нормативных предписаний, получение достаточных навыков их выполнения в реальной жизни, профилактика возможных правонарушений. Правовое воспитание является частью процесса социального воспитания, цель которого – формирование гармонично развитой личности.

Абстрагируясь от многих педагогических особенностей данного процесса, отметим, что основным методом правового воспитания молодежи следует считать личный пример со стороны старшего поколения. Именно личный пример проживания жизни в соответствии с нормами права, их фактическое соблюдение, а не внешнее формальное следование закону обеспечивает максимальный педагогический эффект. Речь идет, во-первых, о формальном выполнении старшим поколением требований законодательства и, во-вторых, о внутреннем уважении к закону, наличии внутренней потребности его соблюдения. Второй аспект особенно важен в плане воспитания молодых людей. Закон можно соблюдать, но при этом негативно к нему относиться. В такой ситуации воспитание будет иметь негативную направленность. Родители (иные авторитетные для молодого человека люди) могут не нарушать определенные правовые предписания, например сугубо из страха перед наказанием, и одновременно внутренне негативно к ним относиться.

В такой ситуации подросток, скорее всего, будет иметь такое же отношение к праву в целом либо к его отдельным институтам, нормам. Это пример негативного правового, псевдосоциального воспитания. При более детальном анализе данной ситуации мы обнаружим существование конфликта между двумя регуляторами поведения субъекта – морально-нравственными нормами и нормами права. В связи со сказанным следует кратко остановиться на принципах воспитательного процесса, важнейшим из которых является честность. Это означает в первую очередь искренность в общении субъектов воспитательного процесса. Молодежь очень хорошо чувствует фальшь, неискренность. Честность проявляется, во-первых, в точном следовании нормативным предписаниям со стороны всех субъектов воспитательного воздействия и, во-вторых, в информации о соответствии действующих нормативных предписаний и практики их применения реальным общественным отношениям, жизни общества. Весьма важным элементом в системе правового воспитания молодежи является характеристика правовой системы, состояние действующего законодательства и правоприменения, а также правовой культуры общества. В этом плане отметим крайне важную роль государств в реализации принципов законности, гуманности, социальной справедливости и стабильности законодательства и правоприменительной практики. Например, частые изменения нормативных предписаний, характерные для нынешней белорусской правовой реальности, иногда дезориентируют даже опытных юристов-профессионалов, что тогда можно говорить о правосознании молодежи?

В прикладном плане правовое воспитание должно обеспечить подрастающему поколению возможность бесконфликтного (с позиций права) участия во всем многообразии общественных отношений в настоящем и будущем, т. е. создать систему ориентиров должного, правомерного поведения. Однако это реально выполнимо только при наличии гармоничной взаимосвязи на субъективном и социальном уровне двух регулятивных систем – морали и права.

Феномен моральных норм заключается в том, что они далеко не всегда осознаются субъектом, их применяющим. Иными словами, каждый человек в той или иной мере руководствуется моралью в своем поведении, но далеко не каждый осознает, понимает те конкретные моральные критерии, которыми руководствуется. Моральная регуляция как бы изначально включена в психику человека, основные моральные ценности впитываются ребенком с молоком матери. Не будет преувеличением сказать, что явление морали всеобъемлюще, оно охватывает всех индивидуумов, социальные группы и слои, общество. В регулятивном плане мораль первична по отношению к праву, предшествовала последнему. Здесь не обязателен государственный и даже общественный контроль. Механизм моральной регуляции прост и понятен: «поступай по отношению к другому так, как ты хочешь, чтобы поступали по отношению к тебе». Все, что человек несет в этот мир, возвращается к нему из других источников.

Право как совокупность общеобязательных нормативных предписаний различной степени абстракции представляет собой своеобразные информационные модели поведения его субъектов.

В этом плане право формально, мертво. Мораль является выражением внутренней сущности человека, перманентно присуща ему. Нормы морали всегда живы, пока жив хоть один человек. Именно такой подход характерен для нравственной школы права о том, что мораль предопределяет право, придает ему разумность и гармоничность.

Допуская определенную условность, можно заключить, что молодежь в силу своего возраста, психофизиологических особенностей более восприимчива к морально-нравственным, чем правовым нормам, склонна руководствоваться в первую очередь ими в своих поступках. Это обусловлено также элементарной правовой неграмотностью и сложностью самого предмета, т. е. действующего законодательства. Отсюда крайне важное значение имеет вопрос о соотношении действующих правовых норм и норм общественной морали.

Можно с уверенностью заключить, что правовое воспитание молодежи существенно облегчается на всех уровнях (индивидуальном, групповом, национальном), если действующее законодательство стабильно соответствует базовым нормам морали. Для этого необходимо, чтобы моральные нормы были: 1) определены на государственном уровне и реально поддерживались большинством членов общества; 2) непосредственно реализованы в конституции и законах; 3) задействованы в качестве приоритетного элемента в механизме принятия правовых решений различной степени общности; 4) стабильными (не подлежали изменению) на протяжении длительного периода; 5) приняты в качестве обязательных этических норм для служащих государственного аппарата всех уровней.

Такой подход обеспечивает преемственность и непрерывность правового воспитания подрастающего поколения: от закрепления в сознании ребенка элементарных моральных норм о добре и зле до формирования в юношеский период сложных психических взаимосвязей, закрепляющих социальную ценность правовых норм, их объективную необходимость и осознанную потребность субъекта руководствоваться последними в повседневной жизни.

Формирование системы моральных норм следует начинать с ответа на вопрос о предназначении человека как социально-биологического вида, цели и смысла человеческой жизни. Данная задача, как и повышение уровня морального сознания, крайне актуальна не только для молодежи, но и для всего населения страны, континента, планеты. В этом случае есть все шансы получить устойчивые нравственные основы жизнедеятельности человека и общества, а также соответствующую им систему правовых предписаний. Думается, что нынешняя модель развития человеческой цивилизации, глобально ориентированная на стимулирование роста потребления всех ресурсов планеты, внутренне и внешне противоречива, мало соответствует базовым моральным ценностям, является источником многих проблем и разочарований людей в прожитой жизни. Именно поэтому характерными проблемами развитых капиталистических стран,

а также иных принявших мировоззрение общества потребления являются рост наркомании, алкоголизма, суицида, сексуальных извращений, немотивированного насилия и т. д. Более всего восприимчивы к указанным и иным социальным проблемам молодые люди. Республика Беларусь все активнее включается в мировые интеграционные процессы, получая наряду с технологическими новациями социальные проблемы западных стран. Именно поэтому создание системы морального права (морализация существующего права и правоприменительной практики) является объективной потребностью эволюции общества в целом и правового воспитания молодежи в частности. Пробуждение морального сознания молодежи, т. е. формирование осознанного использования моральных норм в жизни, рост морального сознания (в первую очередь за счет воспитания) – основа правового воспитания и стратегического совершенствования всей правовой системы. В свою очередь, скорректированные в соответствии с моральными нормами правовые предписания способствуют укреплению морального и правового сознания и являются внутренне устойчивыми и гармоничными.

К сожалению, нынешнее белорусское законодательство далеко от совершенства, что не способствует эффективному правовому воспитанию молодежи. Основными проблемами действующего законодательства являются: большое число нормативных правовых актов и устойчивая тенденция к их увеличению; его противоречивость; высокая степень динамичности, постоянные изменения и дополнения действующего законодательства; неоправданно большое количество запретов, ограничений и специальных процедур (бюрократизация права); наличие противоречий между принципами права, отдельными правовыми нормами, правовыми институтами и практикой правоприменения; низкая степень участия юридической общественности и населения в правотворческом процессе. Эти и некоторые иные вопросы затрудняют изучение и восприятие права молодежью как объективно необходимого справедливого явления, непосредственное ис-

пользование правовых предписаний в реальной жизни является одним из источников внутренних противоречий личности, ее жизненных проблем.

На основе изложенного можно сделать следующие выводы:

правовое воспитание молодежи является частью (гранью) единого процесса социального воспитания, выделенной в соответствии со спецификой его объекта и предмета. Оно представляет собой комплексный многоуровневый процесс формирования индивидуального и группового сознания подрастающего поколения в соответствии со стратегическими целями и задачами общества, системой общественных отношений и нормами, их регулирующими, закрепленными в действующем законодательстве, культурными традициями, морально-нравственными нормами, чувствами и потребностями членов общества; актуальность правового воспитания молодежи обусловлена краеугольной ролью подрастающего поколения в обеспечении эволюционного развития социума в целом и его государственно-правовой настройки в частности;

специфическими характеристиками молодежи, имеющими значение для ее правового воспитания, являются: объективная зависимость от старшего поколения, необходимость покровительства и защиты, а также эффективного обучения и воспитания; глубинное желание получения нового жизненного опыта, опробования многочисленных вызовов и соблазнов взрослой жизни; обостренное чувство справедливости, честности; регулятивный приоритет моральных норм над правовыми;

основным методом правового воспитания молодежи является личный пример проживания жизни в соответствии с духом и буквой закона со стороны старшего поколения, основным принципом – честность, искренность в коммуникациях субъектов воспитательного процесса; результат правового воспитания молодежи напрямую зависит от состояния системы права, действующего законодательства и в первую очередь от степени соответствия правовых норм нормам морали.

### **Список использованных источников**

1. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский. – Минск : Тесей, 1998.
2. Яскевич, Я. С. Правовое и нравственное воспитание современной молодежи в меняющемся мире: мировоззренческо-идеологические основы : материалы науч-практ. конф. «Проблемы нравственно-правового воспитания молодежи в Республике Беларусь» / Я. С. Яскевич. – Бобруйск, 2006.
3. Heart Speak. Talks by Shri P. Rajagopalachari. – Chennai, 2004. – Vol. 2.

*Впервые материал опубликован:* Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2010. – № 1. – С. 207–211.



## АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Одной из наиболее противоречивых новелл отечественного законодательства последнего времени являются нормы Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), посвященные административной ответственности юридических лиц. Для ученого эти нормы представляют собой классический пример игнорирования законодателем не только базовых положений юридической теории, но и внутренней логики норм КоАП. В теоретическом плане указанные нормы знаменуют собой углубление кризиса методологии отечественной юриспруденции и дальнейшее нарастание несоответствия между изменившимися социально-экономическими условиями жизни общества и нормативными предписаниями, их регулируемыми, а также теории юридической науки. Ущербность положений КоАП об административной ответственности юридических лиц в определенной мере обусловлена методологическими изъянами в понимании категории «вина» и ее нормативном закреплении в уголовном законе. Анализ этой проблемы был посвящен один из предыдущих очерков.

Наиболее важный момент заключается в наличии принципиального методологического противоречия между закрепленным в КоАП принципом виновной ответственности (ст. 1.4, 2.1, 4.1 и др.) и нормами, посвященными вине юридического лица как субъекта административного правонарушения и административной ответственности. Так, согласно ст. 3.5 «Вина юридического лица» КоАП юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что им не соблюдены нормы (правила), за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, и данным лицом не были приняты все меры по их соблюдению. Уже первичный (поверхностный) анализ данной нормы показывает, что вина юридического лица как правовое и социаль-

ное явление понимается законодателем иначе, чем вина физического лица (ст. 3.1 КоАП). Если под виной физического лица традиционно для правовой науки и нормативной практики КоАП понимает психическое отношение физического лица к совершенному им противоправному деянию, то вина юридического лица обуславливается соблюдением (принятием всех мер по соблюдению) им комплекса охраняемых административным законом норм и правил. Таким образом, если в первом случае вина трактуется законодателем как субъективное явление, то во втором – как объективное. Такое понимание вины юридического лица еще на этапе подготовки нынешней редакции ст. 3.5 КоАП было подвергнуто обоснованной критике А. Н. Крамником, который в своих рассуждениях исходит из ряда тезисов. Во-первых, юридическое лицо как таковое не в состоянии совершить противоправных действий, нарушить соответствующие нормы (правила). Во-вторых, вина юридического лица может проявиться только через деяние, виновно совершенное должностным лицом либо иным работником при исполнении своих служебных обязанностей. В-третьих, правонарушение должно приносить выгоду субъекту хозяйствования. В-четвертых, должно быть проявлено позитивное отношение органа юридического лица к содеянному. Таким образом, субъектом административного правонарушения в этом случае выступает сотрудник юридического лица, юридическое же лицо является субъектом административной ответственности [2, с. 104–106]. Именно данный подход лежал в основе действовавшей ранее редакции ст. 3.5 КоАП. В целом такая теоретико-правовая конструкция, обеспечивающая административную ответственность юридических лиц через виновные противоправные деяния их сотрудников, по всем критериям выглядит гораздо предпочтительнее ныне действующей нормы. Анализируя содержание ныне действующей ст. 3.5 КоАП, А. Н. Крамник приходит к выводу, что «...предлагаемое определение утверждает основанием административной ответственности юридического лица просто противоправное его поведение, выражающееся в нарушении необозначенных правил и норм,

а следовательно, объективное вменение» [2, с. 105]. Понимая озабоченность автора, нельзя принять его точку зрения с позиции методологии вопроса. Объективное вменение как теоретико-правовое и фактическое явление вообще не предполагает наличия вины для наступления юридической ответственности. Вина в данном случае является второстепенным обстоятельством, на которое можно не обращать внимания. Главное – это факт нарушения охраняемых законом отношений. Здесь действует принцип: «есть вина – хорошо, нет вины, но есть нарушение – все равно накажем», поэтому говорить об объективном вменении в случае, когда в качестве условия наступления юридической ответственности нормативно закреплена вина нарушителя, не представляется возможным. Другое дело, что норма ст. 3.5 КоАП построена таким образом, что установление вины субъекта административной ответственности превращается в пустую формальность. В этом плане есть все основания констатировать наличие признаков объективного вменения в содержании действующей административной практики в отношении юридических лиц. Причиной такого положения служит весьма специфическая трактовка вины юридического лица, главным признаком которой является факт нарушения охраняемых норм и правил. Отметим, что в отечественной литературе высказывается и иная точка зрения, по сути, в поддержку существующей конструкции института административной ответственности юридического лица [1, с. 58–61].

Складывается впечатление, что принятие ныне действующей редакции ст. 3.5 КоАП и ряда иных норм произошло под влиянием сугубо прикладных подходов к проблеме, обеспечивающих максимально быстрое применение норм административного законодательства к юридическому лицу – нарушителю, без ее достаточной теоретической проработки. Именно этим можно объяснить значительное количество спорных и противоречивых моментов, возникающих при практической реализации института административной ответственности юридического лица. Подлежит ли административной ответственности юридическое лицо в случае, если

противоправное деяние было совершено его должностным лицом в невменяемом состоянии? Каким требованиям должно отвечать юридическое лицо как субъект правонарушения? На эти и другие вопросы действующее законодательство не дает ответа. Однозначно, что механический перенос нормативных положений о вине физического лица применительно к лицу юридическому контрпродуктивен.

Нельзя отрицать существование объективных фактов, когда в силу ряда причин должностные лица и иные сотрудники субъектов хозяйствования нарушают те или иные установленные законодательством нормы и правила в связи с деятельностью этих юридических лиц. Причем возникающие при этом вредные последствия в моральном и материальном выражении могут быть весьма высокими, например при совершении экологических административных правонарушений. В подобных ситуациях закономерно встает вопрос о возможной ответственности юридического лица как субъекта хозяйствования, деятельность которого привела к наступившим общественно опасным последствиям. До введения в действие КоАП 2003 г. ответственность за причинение вреда в подобных случаях наступала, как правило, в гражданско-правовом порядке. Теперь наряду с возможностью гражданско-правовой ответственности за причинение вреда юридическое лицо, а в отдельных случаях и его должностные лица могут быть подвергнуты и административной ответственности.

Можно предположить, что в связи с активизацией хозяйственной деятельности в республике, частичным переходом к рыночным экономическим механизмам, развитием многоукладной экономики возникла комплексная задача усиления государственного влияния на субъекты хозяйствования, повышения правовой дисциплины, ужесточения ответственности хозяйствующих субъектов и т. д. Одним из средств ее решения была избрана административная ответственность юридических лиц, причем в весьма специфическом, усеченном по сравнению с обычной административной ответственностью виде. Речь идет о существовавшей определенное время «экономической», «финансовой» ответвен-

ности, основанием наложения которой являлся факт нарушения нормы законодательства вне зависимости от наличия вины как таковой. Субъектами такой ответственности выступали как физические, так и юридические лица. Думается, что в настоящее время законодателем предпринята попытка совершенствования правового механизма административной ответственности за счет систематизации законодательных актов, повышения их качества, устранения внутренних и внешних противоречий и т. д. Именно под таким углом зрения, полагаем, следует рассматривать нормы КоАП об ответственности юридического лица. Но в таком случае введению нового правового института, затрагивающего в той или иной степени права и интересы большинства населения страны, должно предшествовать комплексное исследование проблемы по двум основным направлениям. Во-первых, теоретико-правовые изыскания, имеющие своей целью создание концепции юридической ответственности юридического лица и механизма ее реализации в национальной правовой науке и законодательстве. Иными словами, должно быть обеспечено гармоничное (бесконфликтное) внедрение новых теоретико-правовых конструкций в существующую теоретическую и правовую системы. Во-вторых, проведение исследований с целью определения социально-экономической полезности введения нового вида юридической ответственности на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Говоря о концептуальном видении проблемы административной ответственности юридического лица, следует остановиться на ряде принципиальных моментов. В методологическом плане использование категории «вина» применительно к административной ответственности юридического лица представляется неприемлемым. В основе категорий «вина» и «юридическое лицо» лежат принципиально разные объективные явления и процессы, что делает их совместную нормативную конструкцию внутренне и внешне противоречивой. По общему правилу вина действительно является необходимым элементом (условием) наступления не только административной, но и юридической ответственности.

сти в целом. Как категория правовой науки она выполняет функцию установления (проявления, выяснения) субъективного отношения человека, нарушившего те или иные нормативные предписания, к совершенному деянию, а также оценки его деяния с позиций нарушенных правовых норм компетентными государственными органами. Иными словами, категория вины выражает содержание связи между внутренним миром субъекта правонарушения и его внешним проявлением – противоправным наказуемым деянием. Именно поэтому вина в юридической науке определяется как психическое отношение лица (человека) к совершенному им противоправному деянию. Психическое означает внутреннее, душевное, то, что нельзя потрогать руками, но можно ощутить. Формы вины (умысел и неосторожность) в теории права также выделяются по психическому (внутреннему) критерию, которым выступают воля и интеллект правонарушителя, их направленность. Отметим, что воля (сила воли) как таковая не является каким-то абстрактным, умозрительным понятием, а служит для обозначения реальной психической энергии, которой пронизана вся жизнедеятельность человека. Таким образом, краеугольный признак вины как таковой – ее субъективная, внутренняя человеческая природа. С этих позиций категория «вина юридического лица» выглядит, мягко говоря, теоретически не обоснованной. Надо четко понять и представить, что если юридическая наука признает существование такого явления объективного мира, как вина юридического лица, то исследователи должны также признать существование таких явлений, как психика и воля юридического лица, т. е. коллективная психика и коллективная воля со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но в качестве мировоззренческих эти категории отрицаются подавляющим большинством представителей национальной науки. Следуя логике законодателя, признав существование вины юридического лица, мы должны быть готовы признать вину административно-территориальных образований, отдельных государств, государственных образований и т. д. Следуя этой же логике, правомерно вести речь о «невменяемости юридического лица» и прочих по-

добных вещах. Все это следует из нормы ст. 3.5 КоАП, если экстраполировать ее содержание на национальную правовую доктрину и законодательство в целом.

В силу сказанного представляется затруднительным даже теоретически говорить о возможности юридического лица совершить какие-либо виновные противоправные деяния и нести за них административную ответственность. И это не удивительно, так как понятие «юридическое лицо» имеет организационно-правовую природу, отражающую отношения в сфере гражданского оборота, а не административно-деликтивной. Согласно ч. 1 ст. 44 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество, несет самостоятельную ответственность по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, исполнять обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Юридическое лицо – организационно-правовая форма реализации деятельности человека, один из множества реальных и виртуальных способов и механизмов существования социума.

Согласно ч. 3 ст. 6.1 КоАП целью административного взыскания, налагаемого на юридическое лицо, является предупреждение совершения новых административных правонарушений. Любая цель, как известно, может быть представлена (разделена) одной или несколькими задачами. В этом плане предупреждение новых административных правонарушений со стороны конкретного юридического лица достигается путем применения к нему финансово-экономических лишений (ограничений). Финансово-экономическая болезненность (чувствительность) наложенного взыскания для деятельности юридического лица, по мнению законодателя, должна усилить общепреventивный эффект. Отметим, что все административно-правовые и иные санкции в отношении юридических лиц в конечном итоге имеют своей целью оказание предупредительного и иного воздействия

на людей, работающих в этих организациях либо иным способом влияющих на их деятельность (например, собственников). С позиций криминологии применение взыскания к юридическому лицу само по себе, за некоторым исключением, не имеет сколько-нибудь существенного превентивного значения, кроме как через сознание человека. Схематично механизм влияния административных санкций в отношении конкретной организации на физических лиц можно представить следующим образом. Наложение любого административного взыскания ухудшает общее финансово-экономическое положение предприятия, что соответственно ведет к ухудшению материального положения его работников и иных заинтересованных в его функционировании лиц (например, контрагентов, собственников и т. д.) вплоть до потери ими работы, источников существования в случае прекращения деятельности юридического лица – нарушителя. В зависимости от принятых мер по обеспечению административного процесса деятельность юридического лица может быть остановлена еще до вынесения решения по административному делу. Таким образом, у людей, имеющих производственно-финансовые отношения с организацией – субъектом административной ответственности, формируется страх наступления неблагоприятных материальных и моральных последствий (лишений) в случае наложения административного взыскания. Это понятно, если лишениям подвергается виновное физическое лицо – нарушитель закона, но согласно ст. 3.5 КоАП вина юридического лица обусловлена только несоблюдением норм-правил, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, и неприятием всех мер по их соблюдению. Таким образом, в случае наложения административного взыскания на юридическое лицо его негативные последствия в подавляющем большинстве случаев скажутся не только на виновных в правонарушении сотрудниках, но и на законопослушных людях. Материальные и моральные лишения понесут и работники юридического лица, добросовестно выполняющие свои служебные и гражданские обязанности, а также члены их семей. С высокой степенью



вероятности можно предположить, что негативные последствия административного взыскания ощутят на себе и иные юридические и физические лица, имеющие хозяйственные отношения с «нарушителем», например его контрагенты по договорам. На данное обстоятельство применительно к уголовной ответственности юридических лиц обращает внимание А. И. Лукашов [3, с. 38–39]. Таким образом, на наш взгляд, нынешний правовой механизм административной ответственности юридического лица создает реальную угрозу нарушения и медленной девальвации не только институциональных и отраслевых правовых начал, но и фундаментальных, системообразующих принципов права, таких как гуманизм, социальная направленность, демократизм и т. д. Следует констатировать, что в существующем виде институт административной ответственности юридического лица противоречит задачам КоАП в части обеспечения защиты человека, его прав и свобод, законных интересов, прав и свобод юридических лиц (ч. 1 ст. 1.2 КоАП), а также общим принципам правовой системы.

Следующим аргументом, ставящим под сомнение целесообразность существования института административной ответственности юридического лица в настоящее время, является многочисленность, сложность и противоречивость различных норм и правил, обязательных для исполнения субъектом хозяйствования. В таких условиях для субъекта хозяйствования велик риск оказаться подвергнутым административной ответственности по причине элементарного незнания его сотрудниками действующего комплекса норм и правил.

Характерным примером в этом плане является предпринимательское и налоговое законодательство. Несмотря на то что в последнее время предпринимаются попытки упростить сложившуюся систему правового регулирования предпринимательской деятельности, они пока не принесли ощутимого результата. Подавляющее большинство ученых и практиков придерживаются мнения, согласно которому система действующего хозяйственного законодательства громоздка и сложна. Так, по разным оценкам, ее составляют

от 25 до 35 тыс. различных нормативных правовых актов. Несмотря на такой внушительный объем, хозяйственное законодательство отличается нестабильностью, фрагментарностью, наличием правовых пробелов, внутренней и внешней противоречивостью. Законы в его структуре имеют незначительный удельный вес, преобладают различного рода подзаконные нормативные правовые акты. Результаты проводимой по кодификации хозяйственного законодательства работы, принятию специальных законов прямого действия в практической деятельности нивелируются многочисленными нормативными актами органов управления. Например, Положение о порядке формирования и применения цен и тарифов, утвержденное постановлением Министерства экономики Республики Беларусь от 22 апреля 1999 г. № 43, устанавливает предельные размеры оптовой и торговой надбавок для всех юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Такое тотальное регулирование ценообразования в предпринимательской деятельности противоречит ее смыслу, конституционному принципу свободы предпринимательства, принципу свободы договора, рыночным правилам ценообразования. Пределы оптовой или торговой надбавки не стимулируют развития предпринимательства.

В криминологическом плане они способствуют появлению противоправных, так называемых черных и серых, схем организации бизнеса. В совокупности с действующими правилами налогообложения эти ограничения сводят к минимуму легально возможную чистую прибыль предприятия. Таким образом, перед предпринимателем встает альтернатива: либо свернуть свою деятельность, либо встать на путь нарушения законодательства со всеми вытекающими последствиями. Нестабильность хозяйственного законодательства характеризует тот факт, что данное Положение с момента ввода в действие в 1999 г. изменялось и дополнялось 20 раз.

Таким образом, налицо существование серьезной теоретико-прикладной проблемы – проблемы правового регулирования хозяйственной деятельности, которая выражается в большом количестве действующих нормативных актов и их достаточно низком качестве. Это правовое явление обус-

ловливает совершение основной массы так называемых предпринимательских, налоговых, таможенных (в том числе коррупционных) и некоторых иных видов административных правонарушений, а также соответствующих преступлений.

Характерными в этом плане являются данные проведенного автором в мае – августе 2006 г. опроса 50 директоров и главных бухгалтеров предприятий различных форм собственности. Респондентам задавался вопрос: может ли активно работать предприятие без нарушений законодательства, регулирующего хозяйственную деятельность? Отрицательно ответили 100 % опрошенных. Основными причинами такого положения 90 % руководителей видят запутанность, противоречивость и быструю изменчивость существующего законодательства. По сути, аналогичный результат был получен автором в ходе экспертной оценки возможности соблюдения законности в хозяйственной деятельности. В качестве экспертов выступили бывшие и действующие сотрудники Департамента финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, службы борьбы с экономическими преступлениями МВД Республики Беларусь и инспекций по налогам и сборам Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь со стажем работы свыше трех лет. Из 50 экспертов на аналогичный вопрос ответили отрицательно 94 % (47 человек), затруднились ответить 6 % (3 человека). Главной причиной сложившейся ситуации 90 % (45 человек) экспертов считают большое количество нормативных актов, регулирующих хозяйственную деятельность, их противоречивость и высокую динамичность законодательства. Любопытно, что в связи с этим основная масса экспертов (82 % – 41 опрошенный) не видит проблем в выявлении тех или иных правонарушений в деятельности хозяйствующих субъектов. Иными словами, существующее количество норм и правил, регламентирующих деятельность юридического лица, человек не может знать чисто физиологически в силу тысяч страниц суммарного объема различных нормативных правовых актов. Если же учесть постоянные изменения содержания существующих, принятие новых нормативных правовых актов, то разобраться в сложившей-

ся системе проблематично даже коллективу юристов-профессионалов. Такое положение является одной из основных причин административного произвола и коррупции, когда чиновник при решении служебных вопросов руководствуется личными корыстными интересами. В свою очередь, субъекты хозяйствования, не имея четких, понятных и стабильных нормативных предписаний, изначально вынужденно становятся потенциальными правонарушителями, так как не знают и не могут знать действующих норм и правил в нужном объеме.

В итоге сложилась парадоксальная ситуация, когда государство приняло (и продолжает принимать) большое количество нормативных правовых актов, которые должны упорядочить, дисциплинировать хозяйственную деятельность, сократить количество правонарушений в ней, но, похоже, данные меры с определенного момента стали давать противоположный результат. Можно предположить, что в этих условиях административная ответственность юридического лица вряд ли отвечает общеправовым принципам справедливости и гуманизма. Институт административной ответственности юридического лица может быть стратегически оправдан и эффективен при наличии ряда условий. Во-первых, необходимо гармонизировать всю систему правовых норм, регламентирующих деятельность субъектов хозяйствования, обеспечить ее стабильность и простоту применения. Во-вторых, не применять категорию «вина» в институте административной ответственности юридического лица. В-третьих, наступление административной ответственности юридического лица возможно при совершении его должностным лицом (иным работником) виновного деяния, предусмотренного Особенной частью КоАП, при выполнении им своих служебных обязанностей в интересах субъекта хозяйствования. Подводя итог сказанному, можно сделать следующие выводы:

- институт административной ответственности юридического лица может рассматриваться в качестве правового средства предупреждения правонарушений;

- в существующем виде институт административной ответственности юридического лица не в полной мере соответствует задачам КоАП в части обеспечения защиты человека, его прав и свобод, законных интересов, прав и свобод юридических лиц (ч. 1 ст. 1.2 КоАП), а также общеправовым принципам справедливости и гуманизма;
- в методологическом плане использование категории «вина» применительно к административной ответственности юридического лица представляется неприемлемым. В основе категорий «вина» и «юридическое лицо» лежат принципиально разные объективные явления и процессы, что делает их совместную нормативную конструкцию внутренне и внешне противоречивой. Категория вины выражает содержание связи между внутренним миром человека – субъекта правонарушения и его внешним проявлением – противоправным наказуемым деянием. Юридическое лицо – организационно-правовая форма реализации деятельности человека, один из множества реальных и виртуальных способов и механизмов существования социума. Целесообразным видится нормативное закрепление конкретных условий наступления административной ответственности юридического лица;
- основными факторами, определяющими стратегическую эффективность института административной ответственности юридического лица, являются:

гармонизация всей системы правовых норм, регламентирующих деятельность субъектов хозяйствования; достижение простоты и стабильности законодательства; теоретико-правовые изыскания с целью уточнения и развития концепции юридической ответственности юридического лица и механизма ее реализации в национальной правовой науке, законодательстве, правоприменении;

мониторинг социально-экономической полезности существования этого вида юридической ответственности на среднесрочную и долгосрочную перспективу, принятие решений по его упразднению либо корректировке.

### Список использованных источников

1. Коваленко, Д. Правовая природа института административной ответственности юридических лиц / Д. Коваленко, М. Марушко // Юстыцыя Беларусі. – 2005. – № 9.
2. Крамник, А. Н. Виновная административная ответственность юридических лиц или «объективное вменение»? / А. Н. Крамник // Право Беларуси. – 2003. – № 4.
3. Уголовный кодекс Республики Молдова / вступ. ст. А. И. Лукашова. – СПб., 2003.

*Впервые материал опубликован:* Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2007. – № 2. – С. 68–73.

## ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Под принципами гражданского законодательства принято понимать его основные начала (ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК)), руководящие фундаментальные положения, определяющие и регламентирующие гражданские отношения. Говоря иначе, законодательный (правовой) принцип – это идея, закрепленная в соответствующем нормативном правовом акте и реализуемая в деятельности субъектов права, людей. Именно нормативное правовое закрепление идеи делает ее обязательной для исполнения указанным в законе кругом субъектов или всеми членами общества. Нормативное правовое выражение является основным отличительным признаком принципов законодательства, права от аналогичных категорий, например, моральных, профессиональных, корпоративных и тому подобных принципов. Хотя, как говорилось ранее в специальном разделе этой книги, принципы права и принципы законодательства – две очень близкие, но полностью не совпадающие по своему содержанию категории.

Природа гражданско-правовых, как и иных правовых принципов, наглядно проявляется при схематичном рассмотрении механизма их возникновения, базирующегося на двух основных закономерностях функционирования человеческого общества. Первая из них заключается в том, что принцип как соответствующая идея всегда присущ человеку и его деятельности. Любая организованная деятельность предполагает наличие определенного смысла, вопрос о котором рано или поздно возникнет в сознании ее субъектов. Будучи включенным в конкретную деятельность, человек имеет возможность осознать ее смысл (осмыслить). Осознать – значит не только интеллектуально, логически усвоить ту или иную информацию, но и прочувствовать ее на опыте. Думается, что именно так формируются в индивидуальном и общественном сознании различные принципы жизнедеятельности, часть из которых относится к сфере гражданско-право-

вого регулирования. Эти идеи – основополагающие представления людей о тех или иных видах своей деятельности, о своей линии поведения в них. В этих идеях выражается понимание людьми смысла той или иной деятельности, то, что является ее содержанием. Ментальное изменение принципов влечет изменение и конкретного смысла деятельности, и ее содержания, внешнего проявления. Таким образом, принцип есть результат осознания человеком глубинного смысла той или иной деятельности, который выражается в виде конкретной идеи, служащей ориентиром для действий в аналогичных ситуациях. По этой причине природа принципа как результата деятельности объективна. Вторая закономерность функционирования социума отражает специфику права как регулятора общественных отношений. Потребность в гармоничном нормативном правовом регулировании общественных отношений обуславливает необходимость правового закрепления основных принципов жизнедеятельности людей. В свою очередь, нормативное закрепление тех или иных идей со всей неизбежностью влечет их интерпретацию через систему специальных правовых процедур, категорий и механизмов, что, как правило, изменяет исходные объективные деятельностные принципы. И в этом плане нужно говорить о существовании субъективного начала в природе правовых принципов.

Так, при анализе содержания зафиксированных в ст. 2 ГК принципов гражданского законодательства нетрудно заметить доминирующее положение основных начал, декларирующих приоритет интересов государства над интересами личности. Например, принцип приоритета общественных интересов, принцип социальной направленности регулирования экономической деятельности, принцип неприкосновенности собственности. Думается, что такое положение обусловлено в большей степени реализованной в данной норме ГК политической волей, чем объективными потребностями практики гражданского оборота, особенно в условиях становления рыночной экономики.

Значение правовых принципов проявляется в процессе их непосредственного использования в организации и не-



посредственном регулировании общественных отношений. Реализация принципов гражданского права в широком смысле представляет собой комплексный многоуровневый процесс их использования в деятельности различных субъектов, обеспечивающий решение социальных, экономических, правовых и других задач. Можно выделить следующие основные направления реализации принципов гражданского законодательства. С их помощью в настоящее время осуществляется:

содержательное структурирование гражданско-правовых норм. В основе лежит механизм оценки в ходе нормотворческого и правоприменительного процессов норм законодательства с позиций соответствия его основным началам (принципам). Каждая норма в отдельности и их системы (подотрасли, институты) не должны противоречить соответствующим отраслевым принципам;

непосредственное регулирование гражданских отношений при наличии пробелов в гражданском законодательстве (аналогия права);

формирование правосознания в соответствии с содержанием принципов и состоянием механизма и процесса их реализации;

комплексное информирование субъектов права об отрасли и ее особенностях;

идеологическое воздействие на сознание людей и т. д.

Данные направления реализации могут быть представлены в качестве функций принципов гражданского права (организационная, регулятивная, информационная, идеологическая и т. д.). Остановимся на некоторых наиболее важных моментах указанных направлений реализации, имеющих определяющее значение для предмета настоящей статьи.

Аксиоматичным с позиций правовой доктрины является положение, что конкретные гражданско-правовые нормы, правовые субинституты, институты, отдельные нормативные акты по форме и содержанию должны быть созвучны (соответствовать, не противоречить) основным началам (прин-

ципам) отрасли. На наш взгляд, именно данная функция принципов гражданского права наиболее полно реализуется в настоящее время по сравнению с иными. Это не свидетельствует об отсутствии серьезных теоретических и прикладных проблем, связанных как с правовым перечнем и содержанием основных начал гражданского права, так и со степенью соответствия им конкретных правовых норм и их групп. Содержательный анализ норм ГК, иных нормативных актов, данные научной литературы, мнения ученых и юристов-практиков позволяют прийти к выводу о наличии серьезных проблем, связанных с соответствием норм гражданского законодательства его основным началам [1]. Например, существование нормативных актов, устанавливающих приоритет для субъектов хозяйствования с государственной формой собственности (что противоречит принципу равенства участников гражданских отношений), ограничивающих свободу договорных отношений и т. д.

Выполняемая принципами гражданского права функция структурирования («архитектурная», организационная функция) правовых норм имеет весьма важное значение для создания внутренне и внешне непротиворечивой правовой системы. В то же время данная функция важна в первую очередь для самой правовой системы, ее формально-логической конструкции, так как принципы, как и иные правовые нормы, суть абстрактные конструкции, мыслеформы, зафиксированные и поддержанные силой государственного принуждения. Образно говоря, системообразующая функция принципов гражданского права, как и иных отраслей, в первую очередь реализует внутреннюю потребность правовой системы как таковой и во вторую – потребность конечного потребителя (индивида, группы, общества).

С высокой степенью вероятности можно утверждать, что реальное значение, социальная ценность принципов, а также правовых норм заключается в степени эффективности регулирования ими человеческой деятельности, конкретных общественных отношений. Таким образом, допуская определенную условность, следует заключить, что «архитектур-

ная» функция принципов гражданского права, как и принципов права вообще, вторична (менее социально значима) по отношению к их регулятивной функции, т. е. непосредственному регулированию общественных отношений. Хотя еще раз подчеркнем, что выделение организационной, регулятивной и иных функций принципов гражданского права условно, как и любая иная научная классификация. Структурированные принципами правовые нормы той или иной отрасли будут более эффективно выполнять свою регулятивную функцию и, наоборот, широкое использование, реализация принципов в непосредственном регулировании гражданско-правовых отношений неизбежно приведет к гармонизации структуры остальных норм отрасли в соответствии с правовой формой и внутренним содержанием принципов.

Правовую основу непосредственного регулирования принципами гражданского законодательства соответствующих общественных отношений, поведения людей составляет главным образом ряд норм главы 1 ГК. В первую очередь это ст. 2 ГК, закрепляющая перечень основных начал (системы принципов) гражданского законодательства. В соответствии с ч. 2 ст. 5 ГК в случае пробелов в гражданском законодательстве и невозможности применения аналогии закона для регулирования конкретных общественных отношений права и обязанности сторон определяются исходя из основных начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права). В этой же статье (ч. 3 ст. 5 ГК) содержится важное нормативное предписание, устанавливающее правовые гарантии соблюдения прав и законных интересов участников гражданских правоотношений. Так, запрещается применение по аналогии норм, ограничивающих гражданские права и устанавливающих ответственность. И наконец, следует сказать о ч. 1 ст. 6 ГК, которая закрепляет приоритет общепризнанных принципов международного права и обязанность государства обеспечить соответствие им внутреннего гражданского законодательства. Данные нормы Гражданского кодекса в совокупности с некоторыми иными составляют правовую основу непосредственной реализации прин-

ципов гражданского законодательства, открывают возможности для гармоничного регулирования гражданских отношений, справедливого разрешения споров между сторонами. Это правовая основа в узком смысле данного термина, включающая нормы только гражданского законодательства. Правовую основу в широком смысле слова наряду с нормами гражданского законодательства составляют нормы Конституции, иных отраслей, создающих условия для реализации принципов гражданского права непосредственно в нормотворческой, правоохранительной и правоприменительной деятельности.

Данные научной литературы, материалы судебной практики и мнения экспертов позволяют прийти к выводу, что, несмотря на наличие в целом определенных правовых условий, существует системная проблема реализации, т. е. непосредственного применения принципов гражданского права в правоприменительной и правоохранительной деятельности. Говоря иначе, принципы гражданского права пока еще не стали действенным правовым средством комплексного регулирования гражданско-правовых отношений, их регулятивная функция осуществляется далеко не в полной мере. Так, Н. Л. Бондаренко рассматривает проблему реализации принципов гражданского права на трех уровнях: применительно к нормотворческой деятельности, деятельности Конституционного Суда и процессу осуществления правосудия по гражданским и хозяйственным делам [2]. Анализ результатов данного исследования свидетельствует, что на каждом из указанных уровней роль принципов гражданского права в непосредственном регулировании общественных отношений находится, образно говоря, в зачаточном состоянии. Речь идет лишь о единичных случаях непосредственного применения принципов гражданского права в деятельности компетентных государственных органов в процессе нормотворческой и правоприменительной деятельности.

Существующая проблема «неиспользования» принципов гражданского права в непосредственном регулировании общественных отношений выходит далеко за рамки одной от-

дельно взятой отраслевой комплексной задачи. Дело в том, что современное состояние гражданского законодательства Беларуси характеризуется наличием десятков тысяч действующих разноуровневых нормативных актов, зачастую противоречащих друг другу. На данное обстоятельство как на причину, способствующую развитию многих негативных явлений в обществе и государстве, неоднократно обращалось внимание в научных публикациях [3].

Проблема более чем серьезна. Мы имеем тысячи нормативных правовых актов, регулирующих гражданские отношения, и их количество продолжает увеличиваться. Такая совокупность общеобязательных норм трудна в применении, внутренне и внешне противоречива и все менее управляема. Одним из следствий такого состояния правовой системы является нарастающая бюрократизация общественных отношений, преодолеть которую целевыми административными методами невозможно. Бюрократизация препятствует реализации законных прав и интересов физических и юридических лиц, подавляет деловую активность в стране, тормозит экономическое развитие, способствует росту коррупции и т. д.

Все очевиднее стоит вопрос о необходимости перехода на иную модель построения законодательства, обеспечивающую эффективными правовыми инструментами решение задач либерализации экономических и социальных отношений. Упрощение законодательства для субъектов хозяйствования и физических лиц, снятие необоснованных ограничений и процедур, отмена устаревших нормативных актов и т. п. — это задачи, ставшие ключевыми для общества и государства в последние годы. Очередная попытка реформирования правовой системы предпринимается в настоящее время в связи с провозглашенным курсом на либерализацию экономических отношений в стране.

Таким образом, можно констатировать наличие серьезного системного противоречия в гражданско-правовом правоотворчестве и правоприменении, характеризующемся тенденцией увеличения количества действующих нормативных правовых актов одновременно со все большей актуальностью

тью сокращения их количества. Отметим, справедливости ради, что аналогичная проблема характерна для подавляющего большинства отраслей белорусского права. Ученые и практики едины во мнении, что гражданское законодательство, как и законодательство в целом, должно быть упрощено по количеству (сокращение до разумного минимума числа нормативных актов) и по качеству (снятие многочисленных запретов и ограничений), что придаст ему свойство доступности в применении для конечного потребителя. Однако современные научные правовые исследования развиваются в основном в русле корректировки существующих нормативных предписаний, что стратегически нерезультативно, так как в конечном счете ведет лишь к увеличению числа действующих норм. Принципиально, что новая модель нормотворчества и правоприменения должна обеспечить стратегическую стабильность гражданского законодательства, гарантировать ему иммунитет от сиюминутных конъюнктурных изменений, корректировки норм гражданского кодекса актами министерств и иных органов государственного управления. Основу такого законодательства должна составлять иерархия правовых принципов. Заслуживает поддержки позиция В. Г. Тихини, который полагает, что белорусское законодательство, особенно в сфере предпринимательского, налогового и финансового права, нуждается в гармонизации и стандартизации на основе принципов международного права [4]. Однако, чтобы правовая система и правовой механизм, построенные на основе принципов права, заработали, должны быть в корне изменены их (принципов) юридическое значение и возможности в непосредственном регулировании общественных отношений. Это произойдет, если принципы гражданского права будут реализовываться не только (и не столько) по алгоритму аналогии права, но и будут иметь приоритетное значение в принятии судебных и других юридических решений по существу, иметь реальный, а не декларируемый приоритет перед иными нормами. Другими словами, суд, иной субъект правоприменения при рассмотрении конкретных гражданско-правовых дел, будет обязан оценивать обстоятельств дела

и выносить соответствующее решение, основываясь не только на конкретных нормах законодательства, но в первую очередь на его основных началах (принципах). Таким образом, необходимость коренного изменения реальной роли гражданско-правовых принципов по отношению к иным нормам отрасли, а также в правоприменительной практике обусловлены их правовой природой, внутренней логикой права как социального явления и назревшей потребностью коренного реформирования правовой и законодательной систем страны.

Новая модель гражданско-правового нормотворчества и правоприменения должна основываться на нормативной регламентации ключевых, базовых отношений и их групп (гражданско-правовые институты и субинституты) и возможности непосредственного применения субъектом принципов гражданского права в качестве регулятивных норм. Принципам здесь отводится гораздо более важная роль, нежели сейчас. Качественно повышаются организующая, регулятивная и иные функции основных начал. Принципы, как им и полагается, реально, а не формально, становятся системообразующим элементом правовой системы. Их непосредственная реализация становится необходимым условием правоприменения, в том числе в силу отсутствия детальной правовой регламентации общественных отношений.

Таким образом, альтернативой существующей правовой модели, основанной на детальной нормативной регламентации все большего и большего количества различных гражданско-правовых и иных отношений со стороны государства, может стать правовая модель, основанная на предельно широком использовании принципов и их систем как непосредственных регулятивных норм по схеме «конституционные – отраслевые – подотраслевые – институциональные». Детальная правовая регламентация в той или иной степени может иметь место при условии строгого соответствия иерархии принципов права.

Переход на новую модель построения нормативных правовых актов, основанную на нормах-принципах, укрупненных базовых нормах, правовой регламентации только основ-

ных групп гражданско-правовых отношений, не может быть осуществлен одновременно и нуждается в комплексе подготовительных мер, призванных решить две группы проблем. Во-первых, необходимо коренным образом переработать существующую систему гражданского законодательства, создать и принять целый комплекс новых правовых норм и их совокупностей, изменить и дополнить значительное количество нормативных правовых актов различных отраслей. Данную проблему можно обозначить как нормотворческую. Во-вторых, следует подготовить субъектов правоприменения и иных форм реализации, т. е. людей для работы с принципиально новой моделью гражданско-правовой отрасли, рассчитанной на высокую степень правосознания человека, предоставляющей ему большую самостоятельность в правовой оценке ситуации и принятия необходимых решений. Это проблема правосознания. При уходе от детальной правовой регламентации гражданских отношений со временем будет повышаться творческая составляющая мышления должностных лиц и граждан, здравый смысл, методологическое понимание основных начал гражданского права, конституционных принципов и норм.

При всей масштабности и сложности нормотворческой проблемы ее решение возможно в более или менее конкретные определенные сроки. При наличии соответствующей политической воли, сил и средств данный процесс представляется в большей степени технологической задачей. Иную природу имеет проблема формирования правосознания нового типа, творческого правосознания. Именно с ней большинство опрошенных экспертов связывают главные трудности отказа от детальной нормативной регламентации гражданских отношений. Речь идет о неготовности конкретных государственных институтов, органов, служащих, а также иных субъектов к реализации укрупненных нормативных предписаний и принципов гражданского права. Субъекты правоприменения и гражданского оборота в целом в подавляющем большинстве не готовы, не умеют применять общие нормы, принципы права для регулирования конкретных общественных отношений в их многообразии.



Необходимо изменение, корректировка правосознания людей в сторону повышения правовой культуры и грамотности, выработки умений и навыков действий исходя из здравого смысла и основных начал гражданского права. Пути решения данной проблемы видятся гораздо более сложными и неоднозначными, чем предыдущей.

Главная причина существования проблемы реализации правовых принципов в целом и принципов гражданского законодательства в частности в реформировании гражданского законодательства – это несоответствие уровня индивидуального и общественного сознания и объективных потребностей практики гражданского оборота, экономических отношений.

Методология такого подхода базируется на смысловой природе принципа как категории, отражающей соответствующие явления. Синонимы слова «принцип» – «руководящее начало», «основное начало», т. е. идея (руководящая, направляющая, основная и т. п.). Следовательно, принцип как явление имеет идеальную природу, т. е. его основа находится в сознании человека, общества.

Правосознание – это один из видов общественного либо индивидуального сознания, который представляет собой совокупность (систему) взглядов, представлений, идей и чувств, отражающих отношение индивида (социальной группы, социума) к действующей и оптимальной (с позиций индивида, социальной группы) системе права. В связи с этим разработку реформы гражданского и иных отраслей законодательства целесообразно начать с исследования проблемы реализации принципов законодательства под углом зрения общественного сознания в целом и правосознания в частности. В качестве научной гипотезы можно предположить, что закрепленные в ст. 2 ГК принципы (часть из них) до сих пор не стали неотъемлемой частью правосознания большинства населения Беларуси, включая должностных лиц, которые обязаны их непосредственно реализовывать. В такой ситуации в сознании человека просто отсутствует закрепленная в праве система ценностей, идей, критериев и т. п. Именно поэтому ныне действующие прин-

ципы гражданского законодательства не могут эффективно реализовываться для регулирования общественных отношений.

Диалектика права и сознания предполагает возможность активного воздействия нормативных предписаний на личность индивида, формирования системы его идей, взглядов, представлений. Нормы принятого в 1998 году нового Гражданского кодекса, как и многих иных законодательных актов того времени, во многих случаях опережали уровень общественного и индивидуального правосознания. Правосознание бывших советских граждан было основано на несколько иных идеях, чем те, которые нашли отражение в качестве основных начал гражданского законодательства. Основное противоречие заключается в устойчивом приоритете государственных и общественных интересов над частными в правосознании граждан. В этом случае нормы права (правовые идеи) опережали господствующие идеи в умах граждан. Гармония (баланс) нормативных предписаний и общественного правосознания может быть достигнута в случае строгого и неуклонного выполнения норм права всеми субъектами общественных отношений. Если нормы права (в данном случае – основные начала гражданского законодательства) систематически не выполняются, в индивидуальном и общественном сознании начинает формироваться крайне негативная тенденция, своеобразный «правовой нигилизм». Каждый факт нарушения (особенно со стороны государства) норм права вызывает в сознании человека своего рода коррозию правовых и моральных ценностей. Если такие факты принимают систематический характер, человек просто перестает верить в справедливость закона, правопорядка. В его сознании начинают превалировать иные, как правило, антисоциальные ценности и основанные на них поведенческие стереотипы, что является одной из причин существования преступности и иных форм девиантного поведения. Данная тенденция была характерна для индивидуального и общественного правосознания последнего десятилетия существования СССР, что также сыграло роль в его распаде.

Таким образом, эффективная реализация принципов гражданского законодательства как средства его реформирования предполагает соответствующий им уровень индивидуального и общественного правосознания населения и особенно должностных лиц органов власти и управления. Отставание уровня правосознания от нормативно закрепленных основных начал (идей) создает проблему их практического использования в регулировании общественных отношений. В свою очередь, систематическое невыполнение правовых предписаний является одной из причин правового нигилизма со всеми вытекающими отсюда последствиями. Основные направления деятельности по подготовке и реформированию гражданского законодательства на основе непосредственной реализации его основных начал субъектами права:

в соответствии со стратегическими целями развития человека и общества, уровнем общественного правосознания, положениями правовой доктрины определение оптимального перечня основных принципов гражданского законодательства на основании конституционных и иных принципов права;

разработка и внедрение правового механизма реализации принципов гражданского права, обеспечивающего приоритет основных начал в регулировании общественных отношений, согласованность с Конституцией и иными отраслями права;

ревизия действующего гражданского законодательства, приведение в соответствие с его основными началами всей системы нормативных правовых актов, регулирующих гражданские отношения;

разработка и реализация комплексной стратегической государственной программы по повышению правовой культуры, уровня воспитания и правовой грамотности населения.

### **Список использованных источников**

1. Бондаренко, Н. Л. Проблема системной организации принципов гражданского права Республики Беларусь / Н. Л. Бондаренко // Пром.-торговое право. – 2006. – № 3. – С. 120–127.

2. Бондаренко, Н. Л. Принципы гражданского права Республики Беларусь: проблема элементного состава / Н. Л. Бондаренко // Юрид. журнал. – 2006. – № 3. – С. 49–53.
3. Тихиня, В. Г. Основные тенденции и перспективы развития хозяйственного законодательства в Республике Беларусь: общий взгляд на проблему / В. Г. Тихиня // Проблемы совершенствования хозяйственного законодательства Республики Беларусь на современном этапе: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9 дек. 2004 г. – Минск : БГЭУ, 2004. – С. 31–35.
4. Шиенок, В. П. Диалектика правового регулирования предпринимательской деятельности и степени ее криминогенности / В. П. Шиенок // Проблемы реализации норм права в условиях формирования рыночных отношений: материалы республиканской науч.-практ. конф., Минск, 24 нояб. 2006 г. – Минск : БГЭУ, 2006.
5. Тихиня, В. Г. Основные тенденции развития современного права Республики Беларусь / В. Г. Тихиня // Проблемы реализации норм права в условиях формирования рыночных отношений: материалы республиканской науч.-практ. конф., Минск, 24 нояб. 2006 г. – Минск : БГЭУ, 2006.

*Впервые материал опубликован: Сацыял.-экан. і прававыя даслед. – 2009. – № 1. – С. 20–31.*

## **О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ НОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ БЕЛОРУССКОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ И ПУТЯХ ЕЕ РАЗРАБОТКИ**

Отличительной особенностью настоящего времени является глобальный процесс изменения общественного и индивидуального сознания, приход новых идей, новых взглядов, создающих основу для формирования мировоззрения XXI в. Этот количественно и качественно неоднородный процесс имеет свои специфические черты и особенности в разных регионах земного шара. Республика Беларусь в этом плане не исключение.

Основными факторами, обуславливающими специфику изменения индивидуального и общественного сознания на территории Беларуси, являются следующие:

- наличие остатков некогда мощного мировоззренческого фундамента советского периода;
- неожиданный для большинства населения распад СССР, провозглашение новых независимых государств;
- обвальная девальвация советской идеологической системы, коренные изменения в экономической модели государства;
- деидеологизация юридической науки, иных сфер жизни общества.

Мировоззрение – система базовых, фундаментальных идей, воззрений, принципов индивида, создающих каркас для восприятия человеком картины мира, включая определение своего места в нем. По этой причине не случайно именно мировоззрение ученого является определяющим в методологии его исследований, а система господствующих мировоззренческих идей в той или иной науке определяет ее методологию. В этом плане методология представляет собой универсальную динамичную матрицу научных исследований, ее парадигму, во многом предопределяющую объективность, полноту и эффективность научных изысканий.

Базовым мировоззрением советской школы, юридической науки в целом и криминалистики в частности служили положения марксистско-ленинского диалектического материализма. Для криминалистики в первую очередь речь идет о положениях материалистической теории отражения, согласно которой неотъемлемым свойством любой материи является отражение происходящих явлений и процессов. Отражение делает допустимым следообразование, благодаря чему и возможно познание событий, произошедших в прошлом, расследование преступлений. Именно поэтому совершенствование процесса поиска, обнаружения и фиксации следов преступления составляет важнейшую задачу криминалистики с момента ее зарождения. Для этого ученые-криминалисты активно используют достижения иных наук, интегрируют соответствующие научные знания в теорию и практику криминалистики. Данный процесс абсолютно правомерен, так как, с одной стороны, отражает объективную необходимость интеграции всех отраслей научного знания, с другой – обусловлен практическими нуждами совершенствования процесса расследования преступлений на базе научных достижений. Так, мы являемся свидетелями появления новых направлений в теории и практике криминалистики, в основе которых лежат методы естественных и технических наук (одорология, голография, фоноскопия и т. д.). Это естественная тенденция развития криминалистической науки и в ближайшие десятилетия она будет продолжаться и углубляться, что связано с общим уровнем развития науки и техники, появлением в общественном производстве новых технологий. Такое направление развития криминалистики, допуская известную условность, можно обозначить как тенденцию следования за развитием иных наук, т. е. приспособления средств и технологий общего и специального назначения к нуждам раскрытия преступлений. Это объективная тенденция, и она наиболее характерна для развития криминалистической техники, криминалистических экспертиз, индивидуальной и групповой идентификации. Гораздо в меньшем плане она затрагивает криминалистическую тактику и методику. Другим направ-

лением развития криминалистики были и остаются собственно криминалистические научные исследования, т. е. изыскания, инициированные, спланированные и выполненные по оригинальным методикам учеными-криминалистами для нужд расследования преступлений. Характерным примером таких разработок является открытие и создание дактилоскопического метода идентификации личности на рубеже XIX–XX вв.

Если проанализировать новации в советской и белорусской криминалистике за последние 50 лет, можно увидеть, что подавляющее большинство из них относятся к криминалистической технике и отражают первую из названных тенденций развития. Речь идет об адаптации естественно-научных методов и средств к нуждам расследования преступлений (новые виды и методики проведения экспертиз, внедрение компьютерных технологий, новые средства обнаружения и фиксации информации и т. д.). Как уже говорилось, данная тенденция отражает общий прогресс научного знания и долгие годы останется объективной предпосылкой развития науки о расследовании преступлений. Что касается криминалистической тактики и методики, ситуация здесь в гносеологическом плане не столь благоприятная, как с техникой и другими криминалистическими теориями. Личный опыт автора свидетельствует, что соответствующие современные научные разработки в области тактики и методики обычно в большей или меньшей степени дублируют аналогичные разработки советского времени, меняется лишь нормативно-правовая основа, правовая терминология, эмпирические материалы. Такое положение свидетельствует о застойных явлениях в науке, чему способствует устаревшая методология юридической науки в целом и криминалистики в частности.

Методология современной науки в Беларуси строится на советских материалистических воззрениях, констатирующих господство материального над идеальным, материи над сознанием, тела над духом. Человек понимается как своеобразный биоробот, в основе которого лежат физиологические потребности, а также потребности среды существования. Речь

идет о формальном изменении названия метода материалистической диалектики на всеобщий диалектический метод. Именно с этих позиций разрабатывали тактику и методику расследования преступлений в советское время, с этих же позиций разрабатывают эти проблемы и сейчас.

Любое расследование преступления представляет собой деятельность одних людей, направленную на познание события, цепи событий, вызванных деяниями иных людей, осуществляемую в определенном государством порядке. Ключевым моментом этого специального процесса познания является установление виновных лиц, т. е. тех, кто ответствен за то, что криминальное событие произошло. Таким образом, центральным звеном любого расследования, а соответственно методики и тактики расследования как разделов криминалистики, является человек, который в зависимости от конкретных жизненных ситуаций и правовых норм может иметь различный правовой и социальный статус. Однако в криминалистике, как и в иных юридических науках, речь о человеке не идет. Используется множество специальных терминов, которые ограничивают и искажают мировоззрение ученых и практиков, научный поиск, снижают эффективность его результатов.

Необходимо начать целенаправленное комплексное исследование человека как биосоциального существа с позиций решения задач криминалистики и иных прикладных юридических наук. Новое понимание сути человека, его основных систем, закономерностей человеческой жизни со всей очевидностью позволит найти новые подходы к разработке тактики и методики расследования преступлений, поскольку центральным звеном любого расследования является человек.

Однако за пределами научного поиска остается великое множество феноменов человека, например, интуиция, ясновидение, телепатия, которые многие годы отвергаются официальной наукой по причине ограниченности ее методологии. Но история и современность знают множество фактов, связанных с отдельными выдающимися личностями, обладавшими сверхспособностями. Так, в настоящее время по наиболее сложным резонансным уголовным делам правоохрани-



нительные органы и иные участники уголовного судопроизводства обращаются к ясновидящим для определения направления расследования, проверки версий, отыскания следов и т. д. Это остается за рамками официального уголовного процесса, не афишируется, но существует. Думается, настало время взяться за исследование феноменов человека и открыть новую страницу в развитии белорусской криминалистики.

Первый и наиболее важный момент в этом вопросе – принятие нового взгляда на человеческое существо как на единство души и тела, что расширит горизонты научных изысканий.

Создание основ новой методологии – комплексная междисциплинарная проблема, которая не может быть решена в рамках одной научной дисциплины. В данном случае речь идет о стратегических комплексных научных исследованиях, объединяющих специалистов в области криминологии, криминалистики, теории оперативно-розыскной деятельности, судебной психологии, уголовного права и процесса, пенитенциарной системы. Цель таких исследований – комплексное изучение человека под углом зрения задач уголовного судопроизводства. Сверхзадача таких исследований – вскрытие глубинных причин, вызывающих у человека желание и решимость совершить преступление, разработка средств и методов по их нейтрализации, методик моделирования личности преступника и механизма совершения преступления. Отдельные направления исследований – создание принципиально новых методов тактики коммуникации следователя с подозреваемыми, обвиняемыми, свидетелями, а также методов изучения и оценки следственной ситуации, планирования расследования и принятия решений по уголовному делу. Все указанные направления научных исследований базируются на новом понимании человека, его места и роли в мироздании, более полном раскрытии способностей и возможностей человеческих существ.

В связи со сказанным следует остановиться на комплексе организационных проблем, стоящих перед белорусской криминалистикой и являющихся мощным сдерживающим фактором развития любой науки.

Во-первых, в стране отсутствует государственная стратегия развития криминалистики и иных прикладных юридических дисциплин (теория оперативно-розыскной деятельности, криминология и т. д.). Во-вторых, процесс реформирования организационной модели белорусской науки, а также системы образования носит перманентный характер, начало которому положила так называемая перестройка середины 1980-х гг. Непрерывное реформирование науки в отсутствие внятной государственной стратегии ее развития является дестабилизирующим ее организацию фактором. Характерный пример последнего времени – введение ВАК Беларуси новой номенклатуры научных специальностей, которая разрывает сложившиеся годами междисциплинарные связи. Так, с 2013 г. криминалистика и уголовный процесс относятся к разным научным специальностям. В-третьих, продолжающаяся организационная реформа системы МВД (создание самостоятельного Следственного комитета, планируемое отделение ГЭКЦ МВД Республики Беларусь в самостоятельную структуру, изменения в учебных программах и т. д.) создала реальную угрозу для существования ведущей школы криминалистики на базе Академии МВД Республики Беларусь.

В заключение следует отметить, что в рамках настоящей статьи затронуты лишь стратегически важные проблемы развития национальной школы криминалистики без углубленного анализа путей и способов их решения. Первоочередной задачей является сохранение творческого потенциала белорусских криминалистов, в том числе за счет принятия и развития нового научного мировоззрения.

*Впервые материал опубликован:* Криминалистические чтения, посвященные памяти заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Г. И. Грамовича : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21 дек. 2012 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол. : В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2012. – С. 284–286.

## **О НЕКОТОРЫХ СИСТЕМНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ В БЕЛОРУССКОЙ КРИМИНАЛИСТИКЕ НАЧАЛА XXI В.**

Одной из основных тенденций развития человечества в начале XXI в. является продолжение процесса глобализации, суть которого заключается в устранении национальных защитных механизмов, препятствующих свободному движению товаров, услуг, рабочей силы, капитала и т. п. Иными словами, речь идет о глобальной интеграции экономики, а за ней и социума на планете. Одновременно с этим нарастает глобальная конкуренция во всех сферах жизни и деятельности людей. На этом фоне преступность утрачивает ярко выраженные национальные черты и все более принимает транснациональные формы. Такова реальная картина сегодняшнего мира.

В силу своего географического положения Беларусь обречена столкнуться со всеми проблемами современной цивилизации, в том числе с транснациональной преступностью. Актуализирующим проблему обстоятельством является наличие традиционных противоречий между западными странами и Россией. Готова ли к уже пришедшим на белорусскую землю вызовам и угрозам отечественная криминалистика, какие тенденции преобладают в ней в настоящее время?

Анализ белорусской криминалистики свидетельствует о наличии ряда системных противоречий и порожденных ими негативных тенденций, ослабляющих как криминалистическую науку, так и практику. Основными из них являются следующие.

1. Противоречие между устаревшей советской методологией науки и изменившимися условиями жизни. Криминалистика по-прежнему исходит из марксистско-ленинской теории отражения, что сдерживает научный поиск начиная с мировоззренческого уровня. Усугубляет данное противоречие отсутствие четкой государственной стратегии развития криминалистической науки, выраженной в специаль-

ной программе (цели и задачи развития криминалистики на среднесрочную и долгосрочную перспективу, меры по их достижению, стратегические научные темы, материально-техническое обеспечение и т. д.). Справедливости ради стоит отметить, что таких программ нет и в сфере оперативно-розыскной деятельности, криминологии, уголовного процесса.

2. Междисциплинарные противоречия между теорией криминалистики и уголовного процесса, обусловленные отнесением данных наук к различным научным специальностям. Была разрезана единая научная материя, система знаний. В настоящий момент прослеживается первая стадия негативного эффекта данного решения: возникли трудности с проведением диссертационных исследований по криминалистике, происходит необоснованное сужение объекта и предмета исследований, идет разрушение традиционных междисциплинарных связей, нарушается логика научного познания. Следует отметить, что данное решение было принято без проведения консультаций с ведущими криминалистами страны. В перспективе разделение криминалистики и уголовного процесса может привести к потере значительного объема научного знания в силу дезинтеграции данных наук, а также появлению ученых с ограниченным научным мировоззрением.

3. Межведомственные противоречия органов, осуществляющих расследование преступлений и участвующих в нем. Фактически речь идет о децентрализации, дроблении профессионального ядра криминалистов-практиков вследствие образования следственного и экспертного комитетов. Одним из результатов данного решения стало усугубление проблем в области подготовки следственных и экспертных кадров, так как ведущим учебным заведением по данному профилю является Академия МВД.

4. Противоречия в уголовно-процессуальном законодательстве, обусловленные его высокой динамичностью, содержащем все большее количество неточных формулировок, алогичных и противоречивых норм. Как следствие, практики

просто не успевают отслеживать и осмысливать очередные новации.

Проблемами являются также снижение статуса криминалистики до так называемой вузовской дисциплины, обязательность изучения которой и объем часов определяет учебное заведение; удручающее состояние материально-технической базы обеспечения занятий по криминалистике.

Следует констатировать, что имеются все основания говорить о системных кризисных явлениях в белорусской криминалистической науке и практике, преодоление которых потребует времени и усилий при условии выработки и принятия общегосударственной стратегии развития криминалистики.

Преодоление кризисных явлений может быть начато с создания постоянно действующего общественного объединения криминалистов, необходимого для профессионального общения и координации усилий ученых и практиков различных государственных органов.

*Впервые материал опубликован:* Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики при раскрытии и расследовании преступлений : материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 15 нояб. 2013 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, УО «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2013 – С. 269–271.

## **О ПРЕДМЕТЕ КРИМИНАЛИСТИКИ И РАЗРАБОТКЕ ЕЕ НОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ**

Нынешний этап развития человечества, его теоретического и практического знания характеризуется поиском и внедрением новых форм и методов взаимодействия с реальной действительностью, осмысления человеком окружающего мира, своего места и роли в нем. Белорусская юридическая наука не является исключением в этом плане. К сожалению, методология национальной юриспруденции продолжает базироваться на мировоззрении советского периода времени, идеях и взглядах диалектического материализма. Следствием устаревшей методологии, как уже отмечалось ранее, является ряд системных проблем и противоречий, имеющих в белорусской криминалистике и препятствующих ее эффективному развитию. Отправной точкой создания новой методологии юридической науки в целом и криминалистики в частности автор предлагает считать человека и общество как совокупность человеческих существ. Данная система взглядов получила название гуманистической методологии [5; 6; 7]. В качестве одного из первых шагов по разработке и внедрению новых методологических основ криминалистики должно стать переосмысление существующего подхода к содержанию предмета криминалистики.

Наиболее распространенное в настоящее время определение криминалистики было предложено профессором Р. С. Белкиным в 1980-х гг. По мнению ученого, криминалистика – это наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных методах и средствах судебного исследования и предотвращения преступлений [1, с. 18].

Согласно господствующей с советского периода точке зрения предмет криминалистики составляют различные группы закономерностей, связанные, с одной стороны, с

совершением преступления, с другой – с деятельностью компетентных органов по его раскрытию (расследованию). Говорят и пишут: 1) о закономерностях механизма совершения преступления; 2) закономерностях возникновения информации, связанной с подготовкой или совершением уголовно-наказуемого деяния и имеющей значение для его расследования; 3) закономерностях собирания, изучения, оценки и использования доказательств и иной криминалистически значимой информации. Одни авторы выделяют две, другие три и даже четыре или более групп закономерностей, составляющих предмет криминалистики как отрасли научного знания. Однако это не меняет методологии исследования, рассматривающей предмет криминалистики в качестве совокупности закономерностей [2; 3; 4].

Немаловажно, что большинство авторов, исследовавших вопрос о содержании предмета криминалистики, прямо либо косвенно констатируют, что речь идет об изучении закономерностей, характерных для двух основных видов человеческой деятельности. Это деятельность преступников и деятельность по раскрытию (расследованию) преступлений [2, с. 3; 3, с. 6; 4, с. 8]. Таким образом, криминалистика как прикладная наука изучает закономерности определенных видов человеческой деятельности, обусловленных уголовно-правовыми нормами.

Что есть закономерность? Закономерность – это часто повторяющаяся, внутренне присущая тому или иному явлению взаимосвязь его элементов. Очевидно, что эти типичные взаимосвязи выявляются не умозрительно, а в результате кропотливого изучения реальной действительности, в том числе человеческой деятельности, находящейся в фокусе зрения исследователей. Выявление закономерностей видится в качестве промежуточной цели научно-исследовательской работы, направленной на создание практических рекомендаций, совершенствование научных методов и методик и т. д. Применительно к содержанию предмета криминалистики как отрасли научного знания правомерно говорить не о тех или иных группах закономерностей, а о двух видах человеческой деятельности. Во-первых, о проти-

воправной, т. е. деятельности преступника. Во-вторых, о законной, т. е. деятельности правоохранительных органов. Такой подход полностью соответствует всеобщему диалектическому методу познания и идеям гуманистической методологии юридической науки. В рамках обозначенного контекста преступная деятельность выступает в качестве первоосновы предмета криминалистики как такового. Например, если сугубо теоретически предположить, что все люди стали жить по закону, необходимость в криминалистической работе в ее нынешнем виде отпадет. Аксиоматично, что криминалистическая деятельность обусловлена деятельностью преступников, это своего рода ответ общества и государства на явление преступности, необходимость реагирования на него. Однако криминалистическая деятельность играет активную самостоятельную роль, в том числе как элемент предмета криминалистики. Это обусловлено, с одной стороны, прогностической функцией криминалистики, как и любой иной науки, с другой – общей стратегией борьбы с преступностью, предусматривающей упреждающее реагирование государства на новые формы криминальных проявлений. Более того, именно криминалистическая деятельность соответствующих органов составляет центральный элемент предмета криминалистики.

Еще одним аргументом в пользу деятельностного подхода к содержанию предмета криминалистики является то, что случайность как научная категория – это непознанная закономерность. С позиций всеобщего диалектического метода мир един, все связано со всем, поэтому деление на случайности и закономерности носит весьма условный характер. То, что сегодня видится как случайность, завтра с расширением границ человеческого знания, будет закономерным и т. д. Такова стратегия жизни, логика научного познания человеком мира, неотъемлемым элементом которого он является.

Рассмотрение предмета криминалистики как специфической человеческой деятельности имеет важное теоретическое и прикладное значение. Во-первых, существенно упрощается понимание предмета науки за счет четкого и



ясного указания на два вида человеческой деятельности, изучаемые криминалистикой. Отпадает необходимость неоправданной теоретизации с целью формулирования закономерностей, присущих исключительно криминалистике. Во-вторых, криминалистика более четко позиционирует себя на межпредметном уровне. Как известно, преступную деятельность изучает ряд отраслевых и прикладных юридических наук (криминология, уголовное право, уголовный процесс, криминалистика, теория оперативно-розыскной деятельности и др.). В связи с этим среди ученых не прекращаются дискуссии о включении одних и тех же групп закономерностей, связанных с совершением преступлений, в предметы различных наук. Принятие в качестве основного элемента предмета криминалистики одноименной деятельности будет способствовать разрешению этой теоретической проблемы. Именно выполняемая человеком деятельность, а не система абстрактных конструкций, громко называемых закономерностями, делает его криминалистом, а его знания криминалистическими. В-третьих, открываются новые перспективы для теоретического осмысления практики предупреждения и раскрытия преступлений, совершенствования системы криминалистики за счет введения в научный оборот термина «криминалистическая деятельность» в качестве основного элемента ее предмета. Этот термин является родовым, объединяющим деятельность различных уполномоченных государством субъектов, использующих криминалистические средства и методы. В-четвертых, создаются предпосылки для конкретизации стратегической цели науки криминалистики, которая заключается в выработке научных рекомендаций по повышению эффективности криминалистической деятельности. В-пятых, появляются условия для совершенствования структуры и практического наполнения многих теоретических конструкций криминалистики. Например, частная методика расследования как криминалистическая категория представляет собой сложный многоуровневый теоретический конгломерат, который в настоящее время невозможно раскрыть в рамках кандидатской и даже докторской диссертации.

ции. Причина такого положения видится в постоянном дополнении ее структуры все новыми и новыми элементами, исходя из все новых и новых групп криминалистических закономерностей. С позиций деятельностного подхода частная методика может быть представлена в качестве системы рекомендаций по организации и тактике работы следователя и иных субъектов криминалистической деятельности применительно к тому или иному виду преступлений.

В заключение отметим, что высказанное мнение и идеи не претендуют на бесспорность и исчерпываемость и рассматриваются автором в качестве необходимого шага по организации широкой научной дискуссии по внедрению элементов новой методологии в теорию криминалистики.

### **Список использованных источников**

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. – Москва : Юристъ, 1997. – Т. 1. Общая теория криминалистики. – 408 с.
2. Криминалистика : учеб. пособие / Г. Н. Мухин, Д. В. Исютин-Федотков ; М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009. – 227 с.
3. Криминалистика : учебник / Н. И. Порубов, Г. И. Грамович и др.; под общ. ред. Н. И. Порубова, Г. В. Федорова. – Минск : Выш. шк., 2011. – 639 с.
4. Криминалистика: курс интенсив. подгот. / А. М. Хлус. – Минск : ТетраСистемс, 2007. – 256 с.
5. Шиенок, В. П. О некоторых системных противоречиях в белорусской криминалистике начала XXI в. // В. П. Шиенок // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики при раскрытии и расследовании преступлений : тез. докл. респ. науч.-практ. конф., Минск 15 нояб. 2013 г. – Мин-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. МВД Республики Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2013. – С. 269.
6. Шиенок, В. П. Мировоззренческие и иные проблемы создания новой методологии белорусской юриспруденции / В. П. Шиенок. // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2011. – № 1. – С. 159–164.

7. Шиенок, В. П. Человек как исходный пункт новой методологии белорусской юриспруденции / В. П. Шиенок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2012. – № 1. – С. 163–168.

*Впервые материал опубликован:* Уголовный процесс и криминалистика: история и современность // Криминалистические чтения памяти заслуженного деятеля науки Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Н. И. Порухова : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3 дек. 2015 г. : сб. ст. : в 2 ч. – Учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2015. – Ч. 2. – С. 282–286.

## ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ СТРАТЕГИЯ

Традиционно в теории оперативно-розыскной деятельности (ОРД) принято выделять ее правовую, организационную и тактическую стороны (основы). Как и всякое иное теоретическое построение, данное деление в определенной степени условно, однако это позволяет систематизировать научные знания, целенаправленно и оптимально вести научный поиск. Кроме того, данная классификация основывается на реальной практике оперативной работы, ее важнейших системообразующих элементах, роли и месте ОРД в системе функций государственных органов. Именно на эти направления сориентировано большинство научных исследований в области теории оперативно-розыскной деятельности. Не отрицая важности и объективной необходимости продолжения теоретической разработки правовой, организационной и тактической основ ОРД, думается, настало время расширения и углубления научного поиска с учетом новых реальностей оперативно-розыскной практики, государственного строительства, тенденций развития социально-экономической ситуации в республике. Одним из путей решения данной задачи является теоретическое обоснование новых научных категорий, организация их комплексных исследований с последующим внедрением в практику полученных результатов. К числу новых для теории ОРД категорий относится понятие стратегии ОРД (оперативно-розыскной стратегии). Данная категория пока не нашла устойчивого применения и места в системе оперативно-розыскной теории. Речь можно вести об отдельных, фрагментарных случаях использования данного понятия [1].

Любая стратегия – это в первую очередь искусство долгосрочного прогнозирования и руководства тем или иным видом деятельности [2]. Как следует из общепринятого значения этого слова, основу стратегии составляет процесс всестороннего комплексного планирования деятельности той или иной организации (структуры) по достижению перспективной цели и решению связанных с этим задач. Мате-

риальным выражением данного комплексного планирования служат соответствующие документы (планы, программы, концепции и т. д.). Именно поэтому нередко в современной науке управления стратегия рассматривается в качестве детального всестороннего комплексного плана, предназначенного для того, чтобы обеспечить осуществление организации и достижение целей [3]. По нашему мнению, такой подход к сути стратегии представляется несколько односторонним, поскольку сводит ее понимание лишь к плану либо соответствующему процессу планирования. Именно поэтому он мало приемлем для использования в теории ОРД. Мы полагаем, что процесс планирования и его результат (план, программа) составляют лишь часть понятия стратегии, содержание которой представляется гораздо более многообразным. Планирование и план представляют собой, условно говоря, интеллектуальную составляющую любой стратегии, в содержание которой должна включаться и непосредственная деятельность субъектов организации по принятию и обеспечению реализации стратегических решений. Иными словами, сам по себе любой самый совершенный стратегический план был и остается документальным намерением, формой. В реальное же содержание стратегии в целом и оперативно-розыскной в частности входит и комплекс действий, направленных на решение декларируемой цели и задач организации, в том числе по соответствующему планированию. По сути, аналогичного подхода придерживается С. Н. Князев, который включает в содержание государственной стратегии экономической безопасности: 1) характеристику внешних и внутренних угроз как совокупность условий и факторов, создающих опасность для жизненно важных экономических интересов личности, общества и государства; определение и мониторинг факторов, подрывающих устойчивость социально-экономической системы государства на краткосрочную и среднесрочную перспективу (три – пять лет); 2) определение критериев и параметров, характеризующих национальные интересы и отвечающих требованиям национальной безопасности; 3) формирование экономической политики, институциональ-

ных преобразований, устраняющих или смягчающих действие факторов, подрывающих национальную экономику [4]. Таким образом, нетрудно заметить, что в содержание стратегии данного вида включены как интеллектуальные элементы (характеристика угроз), так и отражающие ее деятельную сторону (мониторинг, формирование политики). В связи с этим следует подчеркнуть, что в содержание оперативно-розыскной стратегии должны включаться две группы взаимосвязанных элементов, отражающих процесс соответствующего (стратегического) планирования и полученного документального результата (план, программа). Первая группа – это интеллектуальная составляющая стратегии. Вторая – непосредственная деятельность заинтересованных субъектов в соответствии с установленной целью, задачами организации, а также программой действий по их реализации, деятельная составляющая стратегии.

Формирование и четкое понимание стратегической цели и задач любой деятельности имеет важное значение, причем эффект правильно либо ложно выбранной цели может проявляться в полной мере лишь спустя годы, соответственно крайне затруднительным является немедленное исправление наступивших негативных последствий. На стратегическом уровне, в отличие от тактического, имеет место более длительный временной интервал между началом действий и прогнозируемым стратегическим результатом. Таким образом, последствия неверно избранной стратегии гораздо болезненнее (по сравнению с тактическим уровнем ОРД) для функционирования организации в плане более длительного временного интервала, необходимого для их исправления.

Применительно к оперативной работе формулирование ее стратегической цели и подцелей облегчается наличием специального закона, регламентирующего осуществление ОРД. Анализ содержания действующего Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон) свидетельствует, что в нем отсутствуют нормы, в которых непосредственно говорится о главной (стратегической) цели ОРД. В нем имеется специальная норма, посвященная задачам ОРД. Сказанное не свидетельствует, что

в данном Законе не нашла закрепления стратегическая цель оперативной работы. Подтверждение этому мы находим при анализе содержания ст. 1 Закона, раскрывающей понятие ОРД как деятельности, направленной на защиту жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Сказанное позволяет прийти к выводу, что законодательно закрепленная стратегическая цель ОРД – это защита (обеспечение безопасности) прав и законных интересов граждан, общества и государства от преступных посягательств. Причем, на наш взгляд, вводя термин «обеспечение безопасности», законодатель стремился подчеркнуть активную, наступательную роль ОРД, что соответствует ее исторически сложившейся природе. В контексте сказанного стратегическую цель оперативной работы можно представить как обеспечение максимально безопасного (комфортного) существования каждого члена общества, а также нормальной деятельности общественных формирований и государственных органов (их должностных лиц) за счет сведения к минимуму угрозы пострадать от совершения преступлений и создания условий для эффективного восстановления нарушенных совершенными противоправными деяниями прав и законных интересов людей.

Сформулированные в ст. 3 Закона задачи ОРД соответственно выступают в качестве корреспондирующих главную цель подцелей. Для них также существует свой уровень подцелей (задач) и т. д. Такая классификация известна под названием иерархия (дерево) целей. Таким образом, для каждого уровня целей и задач ОРД должна разрабатываться (применяться) специальная стратегия деятельности. Однако все они согласуются и работают на достижение главной цели и соответствующей ей программы действий. В этом плане правомерно говорить о стратегии кадровой работы для оперативных подразделений, стратегии розыскной работы, стратегии оперативной разработки в целом и по конкретному делу оперативного учета и т. д.

Нередко в теории юридических дисциплин, в правоприменительной и правоохранительной практике в качестве

стратегической цели используется термин «борьба с преступностью». Несмотря на широкую распространенность данного термина, его содержание в научном плане почти не определено. Его содержание варьируется в достаточно широком диапазоне от рассмотрения вопросов предупреждения и раскрытия конкретных преступлений до ликвидации (противодействия) преступности как социального явления в зависимости от задач, решаемых конкретными авторами [5]. Причем указанные задачи, как правило, находятся в пределах одной научной дисциплины.

Для определения содержания термина «борьба с преступностью», который в стратегическом плане соотносится с целью ОРД, представляется целесообразным проанализировать ст. 2 Уголовного кодекса Республики Беларусь, посвященную задачам уголовного закона. Это обусловлено тем, что уголовный закон является своеобразным общественным соглашением, устанавливающим критерии тех деяний, совершение которых представляет повышенную общественную опасность, создающих угрозу нормальному функционированию общества и государства. Нормативные предписания Уголовного кодекса определяют, какие общественно опасные деяния являются преступлениями, закрепляют основания и условия уголовной ответственности, а также устанавливают конкретные виды уголовной ответственности и принудительные меры безопасности и лечения, применяемые к лицам, совершившим противоправные деяния. Таким образом, уголовное законодательство играет приоритетную роль для всех государственных и иных структур, деятельность которых имеет своим объектом криминогенную ситуацию в стране. Следовательно, задачи уголовного закона выступают как главные стратегические цели любой деятельности, направленной на позитивное изменение преступности. В качестве таких задач выступают: охрана мира и безопасности человечества, человека, его прав и свобод, собственности, прав юридических лиц, природной среды, общественных и государственных интересов, конституционного строя Республики Беларусь, а также установленного правопорядка от преступных посягательств. Дан-



ные задачи по своему содержанию, в первую очередь масштабу и глубине, перекрывают, включают в себя стратегическую цель ОРД (ст. 1 Закона), которая ориентирована на них и согласуется с ними.

В контексте сказанного борьбу с преступностью можно определить как деятельность уполномоченных государственных органов, общественных формирований и конкретных лиц, направленную на решение задач уголовного закона либо способствующую этому. Таково содержание термина «борьба с преступностью» в стратегическом плане. Место оперативно-розыскной стратегии в структуре государственных механизмов обусловлено местом и ролью оперативной работы в структуре государственных функций. Надсистемой по отношению к стратегии ОРД выступает общегосударственная стратегия борьбы с преступностью, ориентиры для формирования которой заложены в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь и других нормативных документах.

Проблемным является вопрос о необходимости разработки специальной общенациональной (надведомственной) оперативно-розыскной стратегии. Его сложность обусловлена рядом причин. Во-первых, тенденцией к увеличению количества государственных органов, имеющих право на осуществление ОРД, во-вторых, принадлежностью оперативных аппаратов к различным ведомствам, решающим специфические задачи, в-третьих, отсутствием в республике компетентного научно-исследовательского центра, способного выполнить такую задачу. Решение задачи разработки стратегии ОРД на уровне отдельно взятого ведомства упрощается в технологическом аспекте. Однако такие стратегии вряд ли будут полноценными по причине своей нескоординированности друг с другом.

Проиллюстрируем сказанное на примере ОРД ОВД, которая в количественном и качественном выражении является наиболее разнообразной. С позиций системно-структурного подхода в качестве надсистемы стратегия ОРД ОВД имеет общенациональную стратегию ОРД, а при отсутствии таковой – общенациональную стратегию борьбы с преступ-

ностью. В качестве параллельных систем выступают оперативно-розыскные стратегии иных перечисленных в ст. 7 Закона государственных органов. Подсистемы стратегии ОРД ОВД – это стратегии ее основных направлений и институтов. Например, стратегия розыскной работы, стратегия оперативной разработки и т. д.

Следует учитывать, что система ОРД ОВД включена в структуру МВД. Это обуславливает существование еще одного вида связей (внешних) как по вертикали, так и по горизонтали. К примеру, сотрудники оперативных аппаратов, относящиеся к силам ОРД, одновременно являются работниками милиции (МВД) и входят в соответствующий кадровый аппарат.

Нельзя не остановиться на вопросе о соотношении стратегии ОРД с оперативно-розыскной тактикой и организацией данной деятельности. В теории ОРД ОВД для рассмотрения как интеллектуальных, так и деятельных (внешнепредметных) сторон ее предмета изначально использовались термины «организация» и «тактика». Термин «организация» используется в двух содержательных значениях. Во-первых, для обозначения процессов (явлений и т. д.) в сфере управления ОРД (планирование, принятие управленческих решений, работа с кадрами, материально-техническое обеспечение), т. е. организационно-управленческий уровень ОРД. Во-вторых, применительно к построению конкретных схем (программ, алгоритмов) действий по предупреждению и раскрытию преступлений, розыску скрывшихся преступников и лиц, пропавших без вести, т. е. на тактическом уровне ОРД.

Как общенаучная категория «стратегия» входит в систему науки управления. В этом плане стратегия относится к управленческим основам ОРД и соответствующей части ее теории. По признаку цели, задач, их масштабу, способам решения можно говорить о наличии стратегического уровня оперативной работы. Хотя в настоящее время в научном и практическом плане он не сформирован. На тактическом уровне ОРД, на котором происходит реальное противостояние с преступниками и иными лицами, термин «strate-

гия» также применим. Стратегия – это масштабное, прогнозное (среднесрочное и долгосрочное) видение ситуации, планирование необходимых действий и обеспечение их эффективной реализации. Временные параметры имеют относительный характер, они соотносятся с масштабами конкретной системы. Стратегия всегда направлена на конечную цель деятельности либо ее этапов (стадий). Например, стратегия организации розыскной работы, стратегия работы по розыскному делу и стратегия розыска конкретного преступника. Общее состоит в том, что во всех случаях речь идет о системе действий, преследующих перспективные конечные цели. Тактические действия (тактическое прогнозирование) в отличие от стратегических направлены на близлежащие цели. Объединяются они единым стратегическим замыслом (стратегией), который выступает в качестве организующего начала.

В связи со сказанным следует отметить, что необходимым условием эффективности любой стратегии является стабильность и преемственность декларируемых организацией целей, задач и путей их реализации. К сожалению, в силу комплекса объективных и субъективных причин ОРД ОВД уже третье десятилетие находится в состоянии перманентного реформирования. По времени это совпало с началом перестройки и связано с именем министра внутренних дел СССР Н. Федорчука, известного своими деструктивными действиями, приведшими к ослаблению, а в последующем к развалу профессионального ядра оперативного состава, последствия которого ощущаются и в настоящее время. По нашему убеждению, центральное место в стратегии развития ОРД должно принадлежать мероприятиям по созданию устойчивого профессионального ядра оперативных работников, отвечающих самым высоким морально-этическим требованиям. Именно люди являются бесценным потенциалом для создания и реализации стратегических планов любой сложности. На создание и воспроизводство кадровой составляющей оперативно-розыскной стратегии требуются годы напряженного труда ученых, практиков, педагогов и т. д. При системном хроническом нарушении кадрового ба-

ланса оперативного состава (сокращении количества опытных оперативных работников, большой текучести кадров, омоложении личного состава) самовоспроизводство становится почти невозможным. В свою очередь, такое положение дел может иметь место лишь при отсутствии научно обоснованной стратегии развития организации. Таким образом, основу оперативно-розыскной стратегии, ее потенциал и движущую силу составляет профессионально подготовленная часть оперативных работников. Профессиональная подготовленность включает в себя три основные части. Во-первых, сформированные специальные морально-психологические качества, важнейшим из которых является развитое чувство долга. Во-вторых, наличие соответствующего образования, т. е. структурированной информации и минимальных умений и навыков. В-третьих, достаточный жизненный и профессиональный опыт (устойчивая система знаний, умений и навыков). Размывание (ослабление) устойчивого профессионального ядра оперативных работников свидетельствует об отсутствии научно обоснованной стратегии ОРД либо отсутствии стратегии развития ОРД как таковой.

Следующим условием создания и успешной реализации стратегии развития оперативно-розыскной деятельности является состояние и динамика развития соответствующего законодательства, включая ведомственные нормативные акты. Диалектика законодательства и стратегии ОРД выражается в следующем. С одной стороны, научно обоснованная стратегия основывается на действующем законодательстве и согласуется с ним. Изменение нормативных предписаний может коренным образом менять условия работы оперативных аппаратов и их стратегию. С другой стороны, оперативно-розыскная стратегия в качестве составной части должна включать в себя меры по совершенствованию законодательства. При внесении изменений в действующее законодательство, регламентирующее ОРД, следует соблюдать определенную осторожность. Мы полагаем, что стабильность законодательства (которая пока не наблюдается) является одним из необходимых условий формирования и эффективной реализации стратегии ОРД.

К числу необходимых условий создания и реализации оперативно-розыскной стратегии следует также отнести вопросы организации и осуществления стратегического планирования, подготовки специальных аналитических кадров, координации деятельности министерств, ведомств и их оперативных подразделений, контрольно-инспекционных механизмов, проведения специальных научных исследований и т. д.

Значение научной разработки оперативно-розыскной стратегии для теории и практики ОРД трудно переоценить. Во-первых, ОРД получает мощный импульс для развития за счет формирования нового научного направления, охватывающего все составляющие оперативной работы, нацеленной на решение перспективных практических задач. Во-вторых, создание и реализация стратегии развития ОРД и системы подчиненных стратегий являются организующим научным началом ОРД, позволяющим создать качественно новую систему организации и осуществления данного вида правоприменительной практики. В-третьих, научно обоснованная стратегия ОРД (в совокупности с другими мерами) создает необходимые предпосылки для реального долгосрочного оздоровления криминогенной ситуации в стране и выработки эффективных мер борьбы с преступностью. В-четвертых, на качественно новый уровень выходят связи науки и практики. Стратегическое планирование и его реализация невозможны без соответствующего научно-аналитического сопровождения. Кроме того, разработке стратегии должны предшествовать специальные теоретические исследования, без проведения которых ее создание невозможно.

В-пятых, внедрение и реализация стратегического планирования повысят эффективность ОРД за счет более четкой организации всех ее звеньев и обеспечения поступательного бесконфликтного развития.

### **Список использованных источников**

1. Егиазарян, Г. Г. Стратегия борьбы с организованной преступностью в Содружестве независимых государств : автореф. ... канд. юрид. наук / Г. Г. Егиазарян. – Минск, 2001.

2. Ожегов, С.И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1999. – С. 772.
3. См., например: Гончаров, В. В. В поисках совершенства управления : рук. для высш. управленч. персонала / В. В. Гончаров. – М., 1993. – С. 37–45; Хромовских, Н. Г. Основы управления. Теория, практика, проблемы / Н. Г. Хромовских. – Владивосток, 1994. – С. 193–198; Мескон, М., Альберт, М., Хедоури, Ф. Основы менеджмента / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – М., 1995. – С. 257.
4. Князев, С. Н. Управление: искусство, наука, практика / С. Н. Князев. – Минск, 2002. – С. 120.
5. Басецкий, И. И. Преступность: опыт координации противодействия / И. И. Басецкий, И. В. Капелько, Ю. Л. Сиваков. – Минск, 2001; Организованная преступность. М., 1989. – С. 237–242; Бобкова, И. Н., Гвоздев, А. И. Проблемы борьбы с преступностью в сфере экономики / И. Н. Бобкова, И. Н. Говздев. – Минск, 1991.

*Впервые материал опубликован:* Вест. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2005. – № 2. – С. 108–112.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мир стремительно меняется. Все больше проявляются разрушительные последствия жизнедеятельности людей. Участвовавшие природные бедствия, экологические и техногенные катастрофы, войны, терроризм, преступность – характерные черты цивилизации начала XXI века. Новая холодная война между странами НАТО с одной стороны и Россией и ее союзниками с другой уже разделила мир на противоборствующие лагеря. Похоже, эта война никогда и не прекращалась, а лишь вступала в фазу временного затишья. Последствия этого конфликта могут быть фатальны.

Глобализация социально-экономических процессов в мире со всей очевидностью еще раз демонстрирует единство планеты, общность людей, живущих на ней. Это значит, что каждая страна в ответе за то, что происходит на Земле, каждый человек ответствен за себя, свою страну, планету. Государство и право как важнейшие институты, формы управления, организации жизнедеятельности общества по сути призваны сделать жизнь людей более понятной, безопасной, а значит, счастливой, гармоничной. Однако это внешние инструменты, средства воздействия на человека, которые в принципе не могут решить вышеназванных задач, а лишь способствуют этому. Изменения к лучшему могут произойти лишь при изменении мировоззрения людей, смещения его вектора от тотального потребительства, эгоизма к сбалансированному образу жизни во всем.

Ученые, в том числе правоведаы, являющиеся интеллектуальной элитой любого общества, несут особую ответственность за формирование основ общественного сознания, мировоззрения социума, организации его управления. Именно поэтому формирование новой методологии юриспруденции – первоочередная задача всего научного сообщества. Хочется верить, что данная работа в какой-то мере будет способствовать организации широкой научной дискуссии на эту тему

и созданию основ подлинно гуманистической национальной юриспруденции.

В качестве конкретных практических мер в этом направлении могут выступить:

- создание специальной комиссии по выработке основ новой концепции жизнедеятельности человека при одном из центральных органов власти (управления) страны, состоящей из компетентных, творчески мыслящих ученых и практиков;
- включение вопроса о новой методологии науки в целом и юриспруденции в частности в перечень стратегических задач государства, а также приоритетных направлений научных исследований;
- организация специализированного научного издания по вопросам методологии юриспруденции, а также соответствующей дискуссионной площадки на базе одного из вузов страны;
- подготовка комплексной программы и осуществление научных исследований по проблеме комплексного изучения человека в его духовной и материальной составляющей.

И последнее. Теория и практика юриспруденции нуждаются в разработке и создании надотраслевой (отраслевых) стратегии развития, которая представляет собой долгосрочное прогнозирование и руководство на научной основе соответствующими сферами государственной и общественной жизни.

Необходимость научной разработки стратегии в юриспруденции обусловлена рядом факторов. Во-первых, наука получает мощный импульс для своего развития за счет формирования нового научного направления, охватывающего главные составляющие своего предмета, нацеленного на решение перспективных практических задач. Во-вторых, создание и реализация стратегии развития той или иной отраслевой дисциплины и соответствующей деятельности являются организующим научным началом, позволяющим



создать качественно новую систему организации и осуществления того или иного вида правоприменительной практики. В-третьих, научно обоснованная стратегия юриспруденции (в совокупности с другими мерами) создает необходимые предпосылки для реального долгосрочного оздоровления общественной жизни и криминогенной ситуации в стране, для выработки эффективных мер предупреждения преступности. В-четвертых, стратегическое планирование и его реализация требуют соответствующего научно-аналитического сопровождения, где на качественно новый уровень выходят связи науки и практики. Разработке стратегии должны предшествовать специальные теоретические исследования, без проведения которых ее создание практически невозможно. В-пятых, стратегическое планирование в юриспруденции – необходимое условие повышения эффективности деятельности государственного аппарата за счет более четкой организации всех его звеньев.

## ЗАКАНЧЭННЕ

Свет імкліва змяняецца. Усё больш праяўляюцца разбуральныя наступствы жыццядзейнасці людзей. Пачасціліся прыродныя катаклізмы, экалагічныя і тэхнагенныя катастрофы, войны, тэрарызм, злачыннасць – характэрныя рысы цывілізацыі пачатку XXI стагоддзя. Новая халодная вайна паміж краінамі НАТО з аднаго боку і Расіяй і яе саюзнікамі з другога ўжо падзяліла свет на супрацьлеглыя лагеры. Відаць, гэтая вайна ніколі і не спынялася, а толькі ўваходзіла ў фазу часовага зацішша. Наступствы гэтага канфлікту могуць быць фатальнымі.

Глобалізацыя сацыяльна-эканамічных працэсаў у свеце з усёй відавочнасцю яшчэ раз дэманструе адзінства планеты, супольнасць людзей, якія жывуць на ёй. Гэта значыць, што кожная краіна ў адказе за тое, што адбываецца на Зямлі, кожны чалавек адказны за сябе, сваю краіну, планету. Дзяржава і права як важнейшыя інстытуты, формы кіравання, арганізацыі жыццядзейнасці грамадства па сутнасці закліканы зрабіць жыццё людзей больш зразумелым, бяспечным, а значыць, шчаслівым і гарманічным. Аднак гэтыя знешнія інструменты, сродкі ўздзеяння на чалавека, якія ў прынцыпе не могуць вырашыць узгаданых вышэй задач, а толькі спрыяюць гэтаму. Змены да лепшага могуць адбыцца толькі пры змене светапогляду людзей, зрушэння яго вектара ад татальнага спажывальніцтва, эгаізму да збалансаванага ладу жыцця ва ўсім.

Навукоўцы, у тым ліку прававеды, якія з’яўляюцца інтэлектуальнай элітай любога грамадства, нясуць асаблівую адказнасць за фарміраванне асноў грамадскай свядомасці, светапогляду соцыума, арганізацыі яго кіравання. Менавіта таму фарміраванне новай метадалогіі юрыспрудэнцыі – першачарговая задача ўсёй навуковай супольнасці. Хочацца верыць, што дадзеная праца будзе садзейнічаць арганізацыі шырокай навуковай дыскусіі на гэтую тэму і стварэнню асноў сапраўды гуманістычнай нацыянальнай юрыспрудэнцыі.

У якасці канкрэтных практычных мер у гэтым накірунку могуць выступіць:

- стварэнне адмысловай камісіі па выпрацоўцы асноў новай канцэпцыі жыццядзейнасці чалавека пры адным з цэнтральных органаў улады (кіравання) краіны, які складаецца з кампетэнтных, творча думачых навукоўцаў і практыкаў;
- уключэнне пытання аб новай метадалогіі навукі ў цэлым і юрыспрудэнцыі ў прыватнасці ў пералік стратэгічных задач дзяржавы, а таксама прыярытэтных напрамкаў навуковых даследаванняў;
- арганізацыя спецыялізаванага навуковага выдання па пытаннях метадалогіі юрыспрудэнцыі, а таксама адпаведнай дыскусійнай пляцоўкі на базе аднаго з ВНУ краіны;
- падрыхтоўка комплекснай праграмы і ажыццяўленне навуковых даследаванняў па праблеме комплекснага вывучэння духоўных і матэрыяльных складнікаў чалавека.

І апошняе. Тэорыя і практыка юрыспрудэнцыі маюць патрэбу ў распрацоўцы і стварэнні надгаліновай (галіновых) стратэгіі развіцця, якая ўяўляе сабой доўгатэрміновае прагназаванне і кіраўніцтва на навуковай аснове адпаведнымі сферамі дзяржаўнага і грамадскага жыцця.

Неабходнасць навуковай распрацоўкі стратэгіі ў юрыспрудэнцыі абумоўлена шэрагам фактараў. Па-першае, навука атрымлівае магутны імпульс для развіцця за кошт фарміравання новага навуковага напрамку, які ахоплівае галоўныя складнікі свайго прадмета, нацэленага на рашэнне перспектыўных практычных задач. Па-другое, распрацоўка і рэалізацыя стратэгіі развіцця той ці іншай галіновай дысцыпліны і адпаведнай дзейнасці з’яўляюцца арганізуючым навуковым пачаткам, які дазволіць стварыць якасна новую сістэму арганізацыі і ажыццяўлення таго ці іншага віда правапрымяняльнай практыкі. Па-трэцяе, навукова абгрунтаваная стратэгія юрыспрудэнцыі (у сукупнасці з іншымі мерамі) стварае неабходныя перадумовы для рэальнага доўгатэрміновага аздаравлення грамадскага жыцця

і кримиіагеннай сітуацыі ў краіне, для выпрацоўкі эфектыўных мер папярэджання злачыннасці. Па-чацвёртае, стратэгічнае планаванне і яго рэалізацыя патрабуюць адпаведнага навукова-аналітычнага суправаджэння, дзе на якасна новы ўзровень выходзіць сувязь навукі і практыкі. Распрацоўцы стратэгіі павінны папярэднічаць спецыяльныя тэарэтычныя даследаванні, без правядзення якіх стварыць яе практычна немагчыма. Пятае – стратэгічнае планаванне ў юрыспрудэнцыі ёсць неабходная ўмова павышэння эфектыўнасці дзейнасці дзяржаўнага апарата за кошт больш зладжанай працы ўсіх яго звёнаў.

## СОДЕРЖАНИЕ

Ад аўтара .....	3
От автора .....	11
О необходимости и путях изменения методологии современной юридической науки .....	19
Мировоззренческие и иные проблемы создания новой методологии белорусской юриспруденции .....	27
Человек как исходный пункт новой методологии белорусской юриспруденции .....	40
Сущностные подходы к пониманию человека на примере современной криминологии: индивидуальная душа и ее информационное поле .....	51
Сущностные подходы к пониманию человека на примере современной криминологии: судьба .....	61
Диалектика правовой и индивидуальной реальности .....	69
Методологический анализ всеобщей декларации прав человека .....	76
Мировоззренческие проблемы мирового экономического кризиса ..	86
Проблема новой методологии юридической науки и сущность права	100
О классовой сущности права .....	109
Методологические проблемы регулятивной функции права .....	114
Сущность и методологическое значение принципов права .....	127
Методологический анализ категории «вина» в современной юриспруденции .....	138
Методологические проблемы современной криминологии .....	152
Проблемы правового воспитания молодежи в современных условиях	166
Административная ответственность юридических лиц .....	177
Проблемы реализации принципов гражданского права .....	191
О необходимости создания новой методологии белорусской криминалистики и путях ее разработки .....	205
О некоторых системных противоречиях в белорусской криминалистике начала XXI в. ....	211
О предмете криминалистики и разработке ее новой методологии	214
Оперативно-розыскная стратегия .....	220
Заключение .....	231
Заканчэнне .....	234

*Научное издание*

**Шиенок Владимир Петрович**

**ОЧЕРКИ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ  
НАЦИОНАЛЬНОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ**

Монография

2-е издание, исправленное и дополненное

Редактор *Е. В. Аземша*  
Компьютерная верстка *В. И. Дробудько*  
Дизайн обложки *К. И. Липский*

Подписано в печать 05.12.2016.

Формат 60x84 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага офсетная. Печать на ризографе.  
Усл. печ. л. 13,8. Уч.-изд. л. 11,2. Тираж 300 экз. Заказ

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси  
«Международный университет «МИТСО».  
Ул. Казинца, 21-3, 220099, Минск.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,  
распространителя печатных изданий № 1/423 от 02.09.2014.

Отпечатано в Унитарном предприятии «Типография ФПБ».  
Пл. Свободы, 23/90, г. Минск.

Свидетельство о государственной регистрации издателя,  
изготовителя, распространителя печатных изданий  
№ 2/18 от 26.11.2013.

ЛП № 02330/54 от 12.08.2013.